

Евгений Якубович, Сергей Удалин

КОДЕКС ДЖИННОВ

Абсолютно несерьезный
фантастический роман
с элементами драмы и комедии

Евгений Якубович
Сергей Удалин

КОДЕКС ДЖИННОВ

*Абсолютно несерьезный фантастический
роман с элементами драмы и комедии*

*Действующие лица: люди, джинны, гномы,
эльфы и тролль (1 шт.)*

*А еще – бравый российский космонавт Коля
Ночкин*

Глава 1

Коля вконец измучился. Его боевой вездеход метался по лесу в поисках опушки или просеки. Все время приходилось отбиваться от монстров и прочей нечисти. Защита танка слабела на глазах, боезапас подходил к концу.

Почти отчаявшись, он обнаружил дорогу. Дорога была узкая, по краям ее плотно обступили плотоядные деревья. На длинных гибких отростках — то ли ветки, то ли щупальца — шевелились отвратительные розовые присоски.

Коля прибавил газа. Танк взревел, рванулся вперед. Тупые кровососущие жадно протянули к танку свои ветви-присоски, но те лишь скользили по бронированному огнестойкому корпусу из керамопласта. Наконец сразу двум удалось закрепиться на броне. Они держали танк с такой силой, что тот забуксовал на

месте. Пришлось перейти на нижнюю передачу и выворотить дерево с корнем. Ветви-щупальца тотчас обмякли и безжизненно упали рядом с поверженным деревом. Освобожденный танк прибавил скорость, но через пару минут уткнулся в сплошную стену кустарника, разросшегося поперек дороги. Растения так густо переплелись между собой, что остановили тяжелый бронированный вездеход. Мягко спружинив, живая преграда отбросила машину назад. Коля покачнулся в своем кресле, но ремни выдержали.

Танк отъехал еще назад и выстрелил из плазменной пушки. В ней оставалось только два заряда, и водитель использовал оба. Два шара неистово-белого пламени метнулись вперед. Они врезались в стену и та взорвалась огнем. На бронированное стекло автоматически опустился темный фильтр. В приглушенном свете стало видно, что от преграды не осталось и следа. Впереди, сквозь пробитый туннель, пробивался солнечный

свет. Путь из леса был свободен.

Коля до отказа нажал на педаль акселератора и танк рванул вперед, подминая под себя малиновых черепашек с ядовитыми жалами, которые пытались преградить ему путь. Через минуту машина выкатилась из леса и остановилась на краю большого луга, вся в зеленых лохмотьях от остатков поверженных лесных растений. Метрах в ста впереди стояла бревенчатая изба. Нормальная деревенская избушка с покосившейся трубой, над которой поднимался едва заметный дымок. Вокруг летали яркие бабочки, птицы чирикали что-то мелодичное и веселое.

Однако Коля знал, что этой пасторальной картинке доверять не следует. В избушке могло прятаться все что угодно, но скорее всего, оно будет враждебным. Что там прячется именно сегодня, он предугадать не мог. В предыдущий раз там засел взвод спецназа, а сама избушка оказалась замаскированным дотом. А еще раньше оттуда вылетел рой металлических ос, которые за

минуту прогрызли стальной корпус танка, а затем напустили сквозь дыру отравляющий газ.

В этот раз там вполне может оказаться Змей Горыныч. Он мирно сидит за столом и играет с лешим в дурачка на щелбаны. А у печки стоит баба-Яга и кипятит воду в огромном котле. Рядом, уже помытые и порезанные, лежат пучки укропа и петрушки, красный и черный перец, какие-то сушеные снадобья. Баба-Яга мурлыча себе под нос какой-то варварский мотивчик, готовится угостить своих гостей похлебкой из добра-молодца, выехавшего из леса на нелепой и смешной самодвижущейся повозке.

Позади раздался дикий рев. Не оборачиваясь, и даже не взглянув в зеркала заднего вида, Коля отработанным движением бросился влево и кулаком ударил по клавише запуска кормовых ракет. Самонаводящееся орудие быстро нашло цель. Взревев напоследок всеми четырьмя глотками монстр завалился на бок, захрипел, царапая себя за

грудь, и издох.

Коля вздохнул и откинулся на спинку кресла. Тренированная годами реакция пилота-межзвездника спасла его и на это раз.

- Нет, хватит. Все равно я сегодня этот уровень не пройду.

Он нажал клавиши Save and Exit. Тут же исчезли и лес, и избушка, и издыхающий монстр. Пропал и сам танк. Коля по-прежнему сидел пристегнутый в большом удобном кресле; но вместо яркого фантастического пейзажа перед ним была обычная панель управления звездолетом класса К-4. В иллюминаторе виднелось черное звездное небо, на экранах мониторов неторопливо сменяли друг друга бесконечные отчеты и графики. Все было в порядке. Привычная обстановка успокаивала.

Коля Ночкин, пилот второго класса российского космофлота, выполнявший плановый рейс на бета Цефея, снял со лба крошечные присоски, смотал проводки и спрятал все в коробочку, где лежал сам

игровой компьютер, запасные батарейки и кристаллы с играми. Закрыв коробочку и спрятал ее в карман на внешней стороне пилотского кресла. Смахнул пот со лба и потянулся. «А ведь это еще начальный уровень, – подумал он. – Что же творится на более сложных? И, главное, игра-то для младших школьников! Детишки режутся в нее часами, потом еще умудряется погонять в футбол и спокойно спят всю ночь. Интересное поколение мы растим».

Традиция брать с собой в рейс игрушки существовала в космическом флоте испокон веков. И так же издавна командование с ней безуспешно боролось. Еще во времена патрулирования солнечной системы были отмечены подобные случаи нарушения устава. Легендарный пилот Пиркс в свое время не раз подвергался дисциплинарным взысканиям за подобные проступки.

Космонавтам в приказном порядке запрещали играть во время вахты и устраивали проверки перед стартом. Им объявляли

выговоры, лишали премий, наказывали, вплоть до отстранения от полетов. Но ничего не помогало. Несмотря на все запреты, пилоты продолжали контрабандой проносить с собой на борт игрушки, купленные в магазине дьюти-фри перед вылетом. А семейные просто отбирали их у собственных детей. Немудреное развлечение помогало скрасить тягучие часы на борту корабля. Привлекал и сам факт поддержания незаконной традиции. Противостояние между действующим летным составом и сидящими на земле администраторами-бюрократами принимало порой самые странные формы. Детские игрушки в руках профессиональных пилотов во время вахт являлись частью этой борьбы.

От философских размышлений, прямо скажем обычно ему не свойственных, Колю оторвал резкий сигнал зуммера. На коммуникационной панели замигала красная лампочка. Кто-то поблизости передавал сигнал SOS.

Удивленный космонавт протер глаза. На

всякий случай он проверил игрушку, не очередная ли это провокация виртуальной забавы. Нет, приставка была выключена. Сигнал бедствия звучал наяву.

Дальше Ночкин действовал по регламенту. Первым делом он остановил маршевый двигатель и сканировал окружающее пространство. Прямо перед ним находилась небольшая планета. Сигнал SOS передавали оттуда.

Коля включил бортовой журнал и сообщил, что собирается произвести посадку для спасения терпящих бедствие. Не выключая регистратор, он стал готовиться к посадке, одновременно комментируя вслух все свои действия, как требовал устав.

Сам корабль никогда не приземляется на планеты. Однажды созданный в космосе на орбитальном заводе он всю свою жизнь проводит в открытом пространстве. Он — дитя космоса, ему нужен простор. Хищная планетная гравитация в считанные секунды сомнет, искалечит и уничтожит его хрупкую и

несуразную, с точки зрения обывателей, конструкцию.

Для посадки на планеты существуют шаттлы. Это надежный малый корабль предназначенный именно для полетов в атмосфере. Ему не страшны ни высокие температуры, ни притяжение планеты. На нем установлены две сверхнадежные силовые атомные установки, каждая из которых в одиночку может питать двигатели и поддерживать работоспособность шаттла. Все системы корабля продублированы, а некоторые имеют еще и третью ступень защиты от неполадок.

Все это делало шаттл большим и неповоротливым. Космонавты потихоньку ругали перестраховщиков, установивших столько дополнительного оборудования на маленьком судёнышке, чья задача сводилась лишь к тому, чтобы отстыковаться от основного корабля и приземлиться на поверхности планеты. Или же, наоборот, стартовать с поверхности и пристыковаться к

главному кораблю.

Несмотря на ворчание самих космонавтов, следует отдать должное конструкторам челнока. Статистика аварий и даже просто мелких происшествий выражалась цифрой, почти неотличимой от нуля. Какими бы параноиками не казались пилотам конструкторы шаттла, он по праву считался самым надежным из всех, когда-либо существовавших, средств передвижения.

Отделившись от главного корабля, Коля вывел челнок на более низкую орбиту. Он собирался сделать несколько витков, чтобы точно определить место аварии. Кроме того, следовало хоть чуть-чуть изучить планету, разобраться, что представляет собой этот мир. Задачу осложняло то, что Коля никак не мог связаться с бедолагами, подающими сигнал бедствия. В ответ на его вызовы, они упорно продолжали передавать только последовательность из трех точек и трех тире. Видимо работал автомат. Аварийный маячок тоже молчал. Поэтому пришлось самому

определять, откуда идет сигнал.

После двух витков Коля уже знал, что условия на поверхности планеты близки к земным. Это радовало – значит, у потерпевшего бедствие экипажа было больше шансов на выживание. Да и ему после приземления не придется возиться с громоздким скафандром. Местоположение передатчика он локализовал лишь с точностью до пары сотен километров. И теперь хотел сделать еще один виток на самой низкой орбите, чтобы уточнить координаты и рассмотреть место предполагаемой посадки.

Вскоре все было готово. Сигнал раздавался с окраины большого дремучего леса. Рядом с ним текла река, а за ней раскинулась широкая равнина. Вдоль реки она была расчерчена прямоугольниками полей каких-то окультуренных растений. «Отлично, – подумал Коля, – уж по такой мишени я не промахнусь». Он задал координаты компьютеру и дал команду начать спуск.

С ревом заработали двигатели. Корабль

клюнул носом и резко пошел вниз. То, что случилось дальше, не могло присниться Коле в самом кошмарном сне. Снаружи это выглядело так. Корабль внезапно окутало матово-синее сияние. Оно образовало непрозрачный кокон, в котором исчез весь шаттл. Раздался треск разрядов, по поверхности кокона побежали дорожки молний. Так продолжалось примерно минуту. Потом облако исчезло так же внезапно, как и появилось. Для Коли эта минута показалась вечностью. В кабине внезапно потемнело. За окнами была непроглядная тьма. Светились лишь экраны мониторов и огоньки подсветки на приборной доске.

Коля крикнул:

– Компьютер, освещение кабины!

Но ответа не услышал. Свет пропал окончательно. Одновременно с этим обрушились абсолютная, оглушающая тишина. Резко пахло озоном.

Коля сидел в кресле, изумленно оглядываясь по сторонам. Темнота и тишина

вокруг обволакивали, выключая все чувства. Ощущение времени и пространства исчезли. Каким-то образом он понял, что неведомая сила проникла на корабль и сейчас хозяйничает в нем. Коля почувствовал, как по позвоночнику пробежала леденящая волна. Он сидел ни жив ни мертв, казалось что огромные, чужие руки обыскивают рубку и самого космонавта. Потом ощущение пропало и его оставили в покое.

А неизвестная сила продолжал хозяйничать внутри корабля. Все электрические цепи челнока отключились, генераторы перестали давать ток. Двигатели, лишившись источников энергии, разом умолкли. Оба сверхнадежных, проверенных и перепроверенных атомных реактора вдруг просто остановились. Они вели себя так, словно их высококачественное атомное топливо превратилось в бесполезные слитки металла. Позже, когда ошарашенный Коля разглядывал ожившие приборы, он убедился, что так и произошло на самом деле: после

посещения неизвестного гостя в топливных отсеках реакторов вместо сверхчистого радиоактивного полония находились бруски обычного свинца.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. К Коле вернулась способность видеть и слышать. Осветительные лампы включились, затем мигнули и зажглись снова. На этот раз они светили тускло, в аварийном режиме экономии. Завыла сирена тревоги. Корабль лихорадочно искал пути к спасению. Но все попытки оживить реакторы оказались тщетны. Энергии не было. Молчал даже спрятанный в глубине двигательного отсека, и редко упоминаемый в документации, третий, резервный атомный реактор. Выключилось все. В распоряжении корабля оставались лишь слабые химические аккумуляторы.

В кабине горел приглушенный свет. Ожили основные навигационные приборы. Сирена умолкла и Коля получил возможность оценить масштаб катастрофы. Лишенный энергии шаттл падал. Вместо мощного маневренного

челнока Коле подсунули тяжелую неустойчивую посудину с аэродинамикой утюга. И этот утюг с огромной скоростью приближался к поверхности планеты. Единственный выход в такой ситуации – восстановить устойчивость корабля и попытаться посадить его, планируя на толстых рудиментарных крыльях. Скорость в этом случае – союзник. При таком бешеном спуске даже от неуклюжего челнока можно будет добиться контролируемого полета.

Космонавт переключил тумблер автопилота, взялся за джойстик ручного управления и попытался выровнять шаттл. Тщетно. Корабль не слушался. Так называемое ручное управление, на самом деле ничто иное как просто другой способ задавать команды компьютеру. Сколько ни дергай за рукоятку, но без одобрения электронного мозга ни рули на хвосте, ни элероны на крыльях не сдвинутся ни на миллиметр. Только компьютер может передать команду на сервисные электромоторы, которые их

поворачивают.

Коля проверил положение переключателей. Они находились в режиме ручного пилотирования. Тем не менее, компьютер блокировал все команды, которые пилот отдавал кораблю.

Проклиная все на свете, Коля приказал:

– Компьютер, ручной режим управления!

– Команда отменяется, –

проинформировал его компьютер. – Вся имеющаяся энергия направлена на поддержание работоспособности систем жизнеобеспечения. На настоящий момент запаса энергии хватит для обслуживания экипажа в течение трех месяцев. Это ниже установленной нормы.

– Какие три месяца! – отчаянно заорал в ответ Коля. – Ты, электронный кретин, немедленно включи питание на моторы рулей.

– Нельзя, я берегу запас для системы жизнеобеспечения.

– Ты полный идиот. Ну, подумай сам, зачем мне жизнеобеспечение на три месяца,

если через пятнадцать минут я врежусь в поверхность планеты! Чью жизнь ты собираешься обеспечивать? Да от меня мокрого места не останется.

— А вдруг? — неожиданно спросил компьютер.

— Что вдруг? — от удивления космонавт перестал ругаться и уставился на динамик.

— А вдруг вы нормально приземлитесь? Тогда вам потребуется система жизнеобеспечения.

— Да, я хочу нормально приземлиться, — снова заорал Коля. — Но для этого мне нужны рули. Немедленно включи питание сервисных моторов!

— Не могу. Я просчитал ситуацию, и пришел к выводу, что существует ненулевая вероятность, что вы приземлитесь без летальных повреждений организма. Тогда вам обязательно понадобится система жизнеобеспечения.

— Ну, дай хоть немножко!

— Не могу.

– Тогда я тебя выключу, – Коля потянулся к пульту.

– Не поможет. Напоминаю вам, что управление кораблем осуществляется через бортовой компьютер. Без меня сигналы до рулей не дойдут, – невозмутимо ответил электронный мозг и добавил: – А я их заблокировал.

– Убийца! Ты не компьютер, ты убийца! – завопил Коля. – Что мне теперь делать – сидеть и ждать твоей ненулевой вероятности?

Ответ компьютера был неожиданным.

– Если вы будете бездействовать, то вероятность успешной посадки составит ноль целых, ноль десятых процента.

– Ну, а что же мне делать? – спросил отчаявшийся космонавт.

– Перейти на ручное управление, – ответил компьютер равнодушно, как будто его спрашивали о погоде на завтра.

Ночкин аж позеленел. Ну надо же такому случиться, что последние минуты своей жизни он проведет в бессмысленной перепалке со

сбрендившим компьютером.

– Так я и прошу тебя включить ручное управление, мерзавец ты этакий!

– Вы меня не поняли, – по-прежнему невозмутимо продолжал мерзавец. – Я имею ввиду настоящее ручное управление. Аварийную систему с механическим приводом, разработанную как раз для подобных ситуаций.

И тут Коля, наконец, сообразил, о чем говорил компьютер. Многоступенчатая система страховок и перестраховок шаттлов включала в себя и, так называемую, аварийную систему ручного управления.

Никто и никогда до конца не верил, что этой системой когда-нибудь придется воспользоваться. Тем не менее, курс подготовки пилотов включал в себя и такую дисциплину. Им даже пришлось сдавать зачет по ручному пилотированию шаттла. На тренажере, конечно. И, главное, с работающими двигателями.

Коля наклонился к пульту. На самом его

краю, сбоку, в панель была вмонтирована большая красная кнопка. Сверху кнопку прикрывала толстая пластина из особо прочного стекла. Пластина крепилась к корпусу четырьмя тяжелыми болтами. Болты были опломбированы печатями.

Ночкин попробовал открыть или хотя бы пошевелить пластину. Безуспешно. Тогда он с размаху саданул по ней кулаком и тоже ничего не добился. Тряся в воздухе ушибленной ладонью, попытался вспомнить, где лежат инструменты для ремонта и есть ли в комплекте гаечный ключ на восемнадцать. Одновременно он сказал вслух:

– Черт, как же он открывается?

В ответ раздался бесстрастный голос компьютера:

– При аварии разбейте стекло молотком. Повторяю, при аварии разбейте стекло молотком.

– Вот я твоей башкой сейчас разобью! Умник нашелся. Где я тебе возьму молоток? Ты бы еще лом с кувалдой предложил, –

огрызнулся Коля. – Скажи, лучше, где у нас набор ремонтных инструментов? Там есть ключ на восемнадцать?

– При аварии разбейте стекло молотком! – все так же безразлично повторил электронный советчик.

Коля вздрогнул. Он понял, что в довершение всех бед, бортовой компьютер окончательно свихнулся.

Неожиданно тот добавил уже другим, обычным голосом:

– Ну что ты смотришь, рохля, молоток под сиденьем!

Измученный космонавт перестал удивляться происходящему. Он перегнулся насколько позволили ремни и действительно нашарил под сиденьем аккуратно прикрепленный там молоточек, схватил его и изо всех сил шарахнул по стеклянной панели, защищавшей вожаделенную кнопку. Удар получился что надо. Молоток пробил стекло и, не останавливая поступательного движения, ударил по красной кнопке. Завыла сирена.

Тренированное тело среагировало самостоятельно. Колени подтянулись и прикрыли живот, корпус подался вперед, а руки заслонили голову. В тот же миг раздался взрыв пиропатронов и часть панели управления прямо перед пилотом отлетела к задней стенке кабины, чудом ничего не сломав по дороге. Когда дым рассеялся, В образовавшейся нише обнаружилась рулевая колонка со штурвалом и парой педалей. Рядом торчала какая-то рукоятка, окрашенная в красный цвет.

Методика подготовки пилотов космических кораблей не оставляет выпускникам ни единого шанса забыть что-нибудь из однажды выученного. Вот и теперь Ночкин начал действовать раньше, чем понял что делает. Он пододвинул кресло к нише и, наклонившись, стал качать красную ручку насоса. Где-то в недрах летающего склада запчастей под названием шаттл находился бак с гидравлической жидкостью. Теперь под воздействием механического насоса и

бицепсов пилота жидкость начала заполнять бесконечные трубки и усилительные цилиндры системы механического управления. Коля качал, поглядывая на простенький прибор возле насоса. Стрелка на циферблате потихоньку поднималась, показывая растущее давление в системе. То и дело раздавалось громкое «хлюп» и стрелка соскальзывала вниз, на нулевую отметку. Прошло немало времени пока она, наконец, добралась до зеленого сектора. Космонавт покрылся потом и дышал как после десятикилометрового кросса.

Все это время корабль продолжал падать. На переднем экране и в боковых иллюминаторах хаотично мелькали то голубая полоска планеты, покрытая лоскутным одеялом облаков, то черно-звездная пустота космоса. Коля сдвинул штурвал от себя. Некоторое время его действия никак не сказывались на траектории движения. Затем рули высоты зацепили воздушный поток, и шаттл резко нырнул носом вниз. Теперь

впереди виднелась только поверхность планеты. Неуправляемое падение превратилось в глубокое пике. Корабль стремительно неся к земле, с ревом разрезая сгущающуюся атмосферу. Коля осторожно потянул штурвал к себе. Рулевая колонка легко поддалась. Однако, пройдя несколько сантиметров, она перестала двигаться. Пилот дернул сильнее. Штурвал сопротивлялся. Тогда космонавт уперся ногами в пол и рванул что есть силы. Колонка пружинила и сопротивлялась. Коля руками ощущал всю мощь воздушного потока, протекавшего через рули высоты. Гидравлические усилители смягчали его силу, тем не менее приходилось прилагать невероятные усилия для того чтобы двигать колонку.

Медленно, страшно медленно, земля в переднем окне поползла вниз. Через несколько минут борьбы со штурвалом все же удалось перевести корабль в режим управляемого спуска.

Управление, конечно, было

относительным. Коля мог лишь удерживать челнок чтобы тот снова не нырнул и не свалился в штопор. Шаттл резко снижался то ли планируя на своих куцых крыльях, то ли просто камнем падая вниз, О приземлении в намеченной точке можно было забыть. В таких условиях посадка в любом месте уже может считаться удачной.

«Любая посадка, при которой я останусь в живых», – уточнил про себя Коля. Он выпустил закрылки воздушного тормоза и движение корабля замедлилось. Пожалуй, теперь это действительно можно было назвать полетом. Коля попробовал легонько покачать штурвалом. Шаттл с ощутимой задержкой тяжело перевалился с боку на бок. Корабль, пусть и неохотно, но слушался руля.

«Отлично!», – подумал Коля. К нему снова вернулся обычный оптимизм. Теперь можно оглядеться. За всеми хлопотами он не успел заметить, как спустился до высоты, когда пора думать о выборе площадки для приземления.

Корабль сильно отклонился к югу от

намеченной траектории спуска. Внизу расстиралась однообразная песчаная пустыня. Темные параллельные линии на светло-желтом фоне обозначали гребни высоких барханов. Место для посадки было не самое удачное. Однако выбирать не приходилось. Корабль продолжал снижаться, явно намереваясь зарыться носом в песок.

Очередным напряжением мышц Ночкин выравнивал шаттл и повел его насколько возможно ровно над пустыней. Потом попытался развернуться параллельно песчаным гребням, чтобы попасть в ложбину между барханами и скользить по ней, постепенно снижая скорость. При удаче такой маневр обеспечивал нормальную посадку. Не выпуская шасси, челнок проедет на брюхе по песку, быстро и безопасно погасив скорость.

Однако, вышло по-другому. Потерявший скорость корабль не захотел слушаться рулей поворота и шмякнулся на песок прямо поперек линии барханов. Это было та еще посадочка. Корпус челнока содрогнулся от

сильнейшего удара. Раздался скрежет нижнего защитного покрытия о песок, словно заиграл оркестр из сотни сумасшедших саксофонистов. Зазвенели разбившиеся компьютерные мониторы и панели приборов. В глубине корабля что-то громко ухнуло. Несмотря на амортизаторы кресло сильно трянуло. Рот наполнился солоноватым вкусом крови и зубной крошкой.

Челнок ударился о гребень бархана и взлетел снова. Потом ударился об другой, об третий. «Словно камушек по воде, — мелькнуло в Колиной голове. — И сколько так я буду прыгать? Ведь развалимся к чертовой бабушке!».

Пришло время воспользоваться последней ступенью защиты. Космонавт нащупал рычаг под креслом и с силой рванул его на себя. Раздался взрыв, кресло пилота вместе с пристегнутым к нему космонавтом выбросило из челнока в открывшийся в потолке люк. Кресло взмыло вертикально вверх метров на двести, после чего над ним раскрылся

парашют. Падая, Коля успел заметить, как неуправляемый челнок после очередного прыжка резко вильнул влево и врезался носом в высокий бархан. Сила и скорость удара были таковы, что корабль, словно огромный крот, целиком зарылся в песок. Остался лишь огромный туннель, свод которого тут же сомкнулся. С гребня потревоженного бархана обрушились сотни тонн песка, окончательно и бесповоротно похоронив шаттл в глубине бархана.

Тут кресло в свою очередь ударилось о поверхность. Сыпучая субстанция сыграла роль амортизатора. Кресло заскользило по пологому склону бархана, как сани по снегу. Напоследок оно все-таки перевернулось и ткнуло пассажира головой в песок. Посадка состоялась. Коля остался жив. Вытряхнув песок из волос и ушей, космонавт отстегнул ремни и выбрался из кресла. Утопая по щиколотки в мягком песке он забрался на вершину бархана. Там он выпрямился во весь рост и огляделся по сторонам. Вокруг

расстиралась песчаная пустыня. Невысокие барханы ровными волнами пересекали ее с востока на запад. Под одним из них, Коля не взялся бы точно утверждать под каким именно, покоился его шаттл вместе с трехмесячным запасом жизнеобеспечения.

– Вот тебе и ненулевая вероятность, – пробормотал Коля. Потом, по привычке обращаясь к компьютеру, добавил: – Хоть бы водички мне оставил, гад.

Глава 2

Космонавт стоял на поверхности неизвестной планеты в полном одиночестве. Вокруг не было никаких признаков жизни. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. Ни ящерица, ни змея не прошмыгнули под ногами. Он поднял глаза к небу. Небо было такое же пустое: в нем не нашлось даже облаков, чтобы хоть как-то оживить пустынный пейзаж. Ни птиц, ни насекомых. Ничего. Только палящее солнце, зной и духота.

«Интересно, – усмехнулся про себя Коля, – когда я стану совсем загибаться, обязательно появятся стервятники, чтобы скрасить мне последние минуты перед смертью. А может быть даже объявятся откуда-нибудь и журналисты с видеокамерами, чтобы в прямом эфире показать мою кончину. А впрочем, что стервятники, что журналисты – одно и то же,

помощи от них не дожدهшься. Не их это специальность».

Размышляя таким образом, он продолжал осматривать расстилавшийся перед ним унылый пейзаж. Как бы подтверждая ход его мыслей, над барханами показалась движущаяся фигурка. «Уже за мной, легки на помине, — подумал Коля. — Но что-то рано вы меня хороните!»

Видение скрылось во впадине между барханами. Коля, хоть и хорохорился, но продолжать всматриваться в то место, где оно исчезла. Ему очень хотелось встретить здесь какое-нибудь живое существо.

Прошло совсем немного времени и фигурка появилась вновь. Теперь она была значительно ближе, и Коля мог разглядеть ее более подробно. И чем больше он приглядывался к ней, тем меньше верил своим глазам. Это был человек, или кто-то очень похожий на человека, сидевший на плоской и очень тонкой платформе. Необычное транспортное средство двигалось над

пустыней без всякой видимой опоры. Оно то поднималась над гребнями барханов, то опускалась во впадины между ними, следуя волнистому рельефу пустыни. Но сомнений не оставалось – платформа, чем бы она ни была, не шла, не катилась, не ехала и не ползла, а именно летела метрах в двух-трех над песком.

Периодически над движущейся фигуркой возникало облако густого дыма, которое быстро рассеивалось. Все происходило совершенно бесшумно. Силуэт быстро приближался. Солнце, светившее приблизительно с той же стороны, не давало возможности разглядеть подробности, но то, что Коля увидел, ввергло его в состояние легкого шока. Летящий человек сидел на чем-то, больше всего похожем на ковер-самолет.

Коля протер глаза и потряс головой. Видение не проходило, а наоборот становилось лишь четче. Человек сидел на ковре, по-турецки подогнув под себя ноги. Перед ним стоял небольшой агрегат, извергавший клубы дыма.

– Похоже, я здорово приложился головой о песок, – пробормотал землянин. – Говорил мне дедушка: одевай шлем при аварийной посадке.

Он ущипнул себя за руку и непроизвольно вскрикнул, почувствовав сильную боль. На руке осталась красная полоска – пальцы у Коли были сильные. Он опять мотнул головой и прекратил панику. «Неудобно-то как, – подумал он. – Что обо мне люди подумают? Ну, летит ковер-самолет, так что же из-за этого вопить, как ненормальный? Пусть себе летит, нечего истерику устраивать. Надо взять себя в руки и встретить гостя как приличный космонавт, а не как выпускница курсов благородных девиц».

Коля набрал полную грудь воздуха и резко выдохнул.

– В конце концов, может быть, это просто антигравитационная платформа, – сказал он себе, – я где-то читал, что ведутся активные работы в этом направлении.

– Ага, – тут же поправил он себя. – Вон у

него впереди как раз и стоит такой антигравитатор. Ишь, как дымит, наверное, он на паровом ходу и с топкой на углях. Нет уж, это что-то совсем другое. Посмотрим.

Коля принял независимую позу и стал ждать. Транспортное средство приближалось. Теперь стало хорошо видно, что это никакая не антигравитационная платформа – термин, который космонавт только что придумал сам, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы – а просто ковер-самолет. Самый что ни на есть настоящий ковер, с толстым ворсом, богато расшитый красными и синими узорами. По углам ковра свисали красивые золотые кисти. Они слегка покачивались на ветру, словно плавники морской черепахи.

Диковинный аппарат бесшумно летел на небольшой высоте, повторяя причудливые изгибы песчаных волн. Никакого антигравитационного двигателя на нем, конечно же, не было. Даже если бы таковой и существовал в природе, его просто некуда было бы впихнуть – ковер был плоский, как

крокодил Гена из старого мультфильма. Приходится принять единственную оставшуюся гипотезу – а именно, что здесь замешано волшебство.

Ковер-самолет подлетел к Коле, остановился, замер в воздухе на расстояние пары метров и снизился настолько, что голова сидевшего на нем пришлась вровень с Колиной. Космонавт уставился на существо, которое восседало на ковре, поджав под себя ноги, словно йог в позе лотоса.

Наездник, или как там следует называть тех, кто летает на коврах-самолетах, был одет в синий шелковый халат с золотым шитьем, перехваченный на поясе витым красным, тоже шелковым, шнуром. Под солнечными лучами в шнуре поблескивали вплетенные в него тонкие золотые нити. Голову незнакомца венчала синяя чалма, украшенная золотой брошью с крупным красным камнем. Перед владельцем ковра стоял большой кальян, и тот усердно пыхтел дымом, взяв в рот янтарный наконечник гибкой трубки.

Неизвестный отличался смуглым цветом кожи, раскосыми глазами, здоровенным крючковатым носом и огромным животом, который толстяк удобно уложил к себе на колени. Кроме описанных уже незначительных отличий, имелись и более существенные. Так восхитивший Колю выдающийся нос незнакомца был покрыт аккуратно подстриженной «под ежик» иссиня-черной шерстью. Такая же шерсть покрывала и его уши, краешки которых виднелись из-под чалмы. Все это никак не уменьшало добродушие, которое незнакомец распространял вокруг себя, словно весеннее солнышко над лесной поляной, полной подснежников.

В остальном же, толстяк полностью походил на человека, насколько можно было судить со стороны. И все же это был не совсем человек. «Что-то мне раньше не встречались люди, разъезжающие по пустыням на коврах-самолетах», — напомнил себе Коля.

Тем временем неизвестный в чалме тоже с

интересом разглядывал Колю. Он отложил в сторону чубук кальяна, широко улыбнулся и что-то спросил на неизвестном языке. Коля помотал головой в знак того, что не понимает. Тогда толстяк перешел на другой язык, затем на третий. Коля все так же отрицательно мотал головой. Тогда толстяк разочарованно развел руками, как бы говоря «я пас».

Коля последовательно обратился к неизвестному на интерлингве, на русском и на том варианте английского, который, конечно, можно понять, но который не в силах скрыть свое рязанское происхождение.

Толстяк в свою очередь показал, что не знает ни одного из этих языков; хотя Коле в какой-то миг померещилось, что по лицу толстяка промелькнула легкая улыбка, когда космонавт говорил по-английски.

Теперь Коля развел руками и пожал плечами, показывая, что и он исчерпал свой лингвистический ресурс. Тогда толстяк на ковре взял ведение переговоров в свои руки. В буквальном смысле этих слов. Он поднял

правую руку вверх, сложил пальцы вместе и изобразил ладонью какое-то движение. При этом он громко произнес «бжжж». Затем, не переставая жужжать, он начал производить ладонью странные движения, держа ее параллельно земле, слегка наклонив вперед, покачивая ею влево и вправо и постепенно опуская. Пантомима закончилась тем, что ладонь почти вертикально уткнулась в ковер, прямо перед ногами толстяка. Движение сопровождалось громким «Бумм!». Затем толстяк ткнул пальцем левой руки в ладонь правой, по-прежнему воткнутую в ковер, указал им прямо на Колю, снова на ладонь и вопросительно посмотрел на собеседника, ожидая ответа.

«Да ведь это он изобразил мою посадку», — сообразил Коля. Он радостно закивал и при помощи рук показал свою, расширенную версию. Он также изобразил ладошкой посадку, а на последнем этапе второй рукой сначала стукнул себя по груди, а потом пальцами сделал движение, будто вырвал что-

то из верхней части ладони. Подняв сложенные щепоткой пальцы вверх, он медленно опустил их на песок. При этом он показал на себя, изображая, как он катапультировался. Правая же рука, ладонь которой символизировала шаттл, с размаху воткнулась по локоть в песок. Увенчал композицию космонавт много объясняющим звуком «пшш!».

Коля выпрямился и перевел дух. Он никогда не считал себя выдающимся актером, и правильно делал, но толстяк, судя по всему, его понял. Повторил некоторые Колины жесты и тоже сказал «пшш!». Диалог налаживался.

Толстяк вновь перехватил инициативу. Он начал что-то энергично объяснять. Указал пальцем на Колю и ткнул тем же пальцем вниз, на песок. Затем ткнул себя в грудь и изобразил какое-то очень сложное движение. Сначала его палец устремился в том направлении, откуда прилетел толстяк, затем описал невразумительную окружность и снова вернулся к Коле.

Пока Ночкин пытался осмыслить эту пантомиму, ковер-самолет поднялся на пару метров вверх, развернулся и на полной скорости отправился обратно. Растерянный космонавт успел только выдавить из себя неопределенной мычание. В ответ толстяк помахал рукой, улыбнулся и опять сделал тот же непонятный жест. Через несколько минут попыхивающий кальяном толстяк скрылся из виду.

Коля обессилено опустился на песок.

— Вот тебе и добрый дедушка-спаситель, — вслух подумал он. — А уж улыбался как!

Он посмотрел вслед исчезнувшему из вида коврику-самолету.

— Похоже, меня опять кинули, — со вздохом заключил космонавт.

Надо было срочно предпринимать меры к спасению. Сориентировавшись по солнцу, Коля запомнил направление, в котором удалился неожиданный визитер. Затем спустился обратно к креслу. На его спинке нашлись аптечка и комплект аварийного

запаса. Там же висели бластер и фляга с водой. Ночкин рассовал все по карманам комбинезона, потом сделал пару глотков воды из фляжки. Сразу стало легче. «Ничего, – подумал он. – Пойду туда, откуда прилетел толстяк. Наверняка он там не один. Мне бы только до жилья добраться, там видно будет».

Неосознанным движением он сунул в карман комбинезона прикрепленный сбоку на кресле игровой компьютер и поднялся на вершину бархана. Там он еще раз огляделся по сторонам и убедился что пустынный пейзаж не изменился. Коля посмотрел на солнце, что-то посчитал, негромко бормоча себе под нос, и, выбрав направление, быстро пошел по песку. «Ничего, доберусь, – сказал он себе. – Там, откуда он прилетел, должны быть и другие жители. Авось и найдем общий язык. А по дороге можно думать о том, что я сделаю с этим мерзавцем, который видел катастрофу и оставил меня здесь умирать». Коля нарочно распалял свое воображение мечтами о том, что он сделает со своим, как он уже считал,

кровным врагом, когда встретит его. Это отвлекало от мыслей о собственном безрадостном будущем.

Космонавт шел не более часа когда ему показалось, что он заметил впереди какое-то движение. Смутный силуэт промелькнул над гребнем бархана и скрылся из виду. Через минуту он появился вновь. Издалека движущийся предмет более всего походил на знак подчеркивания. Коля пригляделся внимательно. Он уже получил возможность ознакомиться с местными средствами передвижения и без труда разглядел, что к нему приближается очередной ковер-самолет. На этот раз ковер был пустой и летел сам по себе. «Наверное, дикий, – подумал Коля, и нервно рассмеялся. – Вот так и сходят с ума».

Ковер-самолет тем временем приближался. Было очевидно, что он здесь неспроста и летит именно к землянину. Поравнявшись с Колей, коврик остановился в двух шагах от него и замер в воздухе. Казалось, он принюхивается к незнакомому человеку.

– Привет, – сказал Коля и протянул вперед руку, пытаясь дотронуться до коврика. Тот задрожал мелкой дрожью и подлетел поближе. Космонавт помедлил и опустил ладонь на коврик. Погладил. Поверхность оказалась неожиданно приятной на ощупь. Коврик настороженно замер. Затем расслабился и стал подставлять другие места, прося еще ласки.

– Ага, понравилось, – пробормотал Коля. – Будь у тебя был хвост, ты бы наверняка сейчас им вилял.

Коврик молчал и лишь поворачивался под рукой человека.

– Интересно, а может быть ты живой? Ну, тогда – здорово, братец! – сказал Ночкин и сильно похлопал ладонью ковер. Ковер не шевельнулся, зато с него поднялась целая куча пыли.

Прочихавшись, Коля убрал руку и снова посмотрел на ковер:

Нет, пожалуй, ты действительно просто ковер. Ты долго лежал в кладовке, а потом

тебя срочно достали оттуда. Так срочно, что даже не удосужились выбить из тебя пыль.

Ковер молчал, но Коля по привычке, приобретенной за долгие одиночные перелеты, продолжал говорить вслух, ничуть не смущаясь молчанием собеседника.

– Слушай, пошли ко мне на корабль. Пылесос у меня есть. Почисти тебя, а потом постелю на пол в рубке. Не возражаешь?

Ковер явно возражал. Он тут же поднялся и отлетел в сторону. Метрах в двух от Коли он опустился на песок и замер, как бы говоря, что категорически не согласен.

Не любишь мыться? – усмехнулся Коля. – Или не хочешь лежать у меня под ногами? Могу повесить тебя на стенку, будет еще красивее. Коврик отказался и от такого заманчивого предложения. Он отполз еще на полметра. Теперь он лежал, всем своим видом выказывая неодобрение.

– Хорошо, – сказал Коля, – я не буду тебя забирать в корабль. Я и сам теперь не уверен, что когда-нибудь вернусь туда. Но объясни

мне, откуда ты вообще взялся?

Вопрос был чисто риторический, Коля опять обращался к самому себе. Но неожиданно ковер ответил. Одна из его кистей поднялась и указала в воздухе точно то направление, откуда он прилетел.

От неожиданности космонавт громко икнул.

— Ага, значит, ты меня и в самом деле понимаешь. Отлично. Откуда ты прилетел я, в принципе, и так видел. Ты лучше растолкуй мне, зачем ты вообще сюда заявился?

Ковер, как будто только и ждал этого вопроса. Он тут же снова поднялся в воздух и подлетел к самым Колиным ногам. Кисти ковра ожили. Они принялись делать в воздухе загребающие движения, пригибаясь к самой поверхности. Примерно так движется хобот слона, когда тот посыпает себя песком. Жестикуляция оказалась достаточно ясной.

— Ты хочешь чтобы я сел на тебя?

Ковер радостно задрожал и еще энергичнее замахал кистями. Космонавт замер в

сомнении:

– Ты уверен?

Ковер потерялся краем об ноги человека. Сомнений не оставалось, Колю приглашали на посадку.

– Ладно, будем считать, что ты местный представитель службы спасения.

Коля поднял ногу и поставил на ковер. Поверхность немного прогнулась, но выдержала. Тогда он поднял вторую ногу и встал на ковре, выпрямившись во весь рост. Стоять было несложно: ковер слегка пружинил под ногами, но держался в воздухе уверенно, справляясь с тяжестью человека.

Пару минут они простояли неподвижно.

– Ну что же ты, – обратился к нему Коля, – давай, поехали!

Ковер не реагировал.

– Тебе чего-то не хватает? А может быть, нужно сначала произнести заклинание? Так я в этих делах не спец. Я вообще в тебя никогда не верил. И сейчас, если честно, сомневаюсь в твоей реальности.

Самолет молчал. То ли просто не мог ничего сделать, то ли обиделся, что Коля в него не верит. Коля продолжал по своему обыкновению то ли беседовать с ковром, то ли размышлять вслух:

– Да нет, непохоже, что тебе нужны заклинания. Ты такой умный, мы с тобой уже прекрасно понимаем друг друга. Слушай, ну не знаю я ваших порядков, подскажи мне, что я не так сделал.

Кисти снова задвигались, все четыре разом. Они одновременно поднялись вверх и через секунду, как по команде, упали на ковер. Коля поморщился от умственного усилия.

– А, – наконец, сообразил он, – я должен сесть, тогда ты сможешь полететь.

Кисти замерли, прижатые к ковра.

– Отлично! – Коля сел и подогнул под себя ноги в классической позе еврейского портного. – Ну что ж, все понятно. Техника безопасности, чтобы пассажир не сверзился в полете. Как автомобиль, который не заводится, пока не пристегнешь ремни

безопасности. Ну, теперь все в порядке?

Ковер только этого и ждал. Кисти снова свободно повисли по краям. Мелко задрожав, самолет приподнялся над землей и стал медленно поворачиваться, выбирая направление. Коля при всей своей болтливости не мешал маневрам коврика, а лишь молча, с любопытством, наблюдал.

Покачавшись некоторое время, как стрелка компаса, коврик замер. Дрожь прошла. Ковер-самолет с седоком поднялся еще на пару метров над землей и поплыл вперед, плавно набирая скорость.

Коля огляделся. Ковер плыл ровно, строго следуя рельефу местности. Он поднимался на гребни и опускался в ложбины между барханами, оставаясь все время на одной и той же высоте от поверхности. Скорость была достаточной, чтобы быстро продвигаться вперед, но и не настолько высокая, чтобы пассажир испытывал какие-то неудобства. Коля расслабился и уселся поудобнее. Настроение его улучшалось. Похоже, что из

пустыни он выберется. Это радовало. По крайней мере, смерть от обезвоживания в ближайшее время ему не грозила. А с возможными грядущими неприятностями он будет разбираться по мере их появления.

Горизонт по-прежнему был пуст. Пейзаж не менялся. Однако что-то изменилось в самом ковре. Коля опустил глаза и увидел, что на другом конце самолета, прямо перед его ногами, стоит небольшая узкая стеклянная колба, до краев наполненная темно-красной прозрачной жидкостью. Стекло в колбе настолько тонкое и прозрачное, что казалось, будто жидкость сама собралась в столбик, опирающийся своим основанием на ковер.

Коля протянул руку к колбе, чтобы рассмотреть ее поближе. Внезапно ковер задрожал и негодующе замахал кистями. Коля отдернул руку, и самолет тут же успокоился. «Интересно, – подумал Коля, – что это такое?» Он попытался еще раз взять колбу, и снова ковер выразил решительный протест.

Тогда Коля демонстративно сложил руки

на коленях и решил действовать по-другому.

– Вот что, дружок. Давай поговорим.

Объясни мне, для начала, что тут происходит.

Ковер поднял левую переднюю кисть и помахал ею в направлении движения.

– Ну, это я уже понял. Ты хочешь отвести меня туда.

Коля почесал затылок и некоторое время усиленно размышлял. Потом он принял решение.

– Так, разговаривать ты не умеешь, зато здорово машешь кистями. Давай сделаем вот как. Я стану задавать вопросы, а ты будешь отвечать «да» или «нет». Поднимешь кисть вверх – значит «да». А если только вытянешь вперед – то это «нет». Понял?

Ковер немедленно поднял вверх левую кисть. Он явно был левша.

– Чудненько, – обрадовался Коля. – А теперь покажи «нет».

Кисть тут же вытянулась вперед.

Коля одобрительно кивнул и помолчал, собираясь с мыслями.

– Теперь, скажи-ка: тот толстяк с кальяном, который прилетал ко мне – ты его знаешь?

Кисть немедленно вытянулась по стойке смирно.

– Ага, – Коля начал соображать, – и это он прислал тебя за мной?

Ковер подтвердил.

– А чего он сразу не захватил меня?

Кисть сделала некое замысловатое движение, соответствующее выражению «мнэ-э» в обычной разговорной речи.

– Ага, – спохватился Коля. – Тебе нужен конкретный вопрос. Ну, хорошо. Он не взял меня, потому что испугался?

– Нет, – сразу же ответил ковер.

– Побрезговал сидеть рядом со мной?

Коврик помялся, затем ответил отрицательно.

– Так, уже ближе. Брезговать вроде не брезгует, но посадить меня рядом не захотел. Хотя места там было достаточно. – Коля задумался. – А, наверное, у его ковра

недостаточная грузоподъемность? Или он не сертифицирован для перевозки двух пассажиров?

Ковер судорожно изогнулся, пытаясь разгадать смысл мудреных слов.

Коля быстро поправился:

– Ну, я говорю, у его ковра не хватит сил поднять двоих?

На этот раз собеседник понял и подтвердил.

– Ага, значит он не бросил меня, а наоборот, вернулся домой и послал тебя ко мне на помощь!

Ковер энергично показал: да, так оно все и есть.

Коля облегченно вздохнул. Значит и среди инопланетян попадаются приличные люди. Редко, но бывает. Однако не помешает уточнить.

– Ну-ка, ответствуй, неразговорчивый ты мой. Там, куда мы летим, меня ждут?

– Да, - показал ковер.

– Мне грозит там какая-нибудь опасность?

Ковер помедлил, потом вытянул кисть вперед, показывая «нет». Он некоторое время подержал ее так, затем резко направил ее прямо на Колю.

– Так, – задумчиво сказал Коля. – Кажется, я тебя понимаю. Ты хочешь сказать, что, в принципе, мне опасаться нечего, однако все зависит от меня самого. Верно?

Ковер вытянул кисть вверх и долго держал ее таким образом.

– Ладно, постараюсь не разочаровать твоих хозяев. Я вообще-то человек мирный. – пообещал Коля. Немного помедлил и добавил: – Если меня не трогать.

Дальше летели молча. Коля глядел на красную жидкость в колбе. Ее уровень падал на глазах. По зрелому размышлению Коля пришел к выводу, что это ничто иное как показатель запасов топлива или чем там ковер питается во время полета. После прямого вопроса самолет подтвердил его выводы.

Больше вопросов Коля не задавал. Он весь отдался ощущению полета. Ковер парил на

высоте пяти-шести метров над пустыней. Он мягко поднимался и опускался, повторяя однообразный волнистый рельеф окружающей местности. Полет проходил совершенно бесшумно. Посторонние звуки также не нарушали тишину и, казалось, все происходит во сне.

Ковер монотонно поднимался на гребень бархана, спускался вниз над пологим склоном с другой стороны. Затем вновь карабкался вверх по невидимым воздушным ступеням, чтобы взмыть над новым гребнем. Ощущения пилота были абсолютно новые и захватывающие, но отнюдь не неприятные. Постепенно такой метод передвижения начинал нравиться ему все больше и больше.

Но долго наслаждаться Коле не пришлось. Тренированный взгляд пилота все время возвращался к столбику красной жидкости перед ним. Уровень падал подозрительно быстро, а пейзаж вокруг оставался таким же безжизненным. Наконец, Коля не выдержал и снова обратился к коврику.

– Слушай, тебе не кажется, что мы расходуеться топливо слишком быстро?

После некоторого раздумья ковер согласился.

– А нам хватит, чтобы добраться до дома?

На этот раз пауза оказалась еще длиннее. Наконец, ковер сделал неуверенное движение, что-то среднее между «да» и «нет».

– Сам сомневаешься?

Ковер без заминки показал «да».

– Что же будем делать? – Коля опять почувствовал беспокойство. Он уже было расслабился и предвкушал отдых в гостях у толстого смуглого незнакомца.

В ответ ковер неопределенно махнул сразу всеми кистями и прибавил ходу.

Они летели дальше. Столбик красной жидкости уменьшался на глазах. Приглядевшись, Коля убедился, что никакой колбы не было. Жидкость каким-то образом сама держалась вертикально в воздухе. Коля пожал плечами. Подумаешь, невидаль. Ему ли, летевшему на ковре-самолете, который к тому

же еще и разговаривает со своим пассажиром, удивляться подобным мелочам.

Полет продолжался. Теперь ковер двигался ощутимо быстрее, выжимая все из остатков топлива. Впереди по-прежнему было пусто. Солнце уже перевалило через полдень и теперь светило в спину. Столбик, неведомо как державшейся в воздухе красной жидкости стремительно уменьшался. Наконец, красная полоска превратилась в большую каплю, затем исчезла совсем.

Ковер судорожно дернулся и, взмахнув напоследок всеми четырьмя кистями, словно раненная птица рухнул на песок. Коля ожидал этого и был готов. Последние пять минут полета он не сидел по-турецки, как того предписывали правила безопасности, а поднялся на обе ноги и балансировал стоя, согнув колени. Ковер не возражал – понимал, что скоро полету наступит конец.

Таким образом, когда они рухнули с высоты пяти метров, Коля сгруппировался и, перекатившись на бок, погасил силу удара.

– Ну что за невезуха, – пробормотал он, поднимаясь с песка и отряхиваясь. – Вторая авария за день!

Он выпрямился во весь рост и посмотрел на ковер. Тот лежал на песке, словно обычный половичок.

– Эй, дружище, ты как?

Коврик молчал.

– Ну, родненький, ты хоть кисточкой помаши! – забеспокоился Коля.

Коврик лежал неподвижно и не проявлял ни малейших признаков жизни.

– Охохонюшки! – вздохнул Коля. – Значит, теперь ты на мне поедешь.

С этими словами Коля свернул ковер трубой, перекинул его через плечо и пешком отправился на восток в том же направлении куда всего несколько минут назад так комфортабельно летел.

Идти пришлось недолго. Ковер недотянул до цели всего пару километров. Поднявшись на очередной бархан, Коля увидел впереди оазис. В самом центре зеленого островка

светился мраморной белизной стен и сверкал позолотой куполов огромный восточный дворец. Испустив радостный вопль, Коля припустил бегом по склону бархана. Благо экономить силы уже не было необходимости.

Чем ближе Коля подходил к дворцу, тем выше тот становился, тем лучше было видно его по варварски роскошное великолепие. Крепостные стены из красного и черного гранита окружали дворец с четырех сторон. За ними виднелись солидные постройки из белого мрамора. Позолоченные крыши блестели под ярким солнцем.

Рядом с дворцом на берегу небольшого озера росла пальмовая роща. По другую сторону озера раскинулись лоскутные поля огородов и бахчей. В отдалении возвышалось темное строение, огороженное высокой глухой стеной, но построенное без роскоши, которой отличался дворец. Внутри строения что-то глухо урчало и ухало. Из-за стен поднимался густой водяной пар. Строение и замок соединяла неширокая, но наезженная

пыльная дорога.

Коля подошел к тяжелым массивным воротам из темного дерева, украшенным резьбой и серебрянными гравированными пластинами.

По обе стороны от ворот стояли на вытяжку два абсолютно одинаковых стражника, вооруженные здоровенными изогнутыми саблями, висевшими на поясе. Одеты стражники были в зеленые шаровары и просторные белые рубахи. Из-под шаровар виднелись грязные босые ноги, пальцы ступней оканчивались недлинными кривыми когтями. Такие же когти Коля заметил и на руках у стражников. На головах они носили зеленые чалмы. Под чалмами проступали контуры небольших, но крепких рогов.

Рожи оба стража имели самого злодейского вида. Выделялись огромные крючковатые носы, обильно поросшие густыми черными волосами как изнутри, так и снаружи. Из-под нижней губы у левого выступали два желтых нечищенных клыка; у

правого один клык был сломан, и он периодически облизывал осколок зеленым пупырчатым языком, страдальчески морщась при этом. Оба стражника, не мигая, смотрели на пришельца.

Коля остановился. Он поправил на плече свернутый коврик и, стараясь придать голосу как можно больше приятности, поздоровался. Стражи и ухом не повели. Тогда космонавт изобразил перед ними пантомиму, которую разыграл перед визитером на ковре-самолете. Успеха Колино выступление не возымело. То ли стражи были отлично вымуштрованы, то ли просто настолько тупы, что ничего не поняли. Так или иначе, ответной реакции Коля не добился. Мордовороты продолжали стоять по стойке смирно, не приглашая путника войти внутрь, однако и не выказывая враждебных действий. На их лицах застыло выражение крайнего недоумения. Коля также молча их разглядывал.

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта немая сцена, если бы в воротах не открылась

неприметная калитка, и из нее не вышел уже знакомый Коле толстяк.

Он обратился к Коле на чистом русском языке:

– Проходи, проходи, дорогой, я тебя уже жаждался!

Затем, обернувшись к стражникам, прорычал что-то непонятное, и те почтительно расступились.

Глава 3

Рано утром в лесу прошел дождь. Полетному теплый и несильный, он наполнил воздух свежестью и особым ароматом. Ближе к полудню распогодилось и сквозь густые кроны деревьев к земле пробивались лучи яркого солнечного света. Блики плясали по траве и по листьям деревьев, отражаясь в невысохших каплях дождя. Время от времени то здесь, то там на землю обрушивались струи воды, скопившейся среди листвы. Деревья избавлялись от остатков утреннего дождя; они словно встряхивались, как собака после купания.

По тропе ехали двое всадников. Первый был высок и строен. Он сидел в седле, выпрямившись во весь свой немалый рост, и свысока оглядывал окружающий лес. Светлоричневый камзол из плотного бархата безупречно сидел на его ладной фигуре. Ноги

всадника были затянуты в кожаные штаны такого же светло-коричневого цвета. Начищенные до блеска черные высокие сапоги со шпорами упирались в стремяна, украшенные серебряной насечкой.

Всадник был красив той особой мужской красотой, которая неотвратимо привлекает, а порой и губит романтически настроенных глупеньких молодых девушек. Длинные светлые волосы он собрал на затылке и перевязал тонким жгутом. Синие, до странности светлые, глаза не выражали ничего, кроме спокойной уверенности в себе. Щеки и подбородок всадника были тщательно выбриты, словно он не ехал в глухом лесу, а входил в бальный зал. Всем своим видом молодой человек показывал, что все окружающее ему глубоко безразлично, и единственный объект в округе, заслуживающий внимания и почитания — это он сам.

Лошадь всадника была безупречна. Она прекрасно подходила своему хозяину. Гнедая

масть лошади гармонировала с костюмом наездника. Казалось, лошадь так же одета в коричневый камзол и черные сапоги. Темный окрас лошади подчеркивал ее силу и выносливость.

Хозяин и лошадь чем-то походили друг на друга – в обоих чувствовалась породистость происхождения. Порода лошади была выведена искусственно, ее годами сохраняли и передавали через отборных потомственных жеребцов и кобыл.

В отношении наездника слово «породистый» обычно заменяли на более благозвучное словосочетание «благородное происхождение», что, в общем-то, особенно не меняло ситуацию. Происхождение молодого человека также являлось результатом селекционной работы. Графы Эниморы, знатные и богатые, всегда тщательно выбирали себе жен. Конечно, дворянское происхождение для невесты было обязательным, но в остальном отбор производили исключительно исходя из

физических качеств претенденток. Благодаря такому подходу графы Эниморы славилось своей красотой, недюжинной силой и несокрушимым здоровьем.

Именно таким и уродился граф Энимор, ехавший на красавце гнедом. Два месяца назад он похоронил старого графа, своего отца, и теперь направлялся в город Авилон на рыцарский турнир. Он впервые ехал в столицу не в качестве наследника, а как полноправный властитель собственных земель. Это придавало графу значимости в собственных глазах. Справедливости ради следует заметить, что он и раньше не страдал от неуверенности в себе.

Позади красавца наездника плелась фигура, представлявшая собой его полную противоположность. Графа сопровождал невысокий коренастый слуга с крупным невыразительным лицом, лет на десять старше своего хозяина. Мужчина носил обычную для этих мест серую домотканую куртку и такие же штаны. Ехал он на муле, который, опустив

голову, мелко трусил по тропе.

Если в королевстве когда-либо слышали о книге Сервантеса, то непременно отметили бы несомненное сходство графского слуги с оруженосцем прославленного идадьго. Слуга по имени Брик был так же толст, флегматичен, невозмутим и, по-житейски, мудр. Он в совершенстве владел искусством отлынивать от работы; исполнение же поручений, которых не удавалось избежать, он оттягивал как можно дольше в надежде, что все устроится само собой. Как оно частенько и случалось.

Брик искренне считал себя честным человеком. За все время службы он ни разу не притронулся к кошельку своего господина. Мысль заглянуть туда даже не приходила в его голову. Однако, моральные принципы слуги позволяли беззастенчиво пользоваться хозяйскими припасами. В частности, вчера на вечернем привале Брик от души угостился хозяйской ветчиной с паштетом из гусиной печени, и запил этот харч богов отличным

вином из графской фляги. Разумеется, он проделал это, когда хозяин уже спал. Подобное поведение Брик не считал предосудительным и теперь с удовольствием вспоминал свой вчерашний ужин.

Позади всадников трусил на привязи выючный мул. На его боках качались две большие и тяжелые дорожные сумки. Содержимое сумок тихонько позвякивало в такт походке мула. Громоздкие угловатые предметы выпирали из сумок во все стороны и натирали бока животному. Время от времени мул недовольно фыркал и мотал головой, но продолжал свой меланхоличный бег.

Путники ехали молча. Внезапно, граф забеспокоился.

– Эй, Брик! – не оборачиваясь, произнес он.

Слуга отвлекся от приятных воспоминаний.

– Да, ваша милость! – отозвался он.

– Ты захватил запасную масленку?

– Да ваша милость, конечно.

– Смотри у меня, чтобы не вышло как на прошлом турнире. Помнишь, мерзавец, что тогда случилось?

– Конечно, ваша милость, как сейчас помню. У нас тогда украли масленку, а запасной не оказалось. Я вам вот что скажу. На турнирах завсегда масленки воруют. Это уж так заведено.

– Ну-ну! Ты у меня еще философствовать будешь. Отвечай прямо, подлец, ты точно взял запасную масленку? Или мне слезть и самому проверить у тебя в сумках?

– Да как можно забыть, ваша милость! Вот они лежат рядышком: полная канистра масла и рядом с ней две масленки. Обе новехонькие, только вчера у кузнеца забрал.

– Вот и дурак! Кто же масленки кладет вместе? Если вор залезет в сумку, то сразу обе и украдет. Как только приедем, одну масленку перепрячь. Понял меня, дурья башка?

– Как будет угодно вашей милости. Все сделаю, как вы изволили приказать.

Всадник удовлетворенно кивнул и

замолчал. Он снова напустил на себя холодный, равнодушно-презрительный вид.

А слуга еще долго не мог успокоиться и ворчал вполголоса:

– Сами-то хороши. Вспомнили про запасную масленку, когда от замка день пути. Ну, забыл я ее, забыл. И что теперь? Домой за ней возвращаться, что ли? Все равно не пожелают, зато будут нудить всю дорогу. Ничего им не сделается. На турнире разберемся. Я, чай, тоже по чужим сумкам лазить умею.

Брик еще долго бормотал что-то себе под нос. На самом деле он понимал, что с хозяином ему повезло. Другой бы и поворчать этак не позволил, сразу оплеухой наградил бы. А его милость граф Энимор горяч, но отходчив, и даже где-то по-своему справедлив. Насколько это слово вообще применимо к знатному господину. У такого служить можно, и вовсе не так обременительно, как думают некоторые. Всегда можно выкроить для отдыха минутку-другую.

Глаза слуги закрылись, голова бессильно свесилась на грудь и он задремал. Толстяк мерно подрагивал в такт шагам своего смирного скакуна, умудряясь и во сне сохранять равновесие. Содержимое плохо притороченных седельных сумок вьючного мула по-прежнему тихонько переваливалось и гремело внутри при каждом шаге.

Но не только позвякивание железа нарушало окружающую тишину. В лесу раздавались и другие звуки. Шорох раздвигаемых листьев и редкий треск сломанных веток преследовали всадников на протяжении всего пути. Вдоль тропы по лесной чаще рядом с всадниками двигалось какое-то существо. Легкое и гибкое, оно без труда успевало продраться сквозь заросли вслед за путниками, ехавшими по свободной тропе. Лишь производимый им шум показывал, что несмотря на всю свою резвость, это животное — или чем бы там ни было это существо — явно не приспособлено для тайного передвижения по лесу.

Ни элегантный хозяин, ни его флегматичный слуга не обращали на шум никакого внимания. Преследователь явно не беспокоил их. Наоборот, когда возня в чаще иногда стихала, всадник начинал внимательно прислушиваться, и успокаивался лишь когда шум возобновлялся.

Тропинка свернула влево. Деревья разошлись и путники выехали на небольшую поляну. Громыхавшее в стороне существо свернуло вслед за ними. Треск ломающихся ветвей безошибочно указывал его продвижение в подлеске. Внезапно всадники остановились. Шум в кустах тут же утих. На тропе, перекрывая дорогу, стоял лохматый черноволосый человек в ярко-оранжевом комбинезоне и высоких черных ботинках. К поясу его был привязано некое подобие шлема без забрала, такого же ярко оранжевого цвета.

Хмурое неподвижное лицо незнакомца, заросшее густой и неопрятной черной, как смоль, бородой, не выражало ни почтения, ни каких-либо других уместных в данном случае

эмоций. Чуть согнутые ноги он широко расставил в стороны, руки свободно опустил вдоль туловища. Лишь слегка сжимающиеся и разжимающиеся пальцы рук выдавали его напряжение.

Энимор осадил лошадь и остановился в десятке шагов от незнакомца. Тот по-прежнему молчал и не двигался.

– С дороги, смерд! – крикнул граф.

– А почему это? – нахально спросил незнакомец.

– Да потому, негодяй, что тебе приказывает граф Энимор, владелец здешнего леса!

На лице оранжевого появилось нечто похожее на улыбку.

– Ах, простите, ваша милость, – ехидно начал он. – А я и не признал вас. А вот теперь смотрю и вижу: ведь взаправду сам господин граф к нам пожаловали, честь можно сказать оказали великую.

– Ну, а теперь, раз признал, то проваливай! – повторил свой приказ Энимор, как бы не

заметив издевательский тон противника.

— С огромным удовольствием, ваша милость! Всенепременно, всегда рады услужить, то есть сейчас же после обеда. — Бородач ослабил в полный рот, показав пару дыр между нечищеными и полусгнившими зубами. Вопреки собственным словам он и не подумал отойти с тропы. — Вот только утрясем один вопросик, ваша милость, и будьте добры, проезжайте, пожалуйста.

— Какой вопросик, мерзавец? Как ты смеешь стоять мне поперек дороги в моем собственном лесу? Пошел прочь!

— Маленький такой вопросик, ваша милость, — продолжал незнакомец, не обращая внимание на наливающегося краской графа. — Извольте уплатить нам подорожную пошлину, и мы тут же пропустим вас дальше.

После этих слов он небрежно махнул над головой левой рукой. Тотчас же поляна ожила. Из кустов, растущих по краям, с веток деревьев и, кажется, просто из-под земли, внезапно выскочило с полдюжины крепких

мужчин в одинаковых оранжевых костюмах, еще более грязных и потрепанных, чем у их предводителя.

– Негодяи! – надменно вскинув голову, объявил Энимор. – Придется проучить вас, вы дорого заплатите за разбой в моем лесу.

С этими словами граф отработанным движением молниеносно опустил руку вдоль бедра и из кожаной кобуры на поясе достал небольшой черный предмет. Предмет представлял собой коробочку с несколькими рядами кнопок и небольшим экраном. Сбоку из коробочки торчала короткая толстая антенна.

Энимор нажал красную кнопку сбоку и экран засветился. В ту же секунду шум в подлеске превратился в оглушительный грохот, и из кустов на поляну выскочил робот. Серебристый металл его корпуса блестел и сверкал. Робот обладал парой рук и таким же количеством ног, сверху корпуса находилось нечто напоминающее голову. Ростом он не превышал полутора метров, и при достаточно

тонком, можно даже сказать, изящном корпусе, производил впечатление подростка-герольда или менестреля. Ничего угрожающего в его виде не было.

Оранжевые встретили появление робота издевательскими смешками. Предводитель разбойников демонстративно схватился за живот и затрясся в показушном припадке веселья. Отсмеявшись, предводитель разбойников указал на робота, и, кривляясь, закричал:

— И вот этой игрушкой нас хотели напугать, ребята! Ну, в таком случае, ой! Держите меня! Я сейчас от страха в штаны наделаю!

Разбойники зашлись в хохоте. Предводитель продолжил:

— Эй, Дронни, возьми этого малявку за шиворот и выброси обратно в кусты, где ему самое место. Дай ему напоследок пинка, но смотри, не сломай ему задницу. Иначе он не сможет подавать графу по утрам шоколад с флердоранжем!

Разбойники вновь дружно заржали, оценив неприязнительный юмор своего командира. Граф Энимор ничего не произнес в ответ, а лишь поднес пульт ближе к глазам. Он уверенно пробежал пальцами по клавиатуре, вводя команды. Подчиняясь команде робот выдвинулся вперед и загородил собой хозяина.

Толстый бородач Дронни вышел из толпы разбойников и неторопливо приблизился вплотную к роботу. Он зловеще ухмыльнулся и сплюнул на траву. Бородач возвышался над хрупкой серебристой фигуркой, как матерый медведь-шатун над незадачливым охотником за тетеревами, вооруженным стареньким ружьишком, заряженным лишь мелкой дробью. Намерения разбойника не вызывали сомнений. Выполняя распоряжение командира, он схватил робота своими ручищами, приподнял над землей, развернул спиной к себе и тяжелым кожаным сапогом дал пинка под зад.

Что произошло дальше, успели разглядеть далеко не все присутствующие. В последний

момент неподвижное тело робота внезапно ожило. Проявив неожиданную для металлического корпуса гибкость, он легко увернулся от удара сапогом. Таким же неуловимым движением он высвободился из казавшейся мертвой хватки разбойника. Очутившись на земле, робот немедленно повернулся лицом к противнику и принял боевую стойку. Бородач, не ожидавший такой прыти от противника, недоуменно уставился на робота.

– Хочешь поиграть? – взревел он и бросился вперед.

Оскорбленный в лучших чувствах гигант попытался ударить робота в голову. Кулаком. Словно надеялся, что человеческая плоть способна сокрушить металл. Впрочем, его плоть может и смогла бы. Но эксперимент был сорван в самом начале. Серебристая головка вновь изящно увернулась от летящего в ее сторону здорового кулака. Правая рука робота взметнулась вверх и классическим приемом поймала на излете кулак

противника. Намертво зажав кисть бандита, робот крутанул ее по часовой стрелке сверху вниз, а затем снова вверх. Описав зажатым в надежный захват кулаком бородача полный круг, робот замер, остановив руку в верхней точке траектории. Толстяк взвыл, но поделаться ничего уже не мог. Ему оставалось либо подчиниться, либо дать роботу сломать себе руку.

В результате, через секунду он уже стоял в полусогнутой позиции спиной к роботу, соблазнительно выставив определенную точку тела, чуть ниже спины. Именно по этой части корпуса робота всего минуту назад он сам собирался нанести удар. Но теперь роли поменялись. Робот тщательно примерился и под удивленный вздох аудитории нанес ногой удар, которому позавидовал бы центрфорвард сборной чемпионов мира по футболу. Бородач, издав какой-то мяукающий звук, взмыл в воздух, ракетой пролетел над головами своих товарищей и приземлился в кустах на другой стороне поляне.

Раздался глухой шлепок от падения тяжелого мягкого тела, послышалась неразборчивая ругань. Некоторое время кусты яростно дергались в разные стороны. Затем послышалась еще более громкая и грозная ругань – бородач Дронни поднялся на ноги, грозно потрясая кулаками, и обещая урыть на месте железного недомерка. Однако, через секунду он наступил на сломанную при неудачном приземлении ногу, громко взвыл и свалился обратно в кусты, где остался лежать, оглашая поляну жалобными воплями.

Удивленные разбойники постепенно пришли в себя и недовольно заворчали. Граф Энимор невозмутимо наблюдал за этой сценой. Не слезая с коня, он вновь пробежал пальцами по клавиатуре пульта. Робот издал боевой клич и нанес несколько впечатлительных ударов по воздуху, одновременно уклоняясь от ударов воображаемого противника. При этом он быстро передвигался по поляне, энергично работал руками и ногами, выказывая

недюжинную выучку и знание искусства рукопашного боя. С каждым новым показанным приемом лица разбойников мрачнели.

А робот, между тем, продолжал свой угрожающий танец по поляне. Теперь стало ясно, что небольшие размеры робота отнюдь не случайны – при невысоком росте он обладал преимуществом в подвижности, а сил для удара в небольших, тщательно спроектированных искусственных мышцах, хватало с избытком. Руки робота, со свистом рассекавшие воздух, оканчивались железными, в самом буквальном смысле, кулаками. Неимоверно быстрая реакция электронного мозга и безукоризненная координация движений превращали этого невзрачного на вид робота в идеальную боевую машину.

Наконец, он остановился в двух шагах перед всадником, повернулся к нему спиной и замер в боевой стойке, защищая своего хозяина. Разбойники ошеломленно молчали. Даже вопивший в кустах толстый Дронни взял

паузу. Над затихшей поляной разнесся властный голос графа.

– Познакомьтесь с потомственным роботом семейства Энимор. Надеюсь, он вам понравился. На счету нашего родового робота девять выигранных турниров. Сегодня я еду на десятый и также собираюсь его выиграть. – Граф сделал паузу, чтобы разбойники оценили сказанное. Он оглядел сбившихся в кучу разбойников и продолжил с усмешкой победителя: – Поскольку этот толстяк уже достаточно развлек меня, я, пожалуй, больше не трону ни одного из вас. Поклянитесь навечно убраться из моих лесов и немедленно выполните это обещание. Тогда я дам вам возможность убежать отсюда с целыми конечностями и не проломленными башками. Все понятно?

Разбойники недовольно заворчали и обернулись в сторону своего предводителя. Тот поднял вверх руку.

– Ну вот что, бла-ародный дон. Ты здорово нас тут позабавил, конечно. Это да. Лихой у

тебя парень, слов нет. И танцует славно. – Он сплюнул на траву точно таким же образом, как бородач Дронни перед ним, и продолжил. – Однако, видишь ли, мы бедные лесорубы, а не какие-то разбойники. Ты бы поостерегся так нам грубить. А то всякое может случиться.

– Что?! – надменный Энимор не верил своим ушам. Неизвестный босяк в странной одежде дикарской оранжевой раскраски говорил с ним таким тоном, какой не позволяли себе даже те немногие аристократы, что превосходили графа богатством, происхождением или личными заслугами перед королем. – Мерзавец, да я тебя в порошок сотру! Мой робот не оставит на твоём теле ни одной целой косточки. А потом он привяжет тебя вниз головой к ветке самого высокого дерева, а я снизу буду наблюдать, как у тебя, ещё живого, вороны выклеывают глаза и отрывают другие лакомые кусочки.

Бледный от бешенства Энимор схватился за свой пульт, который уже успел отправить

обратно за пояс. В это же время предводитель разбойников извлек откуда-то из складок своей странной одежды такой же пульт. Программа, по-видимому, была уже заложена заранее, потому что он только нажал на красную кнопку и тут же, пригнувшись, бросился в сторону зарослей. Вслед за ним в кустах исчезли и его люди.

Раздался рев мощного двигателя. На поляну с противоположной стороны выбралось настоящее механическое чудовище. На неподготовленного человека передвижной лесорубный комплекс производит довольно устрашающее зрелище. Автоматический комбайн способен за десять минут спилить самое толстое дерево, очистить его от веток и коры, распилить на доски и уложить в штабель позади себя. Для этого у него имеется целый ряд устройств и приспособлений. Мощные манипуляторы умеют захватывать и неподвижно держать вековую корабельную сосну, пока циркулярная пила с алмазными зубьями за считанные секунды срезает ее

ствол. Другие манипуляторы подхватывают спиленный ствол и отправляют его за спину чудовища, где более мелкие вспомогательные пилы и механические руки превращают гордого властелина леса в банальное сырье для мебельной или строительной промышленности.

Комбайн выкатился на поляну и на мгновение замер. Его антенны-сенсоры медленно покачивались, двигались во все стороны. Камера наблюдения, установленная на самой верхней точке, с показной медлительностью уверенного в себе профессионального убийцы поворачивалась по кругу, сканируя всю поляну. Жуткий механизм недолго искал врагов. Взревев двигателем, комбайн развернулся и направился к месту, где стоял Энимор со своим роботом. Оруженосец Брик к этому времени уже успел благоразумно шмыгнуть в кусты. Там же он спрятал и двух своих мулов.

Не доходя пары метров до робота, комбайн остановился, продолжая оглашать окрестности

надсадным ревом. Они стояли друг напротив друга – маленький, но идеально сложенный робот и огромный несуразный комбайн. Робот сделал шаг вперед и передвинулся немного влево, чтобы надежнее прикрыть своего хозяина. Тот по-прежнему оставался на месте и, сидя верхом на лошади, лихорадочно нажимал кнопки на пульте. Время от времени он бросал изучающий взгляд на наступающего механического монстра, затем продолжал свое занятие.

Медленно, устрашающе медленно комбайн вытянул вперед суставчатый манипулятор. Раздался леденящий душу пронзительно высокий звук – это закрутилась циркулярная пила на конце вытянутой железной руки. Описывая в воздухе плавные дуги, пила начала опускаться все ниже, одновременно определяя для себя цель.

Вторая механическая рука высунулась из задней части массивного корпуса и протянулась к роботу с другой стороны. План комбайна был прост и ясен: он собирался

схватить противника манипуляторами и затем разрезать пилой, как он обычно поступал с деревьями. В ответ на это робот стал раскачиваться из стороны в сторону. Это озадачило комбайн, который привык иметь дело с неподвижными объектами. Он остановился в раздумье. Было видно, как тяжело проходят новые команды через управляющие цепи этого механического динозавра.

Наконец, поправка на движение цели была рассчитана. Манипуляторы вновь задвигались, повторяя движения робота. Постепенно они начали смыкаться, стараясь обхватить робота с двух сторон. Граф Энимор чертыхнулся и быстро ввел на пульте короткую команду.

Он успел вовремя. Внезапно комбайн перестал притворяться неуклюжим. Его части заработали с неистовой быстротой и синхронностью. Манипуляторы молниями сомкнулись на роботе, и алмазное жало пилы с восторженным криком ринулось вслед за ними, чтобы четвертовать врага.

Несмотря на неожиданность и скорость этого маневра, робот оказался проворнее. В последний миг он неуловимым движением сумел уйти от смертельного захвата. Механические лапы чудовища сомкнулись на пустоте.

Робот стоял в двух шагах левее своей предыдущей позиции и вызывающе смотрел на комбайн. Тот обиженно взревел, развернулся и попытался повторить маневр. Манипуляторы вновь метнулись к роботу и снова с оглушительным клацаньем ухватили лишь пустоту. Робот вновь ускользнул из механических объятий.

Энимор громко рассмеялся. Он знал, что однажды научившись приему, железный защитник никогда уже его не забудет. К тому же, не умея ошибаться, как и все роботы, он сможет повторять его до бесконечности. А система обучения поможет ему ускользать от захватов каждый раз все быстрее и эффективнее. Пока противник не изменит тактику, его роботу ничего не грозит.

Его расчет оправдался. Механические бойцы кружили по поляне, в азарте схватки не обращая внимания больше ни на что вокруг. Комбайн пытался поймать робота манипуляторами, а тот благополучно ускользал от них. Временами комбайн менял тактику и пытался сходу достать врага циркулярной пилой. Он резко разгонялся, как бы прыгая с места в сторону противника, и выбрасывал пилу перед собой. Огромное и острое, как бритва, вращающееся лезвие обрушивалось на робота и, завывая, проносила в нескольких сантиметрах от его туловища.

Ситуация казалась патовой. Комбайн не мог достать робота, а робот не мог нейтрализовать комбайн. Бесконечно такое противостояние продолжаться не могло. Любая случайность могла погубить меньшего из бойцов. В конце концов, он лишь пассивно защищался, а такая политика рано или поздно оканчивается катастрофой.

Так и случилось. Примерно на пятой

минуте боя, нога робота попала в кротовую нору, как раз в тот момент, когда комбайн в очередной раз пытался достать его циркуляркой. С омерзительным визгом лезвие полоснуло по левому предплечью робота. Брызнули искры, алмазные резцы прошли сквозь твердый сплав, не встретив никакого сопротивления. Отсеченная вместе с половиной предплечья кисть отлетела в сторону и упала на траву. Из обрубка хлынуло масло.

На дальней стороне поляны, откуда разбойники наблюдали за схваткой механизмов, раздались радостные крики. Приунывшие было злодеи снова обрели уверенность и нахальство. Они подбадривали свой комбайн криками, подобно древним римлянам, наблюдавшим завершение схватки гладиаторов.

Однако робот не собирался сдаваться. Он резко выдернул застрявшую ногу и бросился прочь от комбайна. Отбежав на десяток метров, он остановился в относительной

безопасности, и быстро принял меры неотложной помощи. Внутри него что-то щелкнуло, изуродованный обрубок предплечья отвалился от руки и упал на траву. Оставшаяся часть оканчивалась аккуратной перегородкой, которая плотно закрывала локтевой сустав и предотвращала потерю масла, которое управляло всей двигательной системой. Вся операция, а точнее сказать, ампутация, заняла не больше секунды. Когда комбайн снова бросился на работа, тот был уже в состоянии по-прежнему ловко и быстро передвигаться.

Но теперь робот изменил тактику. Он уже не стоял на месте и не ждал, пока механизм приблизится к нему. Роботы два раза на одни и те же грабли не наступают. Теперь он просто убегал от комбайна, нарезая широкие круги по поляне, оглядываясь на бегу, и внимательно глядя себе под ноги. Комбайн с ревом и дымом принялся гоняться за ним. Он спрятал бесполезные манипуляторы и размахивал в воздухе пилой как секирой. На другой стороне поляны эти маневры

приветствовались хохотом и криками «ату!».

Граф Энимор, внимательно следивший за действием, резко выдохнул и сказал вслух, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Пора кончать этот цирк. Так долго продолжаться не может. – Он обернулся и подозвал к себе слугу. – Эй, Брик, подойди ко мне!

Бедняга Брик, не отличавшийся выдержкой и самообладанием своего хозяина, молча подошел к хозяину. Зубы его стучали, ноги подкашивались. Тем временем граф продолжал:

– Ну-ка, помоги мне. Вот взгляни на карту. – С этими словами он нагнулся в седле и сунул под нос слуге свой пульт. – Узнаешь это место? Ты ведь не раз браконьерствовал здесь.

– Да что вы ваша милость, как можно? Это меня оклеветали, я в жизни ни за что! Да чтобы я, не спросясь вашей милости, да мы всегда, конечно, только ни в коем случае! – перепуганный Брик готов был нести подобную чушь еще неизвестно сколько времени, но

граф резко прервал его.

— Заткнись. Неужели ты решил, что именно сейчас я буду выяснять все твои мелкие делишки? Мне надо выручать своего робота. Так что приди в себя и отвечай на мой вопрос. Мне плевать, чем ты занимался в этих местах, но ты ведь и в самом деле хорошо их знаешь, не так ли? Отвечай балда, пока этот комбайн и тебе не раскроил башку.

— Ну, в общем-то да, ваша милость, — все еще несмело протянул слуга.

— Быстро, быстро покажи мне, есть ли здесь поблизости болото или хотя бы большая лужа?

— Б-болото, ваша светлость? Но зачем вам?

— Вот наградили меня болваном слугой. Это я тебя спрашиваю, а ты, скотина, отвечай без всяких оговорок. Есть здесь поблизости какая-нибудь топь? Ну, я ведь по сырости вижу, что она должна быть где-то рядом. А на карте ничего нет.

— А, вот вы о чем! — наконец сообразил Брик. — Есть тут неподалеку славное болото.

Минут пятнадцать ходу. Если ваша милость соизволит, то я мигом провожу вас.

– Нет, ты останешься здесь. Покажи мне по карте.

Пару минут слуга, пыхтя и отдуваясь, тыкал пальцем в экран пульта. Этот прибор ему был явно непривычен, и, похоже, успеха он не добился. Тогда он просто стал показывать руками на местности, сопровождая свои жесты пространственными пояснениями. Граф, как мог, подгонял болтливого слугу, но тот в силу своей обстоятельности, просто не умел говорить коротко.

Все это время комбайн продолжал гонять робота по поляне. Беглецу стало труднее передвигаться. Потерянное предплечье несколько сместило центр тяжести, и робот компенсировал это едва заметным наклоном корпуса влево. Комбайн неумоимо преследовал противника. Огромный вращающийся нож периодически цеплялся за кусты и ветки деревьев, растущих по краю

поляны. Комбайн срезал их, ни на мгновение не останавливая своего движения. Не поздоровилось даже небольшому дереву, неудачно оказавшемуся на пути механического лесоруба. Один взмах ножом и комбайн пронесся через то место, где секунду назад стояла молоденькая сосна.

Комбайн объехал поляну не один десяток раз, и его гусеницы вырыли в земле глубокие борозды. Разрытая, вскрытая почва сильно затрудняла движения робота. Теперь беглецу приходилось еще тщательнее смотреть под ноги, и все меньше времени у него оставалось для того, чтобы оглядываться и уворачиваться от страшной пилы.

Наконец, Брик, понукаемый Энимором, все же закончил свои объяснения. По команде хозяина он снова нырнул в кусты и затаился там. Убедившись, что его слуга и мулы хорошо спрятались, граф выпрямился в седле. Он поднял пульт и ввел какую-то команду. Затем сунул пульт в кобуру, крепко взял в руки поводья и пришпорил лошадь. Она заржала и

попыталась встать на дыбы.

– Все за мной! – проревел граф и бросил коня вперед.

Всадник пересек поляну и скрылся за деревьями. Его робот тут же повернулся и устремился за хозяином. Комбайн на секунду остановился, оторопев от неожиданного поворота событий. Затем, когда его неповоротливый мозг, наконец, оценил ситуацию, он обиженно взревел всеми моторами, развернулся на месте, выбросив из под гусениц огромные комья земли, и бросился в погоню. Оранжевые разбойники, толпившиеся на дальнем конце поляны, с изумлением наблюдали за этой сценой. Поняв, что схватка вступила в решающую стадию, они разом загомонили, закричали и побежали вслед за удаляющимся комбайном. Последним ковылял толстяк Дронни, громко кляня своих товарищей за то, что бросили его одного. Поляна опустела.

Когда шум погони несколько утих, из-за кустов показалось озабоченное лицо Брика.

Он встревожено огляделся по сторонам. Опустевшая поляна представляла собой печальное зрелище. От ровной зеленой лужайки не осталось ни следа. Вся поверхность была исковеркана и разворочена. Можно было подумать, что здесь устроили себе вечеринку с десятков молодых слонов, только что окончивших колледж, и изрядно набравшихся по этому поводу. Более того, судя по нескольким особенно глубоким ямам, участники вечеринки на следующее утро пытались найти на поляне зарытый старинный клад.

Брик с удовлетворением вздохнул. Поляна была пуста, а остальное его волновало постольку поскольку. Он выбрался из кустов, удобно уселся на траве, достал трубку и кисет, неторопливо закурил и приготовился ждать.

Шум погони был хорошо ему слышен. Граф по-прежнему звал всех за собой, на полном скаку удаляясь в направлении, указанном слугой. Комбайн ревел изо всех своих механических сил, продираясь сквозь

чашу. Было слышно, как он вовсю работает пилой, прорубая просеку. Он срезал самые большие деревья, стоящие на его пути, а мелочь попросту давил своим массивным корпусом. Позади комбайна бежали возбужденные разбойники. Их выкрики сливались с ревом мотора металлического монстра, что было к лучшему, так как эти слова не сулили ничего хорошего ни графу, ни обоим его слугам: как роботу, так и человеку. Самого робота слышно не было, но Брик не сомневался, что тот держится где-то между Энимором и комбайном.

Голоса, удаляясь, постепенно затихали, но все еще были слышны. Судя по всему, граф уверенно увлекал всю эту странную кавалькаду к одному ему известной цели. Внезапно раздался странный булькающий звук, и громкий рев мотора утих. Голоса разбойников как по команде смолкли. Даже граф Энимор больше не кричал. В наступившей тишине до слуха Брика доносились лишь глухие ухающие и

чмокающие звуки. Снова отчетливо слышалось бульканье. Внезапно снова заработал мотор комбайна. После тишины леса этот звук показался особенно громким. Но это уже был не рев победителя и преследователя. Что-то жалобное проскальзывало в гуле моторов, больше похожем на зов о помощи. Моторы натужно ревели на одной ноте; их звук становился все глуше и глуше. Наконец, раздалось еще одно громкое «бульк», и мотор стих.

Вслед за этим слышался дикий крик злобы и отчаяния. Это кричали разбойники, на глазах у которых их любимый комбайн, орудие разбойного промысла, бесследно исчез в глубокой топи болота. А потом донесся громкий смех Энимора. Его чистый, уверенный голос раздавался далеко в лесу.

— Ну, вот и все. А теперь поменяемся ролями. Теперь вы убегаете, а мой робот будет вас догонять. Ну, вспоминайте, как играли в детстве в салочки. Итак, раз-два-три, начали. — И он громко хлопнул в ладоши.

Звук погони возобновился. Теперь она вновь направлялась в сторону поляны. Брик на всякий случай пересел поближе к кустам, но прятаться не стал.

– Пусть мне оторвут голову, – пробормотал он, – но я должен это увидеть.

В самом деле, зрелище того стоило. На поляну ворвались разбойники. Вид у них был неузнаваемый. Оранжевые комбинезоны приобрели серо-бурый цвет, как будто впитали в себя всю грязь болота, в котором утонул их комбайн. Лица и руки разбойников были заляпаны грязью и какой-то мерзкого вида слизью. Они бежали, не оглядываясь, не разбирая дороги. То один, то другой спотыкался на всклокоченной земле и падал лицом вниз. Упавший тут же вскакивал на ноги и бежал дальше, стараясь не отстать от товарищей.

Позади этой группы быстро двигался робот. Ему тоже здорово досталось – на корпусе виднелось несколько вмятин, на боку чернела глубокая борозда, как от удара

огромного когтя. Он усиленно размахивал обрубком левой руки и пинками подгонял отстающих разбойников.

Брик во все глаза смотрел на это зрелище, и не заметил, как к нему подъехал граф.

– Ну, как тебе наш пастух? Неплохо он гонит свое стадо, не правда ли? – раздался за спиной Брика насмешливый голос.

Перенервничавший Брик вздрогнул от неожиданности. Он повернулся и увидел возвышающегося над ним Энимора.

– Какой у меня замечательный слуга. Всю битву храбро просидел в кустах, а теперь дрожит от одного голоса хозяина.

Брик понурил голову.

– Ну-ну, это я пошутил. А вообще, ты совершенно прав – из всей этой компании по-настоящему бояться следует именно меня. Запомни это.

– Как скажете, ваша милость, – Брик восторженными глазами смотрел на своего хозяина. И было чем гордиться. Граф выглядел так, как будто только что вышел из гостиной

своего замка. По-прежнему безукоризненно чистый, без единой царапины на лице или складки на одежде, он сидел, выпрямившись в седле, и гордо оглядывал поле прошедшей битвы.

— А где это их чудовище? — набравшись смелости, спросил слуга.

— Там где ему и место, на дне болота. Ты и в самом деле хорошо знаешь эти места. Так что утонула эта тварь, как миленькая. — Энимор задумчиво посмотрел на слугу. — Пожалуй, в награду я разрешу тебе охотиться в этих местах.

Да я, ваша милость, да я теперь за вас жизни не пожалею! — лицо слуги побагровело от нахлынувших чувств.

Он схватил руку графа и поцеловал ее, затем попытался сказать еще что-то, но Энимор жестом остановил его. Отвернувшись от слуги, граф внимательно оглядел поляну. На ней никого не было. Преследуемые роботом разбойники разбежались по лесу. Внезапно кусты раздвинулись, и оттуда

выпрыгнул чернобородый предводитель разбойников. Он был перепачкан в грязи, комбинезон в нескольких местах разорван. После длительного кросса по лесу и болотам он запыхался и дышал тяжело, с присвистом, как человек, не привыкший к подобного рода физическим упражнениям. Глаза его горели сумасшедшим блеском. В руке он сжимал длинный острый нож.

– Ну, вот ты мне и попался, гаденыш. Получай по полной! – прохрипел он.

С этими словами разбойник занес нож высоко над головой, чтобы достать сидящего на лошади графа, и с силой ударил того в бок.

Энимор молча наблюдал за ним. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы защититься или просто уклониться от удара. Лезвия ножа со звоном остановилось в сантиметре от его тела, наткнувшись на невидимую стену. Нож в руках разбойника внезапно вспыхнул нестерпимо ярким светом и сгорел, оставив только обугленную рукоятку. Разбойник выпустил остатки ножа и схватился

обеими руками за голову. Видно было, что его мучает сильнейшая головная боль.

– Я смотрю, ты уже совсем ничего не соображаешь? Ты что же, не понимаешь, где находишься? – надменно спросил его граф.

– Трус, баба, балованный ребенок, – прохрипел в ответ разбойник. – Слезай с лошади и дерись, как настоящий мужчина.

Обезумевший от боли и ярости разбойник с каким-то звериным рычанием вновь прыгнул вперед, обеими руками вцепился в ногу графа и попытался стащить его с лошади. В тот же миг нападавшего вновь отбросило назад. Разбойник упал на землю, его окутал матово-синий туман, полностью скрывший фигуру нападавшего из виду. Туманная поверхность мягко пульсировала, по ней пробегали искры, раздавался треск разрядов. Туман то расширялся, то сжимался, оставаясь абсолютно непрозрачным. Внутри что-то происходило, что-то очень нехорошее.

Так продолжалось несколько секунд. Внезапно из-за матово-синей завесы раздался

крик боли и туман рассеялся. Разбойник неподвижно лежал на траве. На его запрокинутом к небу лице застыло выражение невыносимого ужаса.

Некоторое время граф со слугой молча смотрели на валяющееся перед ними тело. По команде хозяина Брик наклонился и приложил ухо к груди разбойника. Некоторое время он неподвижно слушал. Затем Брик поднялся с колен и на вопросительный взгляд графа молча покачал головой. Слуга был бледен, как мел.

– Он мертв, ваша милость.

Энимор внимательно посмотрел на тело, распростершееся на траве.

– Примем это как знак. Значит, я смогу, наконец, избавиться от разбойников на своей земле.

– Ваша милость! – воскликнул обеспокоенный Брик. – Неужели вы собираетесь...

Энимор сурово глянул на Брика, и тот осекся. Граф достал из кобуры пульт.

Пора с ними кончать, – ледяным тоном произнес рыцарь.

Он набрал последовательность команд и, утихшие было крики в лесу, возобновились. Возня и вопли в чаще продолжались минут пятнадцать, затем все стихло. Еще через пару минут на поляну медленно вышел робот. Он был еще более грязный и помятый, и имел, если можно так сказать о роботе, усталый и печальный вид. Робот подошел к графу и застыл в ожидании.

Энимор отвернулся и приказал Брику:

– Быстро собери вещи и догоняй меня.

Поедем дальше. Я не хочу оставаться в этом проклятом месте ни одной лишней минуты.

– Сию минуту, ваша милость, – с облегчением закричал Брик, полностью разделявший желание своего хозяина побыстрее убраться отсюда.

Он разыскал в кустах мирно жующего вьючного мула и схватил поводья. Затем, ведя животное в поводу, вернулся к своему мулу, вскарабкался в седло и, нещадно колотя

животное в бока босыми пятками, отправился догонять хозяина.

Робот сошел с дороги и побрел вслед за людьми по подлеску. Старинный закон, неизвестно когда и кем придуманный, не позволял роботам передвигаться по дорогам. Периодически его силуэт выглядывал в промежутке между деревьями. Металлический защитник был непривычно грязен, и это не давало покоя Брику, который только позавчера провел весь вечер в мастерской, приводя робота в надлежащий вид перед турниром. Брик старался не думать о происхождении бурых пятен на корпусе робота. Ему было спокойнее считать, что это не кровь, а просто болотная грязь.

Глава 4

Внутри дворец оказался еще более роскошным, чем снаружи. Не переставая

болтать, толстяк вел Колю по длинным, богато украшенным внутренним переходам.

– А откуда вы русский язык знаете? –
улучив момент, спросил Коля.

– Я много чего знаю, – самодовольно усмехнулся толстяк. Помолчал и гордо добавил: – А чего сам не знаю, то покупаю у других.

С этими словами он указал на небольшой кулон, висящий у него на шее:

Вот он, наш переводчик. Если бы я его надел утром, то сразу же мог с тобой поговорить. Но ничего, тебе и без того крупно повезло. Я совершал утреннюю прогулку по окрестностям – люблю, знаешь, после завтрака немного прогуляться. Это помогает пищеварению и полезно для здоровья. Тут увидел, как ты падаешь, и поспешил посмотреть, что и как. А потом послал за тобой ковер.

Толстяк посмотрел на безжизненный коврик и рассмеялся:

– Как ты его уходил. Прямо загнал,

беднягу.

– Да я ничего и не делал, – смущенно ответил Коля, которому тоже было жалко коврик. – Просто сел на него и мы полетели. А он что, сдох?

– Не переживай. Ничего ему не сделается. Давай лучше тобой займемся.

Они вошли в комнату, и толстяк хлопнул два раза в ладоши. Тут же появился слуга. Это был такой же мордоворот, как и сторожа. Только клыки у него были спилены до основания; а нос побрит так тщательно, что виднелись следы порезов. Толстяк тихо сказал ему несколько слов. Потом хозяин снова повернулся к гостю:

– Пойдешь с ним, искупаешься и переоденешься. Потом вернешься сюда, и мы пообедаем. Тогда и поговорим и поговорим.

Слуга повернулся к Коле и изобразил на своем жутковатом лице подобие улыбки. Коля решил оставить все вопросы на потом. Он поднялся и отправился вслед за слугой. Пройдя длинными переходами, они очутились

в роскошной купальне, центр которой занимал бассейн, выложенный цветным мрамором. Коля сбросил с себя комбинезон и блаженно погрузился в воду.

Через полчаса чистый и свежий Коля в роскошном синем с золотом халате сидел в той же комнате напротив хозяина.

— Джинны мы, — представился хозяин, предваряя невысказанный вопрос гостя. — Зовут нас Махмутдин-аглай.

— А эти, — он махнул рукой в сторону слуги, который таскал в комнату один за другим тяжелые подносы, уставленные едой, — это ифриты. То есть, низшие джинны. По своему происхождению они годятся только в слуги нам, настоящим благородным джиннам. Они совершенно не говорят на нашем языке. Но все понимают.

Услыхав последние слова хозяина, ифрит остановился и усиленно закивал головой: да, конечно, все понимаем.

— А теперь, давай, кушай и рассказывай: кто ты, откуда и что забыл в нашем захолустье.

Одновременно есть и рассказывать у Коли не получилось. Он слишком много пережил сегодня. Могучий аппетит взял свое, и оголодавший Коля набросился на еду. Он несколько раз молча опустошил свою тарелку, в которую заботливый ифрит все время подкладывал все новые и новые блюда, одно вкуснее другого. Джинн с умилением наблюдал, как Коля ест.

Наконец, Коля утолил первые приступы голода и смог вести себя подобающим образом. Он вытер лоснящиеся губы и принялся рассказывать свою историю.

Однако рассказ вышел коротким. Уже через десять минут джинн взял инициативу в свои руки.

— Нет, нет, я больше не стану этого слушать, — заявил Махмуддин-аглай и откинулся на подушки. — Ну, посуди сам, уважаемый Коля-аглай. Твой рассказ совершенно нереален. Твои представления о природе не выдерживают никакой критики!

— Махмуддин-аглай, уважаемый!

Возможно, наш переводчик не совсем точно перевел мои слова. К тому же я лишь коротко изложил вам основные принципы очень большой и серьезной науки.

Джинн нетерпеливо махнул рукой. Он явно не привык к пространным научным дискуссиям.

— Мой кулон-переводчик переводит очень точно. Даже слишком точно. — Он тяжело вздохнул, будто вспомнил что-то весьма неприятное. — Но об этом в другой раз. Я не хочу вдаваться в серьезные научные споры. Давай я еще раз повторю твой рассказ, и ты убедишься, что я понял тебя правильно. Итак, во-первых, ты сказал, что вещество,двигающее твой корабль, имеет вид твердого металла, однако на самом деле состоит из очень мелких частиц. Из уважения я не стал перебивать тебя, хотя не в состоянии представить себе такой металл.

Коля набрал в грудь воздуха, но промолчал.

— Далее, — продолжал джинн. — Эти маленькие частицы по твоим словам

постепенно разваливаются на еще более мелкие части, и за счет этого твой корабль может двигаться. Я правильно тебя понял?

— Ну, — промямлил Коля, который уже понял, что его хозяин не знаком с основами ядерной физики. — В общих чертах, — да, это так.

— Вот видишь, я все правильно понял, — самодовольно заявил джинн. — Далее, ты сказал, что когда твой корабль приблизился к поверхности нашей планеты, эти твои частицы вдруг перестали распадаться, и топливо превратилось в обычный металл.

Коля подтвердил.

— Ты сказал, что никогда прежде ни ты, ни твои сородичи не наблюдали такого явления, и что это тебя сильно удивляет.

Коля и на это согласно кивнул.

— А теперь объясни мне, куда же делись эти твои маленькие частицы?

Джинн взял в рот мундштук своего кальяна, глубоко затянулся, выпустил струю густого зловонного дыма и победоносно

установился на Колю.

Землянин прокашлялся:

– Если вы позволите, то я попробую объяснить еще раз.

– Не, не, не! Не грузи мои благородные уши своими немыслимыми рассказами о том, что все вокруг состоит из мельчайших частиц, которые ты называешь то атомы, то молекулы. Это просто невозможно. Такого не может быть. Ну, вот посмотри сам – с этими словами джинн постучал когтем указательного пальца по столу. – Он сплошной, в нем нет дырок, и нет никаких атомов.

Коля замялся:

– Видите ли, уважаемый, атомы, о которых мы говорим, настолько малы, что их невозможно увидеть простым взглядом.

Джинн неожиданно возмутился:

– Откуда ты знаешь, что я могу увидеть, а что нет? Если ты такой ущербный, то это не значит, что все существа имеют те же пороки. Да будет тебе известно, что джинны по своему желанию могут видеть самые отдаленные и

самые маленькие предметы, которые только существуют в мире.

Он снова схватился за отложенный чубук и принялся яростно пыхтеть.

— И вообще, — сказал он, успокоившись, — на первый раз я тебя простил, потому, что ты мой гость. Но запомни раз и навсегда — если ты скажешь порядочному джинну, что он чего-то не может, это будут последние слова в твоей жизни.

Коля похолодел. Разомлев после сытного обеда, он забыл, что имеет дело не с человеком, а с абсолютно чуждым ему существом. Он уже раскрыл рот, чтобы принести извинения, но джинн его не слушал.

— Ладно, — покровительственно заметил хозяин. — Я вижу, что твоя раса невежественна и абсолютно не разбирается в природе вещей. Я даже удивляюсь, как ты сумел к нам прилететь. Не перебивай, я слишком долго терпел твою болтовню. Я уже понял, в чем дело. Вы, не имея науки, заменили ее ритуалами. Иногда у вас случайно что-то

получается, и вы этим пользуетесь, хотя до конца сами не понимаете, как это работает.

Махмуддин снова глубоко затянулся и произвел очередную химическую атаку дымом из кальяна:

– Теперь слушай внимательно, ибо я по доброте своей открою тебе тайны строения вещества. В природе есть четыре основные стихии: огонь, вода, воздух и земля. Все прочее есть лишь сочетание этих стихий.

Коля развел руками. Что он мог противопоставить убежденности средневекового алхимика? Даже если откопать корабль, то ведь плутоний и в самом деле превратился в свинец. «Попробую с другой стороны», – решил космонавт. Ему приспичило разгромить своего невежественного хозяина в научном споре и доказать правоту передовой земной науки.

– Допустим это так. Тогда получается, что вот я сейчас возьму немного земли, полью ее водой, подержу над огнем, затем дуну и смогу получить, скажем, слиток золота?

Джинн замялся. Теперь Коля победоносно смотрел на него. Однако радость его была недолгой.

— Золото нет. Слишком дорого, — коротко ответил джинн.

— Вот как, — Коля еще не понял, что джинн говорил совершенно серьезно. — Ну, тогда давайте сделаем просто брусок обычного железа. Сделаете? Тогда я поверю.

— Хорошо, я вижу, что ты должен все потрогать своими руками. Так и быть, разорюсь на небольшой физический опыт. Сделаю тебе железо.

Джинн хлопнул в ладоши. В комнату вошел уже знакомый ифрит. Джинн что-то приказал ему. Тот послушно кивнул головой и вышел. Через минуту он принес большой медный поднос, поставил его между Колей и Махмудином и, также молча, удалился.

Коля с интересом осмотрел поднос. На нем стояли две серебряные миски, наполненные водой и землей, горящий светильник и свиток пергамента. Центр подноса был свободен.

Джинн пробормотал что-то неразборчивое себе под нос и принялся действовать. Он развернул свиток и начал неторопливо перематывать его. Найдя нужное место, он прочел несколько строк, удовлетворенно кивнул головой. Отложив свиток в сторону, джинн стал копаться в складках своего необъятного халата. Оттуда он вытащил серебряную флягу, богато украшенную золотом и рубинами. Не торопясь, джинн открутил крышку и, считая вслух, накапал из нее на поднос шестнадцать капель густой темно-красной жидкости. Коля сразу узнал ее. Точно такую же он видел, когда летел на ковре-самолете.

Коля хотел сказать об этом, но джинн сделал предостерегающий жест рукой, и землянин понял, что все вопросы следует отложить на потом.

Тем временем Махмуддин спрятал флягу обратно и, взяв в руки пергамент, еще раз перечитал выбранное место. Он принялся бормотать что-то про себя, загибая пальцы на

руках и высунув от напряжения кончик зеленого языка. Наконец, джинн закончил расчеты и приступил к действиям.

– Смотри, сейчас будет твое железо.

Коля заморожено следил за его действиями. Джинн поводил рукой в воздухе над лужицей красной жидкости, и та немедленно вскипела. Над ней образовалось облако пара, неожиданно большое и непрозрачное. Подождав, пока вся жидкость выкипит, Махмуддин повернулся к миске с водой. Он вытянул вперед обе руки и развернул ладони, будто держал что-то над миской. Вода заволновалась, забурлила, поднялась из миски маленьким смерчем. Затем смерч оторвался от поверхности и застыл в воздухе, точно между раскрытыми ладонями джинна. Тот медленно стал двигать руки к центру подноса. Водяной смерч послушно двинулся вслед за руками джинна, оставаясь между ладонями. Оказавшись над облаком, смерч остановился, перестал вращаться и вода пролилась вниз. Облако с

глухим чмоканьем всосало в себя
неожиданный подарок.

Махмуддин развел ладони и протянул руки над соседней миской. Повторилась та же картина. Земля в миске зашевелилась, поднялась в небольшом смерче. Послушный движениям джинна смерч переместился к облаку и исчез в нем.

Покончив с землей и водой, джинн повернулся к горящему светильнику. Он приблизил ладони к огню и как бы сжал его с двух сторон. Светильник мигнул и выбросил вверх язычок пламени. Махмуддин поймал его в воздухе между ладонями. Теперь над горящим светильником возник второй огонек. Он висел в воздухе и продолжал гореть без фитиля и масла. Осторожно двигая руками, джинн отнес огонек к центру подноса. Его движения напоминали обычные человеческие, когда осторожно несут горящую свечу, закрывая ладонью от порывов ветра ее крошечный, беззащитный огонек. Махмуддин проделал то же самое, с небольшой разницей,

что свечи в его руках не было и он нес только огонек.

«Ну, прямо Чеширский кот из Страны Чудес – улыбка есть, а кота нет», – подумал Коля. Ему стало основательно не по себе.

Очень не хотелось чувствовать себя маленькой Алисой в окружении непонятных чудес. Он на всякий случай протер глаза, но все осталось по-прежнему.

Джинн донес огонек до центра подноса. Оказавшись над облаком, огонек задрожал, вытянулся вниз, превратился в тонкую, ярко светящуюся нить и перетек в облако. На какой-то миг оно озарилось изнутри красивым теплым светом и застыло в ожидании.

Махмуддин удовлетворенно кивнул и поднял руки ладонями вверх. Он сделал неуловимое движение, и Коля ощутил легкий порыв ветра. После этого джинн сложил руки на коленях и устало откинулся на подушках.

Облако в центре подноса быстро густело. В нем что-то перемешивалось и клубилось. Постепенно форма облака стала изменяться.

Оно вытянулось, в нем появились четкие линии и углы; оно на глазах твердело и принимало прямоугольную форму. Наконец, облака не стало. Вместо него на подносе перед Колей лежал небольшой металлический брусок.

– Вот и все. Вот твое железо, бери, не бойся. – Джинн покровительственно смотрел на Колю. – Ты что, никогда раньше не видел, как это делается? Совсем дикий народ. И как вы в космос летаете, не пойму!

Не веря своим глазам, Коля молча потянулся вперед и взял в руки брусок. Он был тяжелым и холодил руку. На вид – самое настоящее железо. Совершенно обалдев, Коля поднял глаза на джинна.

– Это какое-то колдовство?

Махмуддин рассмеялся.

– Все вы, дикари, одинаковые. Пользуетесь своими языческими ритуалами и считаете, что так и надо. А когда видите обычный научный опыт, тут же впадаете в истерику и кричите «колдовство!».

– Н-но, если это не колдовство, – растерянно спросил Коля, – то откуда взялся этот брусок?

– Придется тебе объяснить еще раз. – Джинн поправил подушки у себя за спиной, готовясь к длинной основательной лекции. – , постарайся принять за истину, что это не колдовство, а самый простой физический опыт. Я уже говорил, что в основе всех веществ, предметов и живых существ, обитающих в мире, лежат четыре стихии. Каждая из них включает в себе ровно четверть всех свойств материи. Отсюда следует четверичность нашего мира. Как известно, все вокруг имеет свои четыре стороны. Например, четыре стороны света: север, восток, запад и юг. Другой важный пример – это четыре расы, населяющие мир: джинны, гномы, эльфы и люди. Есть и другие примеры. Но это уже высокая философия, к постижению которой ты пока не готов.

Джинн повернулся и взял мундштук кальяна. Коля содрогнулся, готовясь к новой

порции зловония. Уважаемый и многомудрый Махмуддин-аглай неторопливо пыхтел кальяном, то ли собираясь с мыслями, то ли давая гостю время осмыслить полученную информацию.

— Однако стихии не могут сочетаться произвольно. Для сотворения вещества недостаточно просто смешать его составляющие. Заключенная в какое-нибудь тело стихия всегда стремится освободиться, вырваться из удерживающих ее границ, и перейти в первородное свободное состояние. Таков закон природы. Ты сам это видел не раз. Налей воду в стакан, и ты увидишь, что она не смешается с его стенками, а при первой же возможности выльется наружу. Таким образом, нужна некая дополнительная сила, которая удержит стихии вместе, заставит их проникнуть друг в друга и превратиться в вещество. Тогда стихии успокоятся, перестанут рваться наружу, и мы получим обыкновенное вещество, такое, как этот брусок железа, который ты держишь в руках.

Коля посмотрел на свою руку и обнаружил, что все еще сжимает в ней тяжелый металл. Он судорожно положил его на поднос, и отдернул руку, будто боялся обжечься.

– А что же это за сила?

Джинн усмехнулся.

– Ох, Коля, тебе приходится все растолковывать, как маленькому. Основа всего окружающего нас мира – это свободная животворящая энергия мироздания. Именно эта энергия объединяет стихии и удерживает их вместе. Она создала все окружающие нас предметы, как неживые, так и живые. Без нее наш мир состоял бы лишь из земли, воды, огня и воздуха.

– И вы хотите сказать, что все состоит просто из соединения четырех стихий?

– Ну, конечно, дорогой. Вот ты и стал кое-что понимать. Все в мире, есть ничто иное, как сочетание четырех основных стихий, скрепленное или даже оживленное первородной энергией.

Коля помотал головой, пытаясь осмыслить

обрушившийся на него поток новой информации:

– А как же тогда получаются разные вещества? Если это просто смесь воды, огня, земли и воздуха. Но ведь они разные... – Землянин замялся, не сумев до конца выразить свою мысль.

Махмуддин поднял руку, как бы останавливая Колю, пока тот опять не брякнул что-нибудь неподобающее.

– Я понял, о чем ты хочешь спросить. Тебя удивляет, что вещества, состоящие из одних и тех же стихий, имеют разные свойства? И даже выглядят по-разному?

Коля кивнул, не решаясь больше перебивать джинна.

– Ну, это совсем просто. Хотя все материальные тела и состоят всего из четырех основных стихий, но эти стихии присутствуют в них в различных сочетаниях. В железе, например, преобладают земля и огонь. В золоте огня еще больше, оно вообще состоит почти из одного огня. Отсюда и разный вид, и

различные их свойства. Преобладающая стихия проявляет себя в веществе сильнее остальных и определяет его свойства.

Джинн прервался и посмотрел на озадаченное Колино лицо.

– Впрочем, это слишком долгий разговор. Тебе просто следует знать, что мы давно разобрались в тайнах строения материи. Здесь, – он показал рукой на пергаментный свиток, – записан состав всех известных нашей науке веществ. Для любого вещества существуют определенные пропорции, в которых в нем присутствует каждая из стихий. Эти пропорции определены учеными и сведены в точные таблицы. Для создания таких веществ достаточно лишь правильно смешать все стихии.

Коля все еще не пришел в себя. Однако кое-что он уже начал понимать.

– А для чего вы использовали жидкость из фляги? Это катализатор, чтобы стихии вступили между собой в реакцию?

Землянин сомневался, что кулон-

переводчик сумеет правильно перевести химический термин, но неожиданно Махмуддин довольно кивнул головой.

— А ты, оказывается, не так уж и невежественен, даже знаешь научные термины.

Коля почувствовал, что краснеет. А джинн продолжал:

— Красная жидкость во фляге называется вигрин. Это не просто катализатор, это источник свободной созидающей энергии. Той самой, которая и скрепила вместе стихии, образовав вот этот брусок никому не нужного железа. Для того чтобы удерживать стихии вместе, требуется определенное количество энергии. То есть, в нашем случае — вигрина. Тяжелее всего поместить в твердый предмет стихию огня. Поэтому золото, которое есть ни что иное, как затвердевший огонь, встречается в природе так редко. Оно имеет большую ценность и особые свойства. Я не стал создавать золото, хотя это, как ты понимаешь, для меня так же просто. Дело в том, что на

золото я бы потратил больше вигрина, чем оно само стоит.

Джинн тяжело вздохнул, и с плохо скрытым раздражением закончил:

– Я и так лишился шестнадцати капель драгоценного вигрина лишь для того, чтобы объяснить тебе элементарные вещи, которые знает каждый ребенок.

Махиуддин-аглай внезапно умолк, схватил мундштук кальяна и принялся яростно его насасывать.

Коля был плохим дипломатом. Можно даже сказать: при его непосредственной натуре, он был совсем никудышным дипломатом. Однако тут и он понял, что следует срочно предпринять что-нибудь для разрядки обстановки. И он выступил с ответной речью.

Вспомнив все восточные сказки, которые он читал, Коля прокашлялся и начал:

– Уважаемый и благородный Махмуддин-аглай. Вы поразили меня, э-э... как своим богатством, э-э... так и своей мудростью.

Ваше э-э... гостеприимство превзошло все, что я недостойный, заслуживаю. Я настолько восхищен, э-э... что не в состоянии в полной мере оценить вашу благосклонность ко мне.

Джинн одобрительно закивал, и землянин понял, что нашел правильный тон.

Напрягшись, он выдал еще несколько цветистых восточных комплиментов. По мере того как Коля болтал, джинн на глазах успокаивался. На его лицо вернулась довольная улыбка. Он уже не пытел кальяном, а лишь изредка затягивался и выпускал изо рта небольшие облачка дыма. Блаженно щурясь, благородный Махмуддин-аглай наблюдал за причудливыми дымными траекториями и с нескрываемым удовольствием слушал Колины славословия.

Наконец джинн вынул изо рта чубук и снисходительно кивнул:

— Ну ладно. При всем твоим невежестве, ты хорошо воспитан. Сегодня мы больше не будем говорить об ученых материях, чтобы не перегрузить твою, не привычную к наукам,

голову.

Выпускник космической академии не стал опровергать, прямо скажем, не слишком лестные высказывания джинна о его, Колином, образовании. Он уже понял, как надо вести себя с хозяином, и больше не пытался выглядеть ученым просветителем в гостях у средневекового алхимика. Да и в том, что он только что увидел и услышал, было достаточно аргументов, чтобы на некоторое время просто заткнуться в тряпочку и крепко подумать.

Джинн снисходительно посмотрел на Колю и улыбнулся:

– С сегодняшнего дня ты мой гость. Будешь жить в моем дворце и кушать вместе со мной. А по вечерам мы будем вести с тобой познавательные беседы. Ты принимаешь мое приглашение, невежественный путешественник?

Коля не колебался ни секунды. Он был не в том положении, когда выбирают. Пустыня вот она, за окном. Одно слово хозяина, и ифриты

выбросят Колю прямым туда, на песок. Ну, а потерпеть высокомерие джинна в обмен на усиленное питание и проживание во дворце на правах гостя не так и трудно.

– Вот и хорошо. Только не благодари меня, – продолжал джинн, заметив, что Коля собирается с духом перед новой благодарственной речью. – Больше не надо. Ты говоришь красиво, но очень долго. Давай еще покушаем, выпьем вина и поговорим о простых и понятных вещах.

И джинн, только недавно весьма плотно поужинавший, снова принялся за еду. Ел он быстро и жадно, словно неделю перед этим постился на воде, хлебе и сушеной рыбе.

Гостю же было не до еды. Он снова и снова вспоминал слова джинна и простенький, как тот его назвал, опыт по созданию бруска железа. Рассуждения Махмуддина сильно отдавали средневековой алхимией. Такой подход к природе никак не укладывалось в Колином сознании. С другой стороны, отрицать то, что произошло перед

его глазами, он тоже не мог.

Внезапно Коля вспомнил одну странную деталь, о которой чуть не позабыл в пылу научной дискуссии.

– Есть еще одна вещь, которую я не понял, уважаемый Махмуддин-аглай. Я внимательно наблюдал, как вы творили железо. Объясните, как вы могли переносить воду и все прочее, не прикасаясь к ним?

Джинн рассмеялся.

– Все-таки ты дикарь, Коля-аглай. К тому же, ты – ущербный дикарь. Неужели вы и в самом деле не умеете делать такие простые вещи?

Окончательно посрамленный землянин ничего не ответил, и лишь печально помотал головой.

– Ну, смотри. Это называется левитация.

Джинн показал на блюдо со сладкими пирожками, которые не успел доест. Один из пирожков подпрыгнул и повис в воздухе. Махмуддин едва слышно хихикнул. Пирожок, покачиваясь в воздухе, поплыл по

направлению к Коле. Добравшись до лица, пирожок ткнулся в рот. Коля испуганно сжал зубы и отвернулся.

– Что же ты, уважаемый, – хихикнул джинн. – Кушай пирожок, он вкусный.

Гостю ничего не оставалось, как открыть рот. Пирожок тут же юркнул туда и упал на язык. Коля машинально прожевал и проглотил, не ощутив вкуса. Плохо прожеванный пирожок камнем провалился в желудок. Космонавт почувствовал, что у него все поплыло перед глазами. Маленький сладкий пирожок, самостоятельно залетевший к нему в рот, оказался последней соломинкой, которая перегрузила способности Коли воспринимать новую информацию. Последнее, что он увидел, было встревоженное лицо джинна.

Усталость и новые впечатления в совокупности с плотным обедом и выпитым вином вяли свое. Глаза у Коли закрылись, голова свесилась на грудь и космонавт уснул.

Глава 5

Коля открыл глаза и ту же закрыл их снова. Потом собрался с духом и потихоньку приоткрыл один глаз. Так и есть – над ним склонилась оскаленная пасть.

– Ох! – только и смог выдавить из себя Ночкин.

Жуткая пасть отодвинулась и превратилась в улыбающегося ифрита. Он стоял на коленях возле Коли и менял ему холодную влажную губку на голове. Сам землянин лежал на спине на невысокой лежанке, роскошно убранной толстыми мягкими коврами. Ифрит ласково смотрел на Колю. Его дыхание по запаху напоминало нашатырный спирт. Видимо, именно это, а не холодная примочка, и вернуло космонавта к жизни.

– Ну все, все, – махнул ему Коля, – отодвинься пожалуйста, пока я совсем не отбросил коньки.

Ифрит заворчал и поднялся. Он придал,

насколько получилось, своей морде почтительное выражение, низко поклонился и, пятась спиной, вышел из комнаты. Коля остался один. Он лежал в небольшой, но богато убранной комнате. Стояла ночь. В открытое окно светила розовая луна. Где-то рядом с ней висела и другая, голубая. Ее светло-голубые лучи, сливаясь с мягким розовым светом подруги, создавали совершенно очаровательное, волшебное освещение в комнате.

Коля поднялся и вышел на балкон. Его окатил поток прохладного ночного воздуха. Внизу, насколько хватало взгляда, расстилалась пустыня. Комната выходила на внешнюю сторону дворца, и Коля не видел ни других построек, ни деревьев. Свет лун освещал гребни барханов и наполнял таинственным полумраком ложбины между ними. На освещенных местах песок искрился и переливался, как драгоценные камни. Днем яростное солнце заглушало этот блеск, а вот в ночном освещении песок сверкал, как

свежевыпавший снег.

По невольной ассоциации космонавт вспомнил Россию, свежие морозные зимние дни, когда снег вот так же искрится под солнцем, притворяясь россыпью чистейших алмазов. «Когда-то я еще попаду туда», – мысленно вздохнул Коля. Нехорошее предчувствие сжало сердце.

Он постоял так несколько минут, любуясь пустыней и собираясь с мыслями. «Ну-с, – сказал он себе, – давай вспоминать: где я и что со мной приключилось. Итак. Я потерпел аварию при посадке на планету – это минус. Однако, я выжил в катастрофе – это плюс. Свой шаттл я безвозвратно потерял – опять минус. Зато не погиб в пустыне – снова плюс. Вместо этого я очутился в гостях у джинна. Он меня приютил, накормил и спать уложил. Это уже большой плюс. Что еще? Ах да. Самое главное! – Коля вспомнил объяснения джинна о мире, в котором он оказался, и вздохнул – а вот это уже очень большой минус...».

Мало того, что здешний мир населяют

немыслимые существа, наделенные способностями, о которых Коля даже не мечтал. Главное в том, что основные физические законы этого мира отличаются от привычных землянину. Космонавт задумчиво почесал в затылке: «Ну да, здесь все устроено совсем по-другому. Здесь действуют иные, непонятные ему физические законы, не совпадающие с земными».

Теоретически земная наука такого не отрицала. Взять хотя бы теорию многообразий, согласно которой в отдельных частях вселенной существуют области с иными физическими законами. Эти миры могут отличаться от нашего в отдельных мелочах, таких, как значение физических констант. А могут быть и совершенно непохожи на наш.

Курсанты любили этот предмет. Чего только они не выдумывали на семинарах. Мир, в котором гравитация не подчиняется ньютоновским законам и ядро весом в десять килограммов падает в десять раз быстрее

килограммового кирпича; мир, где сумма углов треугольника не обязательно равнялась ста восьмидесяти градусам; или мир где скорость света значительно выше или ниже, чем в нашем мире. Самая зубодробительная математика начиналась в мирах, где скорость света не является постоянной.

Вспомнил Коля и собственную гипотезу – плоский мир, диск размером с небольшую планету, который покоился на трех огромных слонах. Те в свою очередь стояли на спине огромной черепахи, а она плыла в бесконечном космосе, питаясь светом звезд, и ни капельки не беспокоилась о том, что несет на себе целый мир.

Людей этого мира, точно также, несколько не беспокоил тот факт, что они плывут через вселенную на спине черепахи. Они рождались, влюблялись, женились и изменяли супругам, работали и воевали, воровали и строили. Обманывали покупателей или занимались политикой, что, впрочем, одно и то же. И в конце концов умирали, вне зависимости от

того, какого успеха они добились, предаваясь всем вышеперечисленным занятиям.

Студенты, помнится, живо отреагировали и стали предлагать всевозможные дополнения. Они населили этот мир не только людьми, но и всеми известными фольклорными персонажами: троллями, гномами и даже ведьмами. Преподаватель, однако, быстро пресек полет фантазии, объявив это вздорной беллетристикой, недостойной серьезного научного исследования, и заставил курсантов вернуться к скучным моделям, которые зато содержали в себе много математики.

«Да, — сказал себе Коля, — похоже, что я как раз и попал в такой пузырь с иными физическими свойствами». Более того, этот мир, судя по всему, реализует наши собственные представления о природе, какими они были в средние века. И населяют этот мир, кроме людей, сказочные персонажи, тоже, когда-то выдуманные людьми. Вот вам и бесполезная беллетристика. Впервые человек попал в область пространства с другими

физическими законами, и на тебе – они основаны на самых ранних представлениях человечества об окружающем мире. Есть над чем задуматься.

Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас необходимо разобраться, почему произошла авария при посадке. Или, как недавно выразился уважаемый Махмуддин-аглай, куда подевались эти маленькие частицы внутри радиоактивного реакторного топлива?

Теория многообразий утверждает следующее: во Вселенной существует бесчисленное количество областей с различными физическими законами. Однако они не могут соприкасаться, иначе уничтожили бы друг друга и в конечном счете саму вселенную. Между этими мирами расположены некие граничные области или области перехода. Это место, где свойства одного мира постепенно переходят в свойства другого.

В граничных областях происходят сложные, порой непостижимые явления. Для

того, чтобы материальный предмет из одного мира смог существовать в другом, он должен измениться таким образом, чтобы уложиться в картину нового мира. Например, если обычный автомобиль въедет в область пространства, где число «пи» равно трем, без знаменитого бесконечного хвоста цифр после запятой, то его неизбежно перекорежит. И если потом снять с его колеса покрышку, разрезать поперек, вытянуть в длину и измерить, то это число будет в точности равно диаметру колеса, умноженному на три.

По крайней мере так гласила теория, которую читали в космической академии. Подробностей и, конечно же, самого математического обоснования Коля не помнил. Он слушал лекции, как захватывающий космический боевик, фантазировал и изобретал новые миры, не похожие на Землю. А математические выкладки потом просто списал на экзамене.

Теперь космонавт столкнулся с таким явлением не в теории, а на практике. Размеры

области пространства с иными свойствами, очевидно, совпадают с диаметром планеты, а ее граница проходит по верхнему краю атмосферы. Именно там радиоактивный плутоний превратился в свинец, полностью лишив корабль источников энергии.

Граничный слой, защищая законы своего мира, изменил реакторное топливо и трансформировал его в другой, нерадиоактивный металл. И теперь в реакторах лежат бруски простого свинца. Более того, этот свинец представляет собой не что иное, как смесь из четырех природных стихий, скрепленную первородной энергией, как положено в этом мире. Вот так.

Коля потряс головой, как бы укладывая мысли в нужном порядке. Хорошо, примем это как свершившийся факт. Ну, а бортовой компьютер? А все электрические приборы шаттла? Почему они не превратились в такие же неактивные болванки, при прохождении через граничную область? Ведь их функционирование основано на

электрическом токе, которого в этом мире вроде быть не должно. А память компьютера работает на молекулярном уровне. И все это работало. По крайней мере до тех пор, пока шаттл не зарылся в бархан.

Значит что?

Коля взволнованно зашагал взад и вперед по балкону. А это значит вот что.

Напрашивается, по крайней мере, два вывода. Первый – джинн Махмуддин, при всей своей образованности, знает далеко не все о своем мире. Здесь существуют природные явления, о которых он и не подозревает. Например, электричество, или его местный аналог.

Второй вывод – некоторые предметы и вещества могут проникать через граничную область, сохраняя при этом свои свойства. Вся корабельная электроника благополучно проникла в новый мир без изменений и продолжала функционировать до последнего момента. Да и сам Коля, судя по ощущениям, не изменился.

Объяснение этому искать бесполезно.

Возможно, сыграла свою роль высокая скорость шаттла при прохождении граничного слоя. А возможно, радиоактивный плутоний отвлек на себя всю силу изменений, и прочая мелочь проскользнула в неизмененном виде. Неважно. Главное здесь то, что аварийное снаряжение, может быть, по-прежнему работает. Отлично, значит не все еще потеряно. Вот мы сейчас и проверим.

Коля повернулся и быстрыми шагами вернулся в комнату. Его комбинезон аккуратно висел на вешалке в изголовье кровати. Путаясь в складках роскошного халата, в который Колю облачили днем после бани, он стал извлекать содержимое карманов комбинезона.

То ли джинн Махмуддин и его ифрит не отличались любопытством, то ли строго соблюдали законы гостеприимства, но так или иначе, все вещи были на своих местах. Первым делом космонавт схватил бластер. С замиранием сердца он взглянул на индикаторную панель. На ней горел желтый

огонек, означавший, что оружие исправно, заряжено и стоит на предохранителе. Зарядный аккумулятор был полон.

Ну вот, жить стало лучше, жить стало веселее. Сейчас мы тебя попробуем. Коля снял оружие с предохранителя. Желтая лампочка сменилась веселым зеленым огоньком готовности. Коля направил ствол на стоящий в противоположном углу комнаты большой серебряный кувшин и нажал на спуск. Как обычно, раздался негромкий свист и от бластера к кувшину протянулась тончайшая нить нестерпимо яркого света. Он осветил комнату и через мгновение исчез. Когда глаза снова привыкли к полумраку, землянин увидел вместо кувшина на столике застывшую лужицу серебра. Из под нее вырывался легкий дымок — это тлела обожженная столешница.

«Отлично, просто замечательно, — подумал Коля. — Я прав: аварийный комплект продолжает работать и в этом странном мире. Прекрасно. Прежде всего, мы спрячем подальше бластер, незачем кому-то о нем

знать вообще. А теперь посмотрим, что у нас с сигналом SOS. Главная задача на сегодня – встретиться с теми людьми, кто его подавал, со своими. В каком бы положении они ни были, надо пробраться к ним. Вместе мы что-нибудь придумаем. В конце концов, мой корабль по-прежнему находится на орбите вокруг планеты и будет там крутиться, пока не дожидется своего капитана».

Коля достал коммуникатор. Сигнал SOS прозвучал сразу же, как только прибор включился. Он шел на всех частотах, сильный немодулированный сигнал, будто кто-то колотил кулаком по эфиру. Но направление коммуникатор указывал четко и даже смог приблизительно посчитать расстояние. Пешком туда не добраться.

«Ладно, это уже другая проблема. Самое главное, что я жив, благополучно приземлился и на первое время вполне прилично устроен. Дальше будет видно», – Коля разделся, забрался в свою роскошную, но не слишком удобную постель и тут же уснул.

Утром Коля был как огурчик. Ифрит принес таз с водой, и землянин, умываясь, подивился резкому контрасту местной жизни. Серебряный тазик для омовения, украшенный филигранной чеканкой – это пожалуйста. А вот провести во дворце водопровод и канализацию – до такого местная техническая мысль не доросла. Пришлось умываться таким патриархальным способом.

Ифрит подождал, пока Коля приведет себя в порядок и жестом пригласил следовать за собой. По длинному переходу они прошли в уже знакомую столовую. Джинн сидел потурецки перед ковром, уставленным блюдами с едой. «М-да, – подумал Коля, – при такой диете немудрено отрастить живот».

Махмуддин сделал гостю приглашающий жест, а сам продолжил прерванный завтрак. При этом он пояснил:

– Джинны должны хорошо кушать. Это главное правило нашей жизни. – Махмуддин любовно погладил себя по объемному животу. – Не так-то просто было вырастить его. И

теперь я слежу, чтобы он ни в коем случае не уменьшился.

Коля уселся, подвернув, как джинн, под себя ноги и присоединился к завтраку.

– А вот в моем мире, – решил он продолжить застольную беседу, – врачи считают лишний вес вредным для здоровья.

Джинн покачал головой:

– Твои врачи имели в виду людей?

– Да, конечно. А что, есть разница?

Махмуддин усмехнулся:

– Разница огромная. Живот джинна – залог его долголетия. В этой штуке, – он снова похлопал себя по животу, – заключается все: здоровье, долгая жизнь, способность к магии. Джинн без живота – жалкое потерянное существо, не способное ни на что и приговоренное к скорой смерти.

Махмуддин прервался, чтобы проглотить кусок жареного мяса, которого Коле хватило бы на обед.

– Я даже не могу представить себе, что когда-нибудь похудею. Это же верная смерть!

Коля засмущался

– Э-э, уважаемый, вы кушайте, кушайте, не отвлекайтесь.

Дальше завтрак проходил почти в полном молчании. Джинн, похоже, и вправду испугался, что может похудеть, и ел, как верблюд, которого предупредили, что через час он отправится на покорение Северного полюса, пешком и без припасов.

Наконец, джинн остановился. Он вытер пот со лба, прислушался к внутренним ощущениям и сообщил, что теперь все в порядке. Ифрит-дворецкий убрал со стола и принес кальян. Умиротворенный хозяин закурил. Коля воспользовался случаем, чтобы вернуться к интересовавшей его теме.

– Уважаемый Мамуддин-аглай! Если вас не затруднит, расскажите мне о вашем мире.

Джинн поцокал языком:

– Вообще-то мне пора на прогулку. Режим нарушать нельзя. Но несколько минут я тебе могу выделить. Что тебя интересует в первую очередь?

– Вигрин. Та вишневая жидкость во фляге, при помощи которой вы создали брусок железа. Что же это такое?

Махмуддин глубоко затянулся дымом:

– Вигрин, – начал он, – как и прочие вещества, сам по себе является лишь сочетанием стихий. Но он в своем роде уникален. Искусственно его создать невозможно. Тут работает фундаментальный закон природы. Для того чтобы создать, скажем, один грамм вигрина, необходимо потратить энергию, заключенную в ста граммах. Однако именно поэтому мы можем использовать вигрин в наших превращениях. В нем сконцентрирован огромный запас избыточной энергии. Разрушая вигрин, мы высвобождаем эту энергию.

Коля понимающе кивнул:

– Кажется, я начинаю понимать. Энергию, заключенную внутри вигрина, можно использовать не только для соединения стихий, но и в других целях. Например, для того, чтобы оживить и заставить летать ваши

ковры-самолеты. Я прав?

Джинн согласился:

– Ковры-самолеты и многое другое. Все это ты увидишь позже. Но, в принципе, ты прав. Вся сегодняшняя экономика держится на вигрине. Все расы, в той или иной степени, используют вигрин для своих целей. Без него наша цивилизация просто рухнет.

– Но где вы его берете? Наверное, это сложный процесс, и вигрин стоит безумно дорого? Я заметил, что вы очень бережно обращаетесь со своей фляжкой.

Махмуддин самодовольно ухмыльнулся:

– Это наш секрет. Скажу только, что мы, джинны, умеем его добывать, а в нашей пустыне имеется достаточное количество природного сырья.

Джинн взглянул в окно:

– Ну все, Коля, мне пора на прогулку. Если хочешь, можешь присоединиться ко мне либо подождать во внутреннем дворике у бассейна.

Космонавт вспомнил вчерашний полет под палящим солнцем над однообразным песком

пустыни, подумал и выбрал второе. Но предварительно проводил хозяина до выхода, дождался, пока тот не устроился на ковре и не улетел.

Коля даже помахал ручкой вслед, но джинн его уже не видел. Сразу же после взлета Махмуддин взялся за кальян, окутался облаком дыма и не замечал ничего вокруг. Джинн курил так же сосредоточенно, как перед этим ел. «Видимо, кальян тоже не просто развлечение», – подумал Коля, но решил оставить эту тему без выяснения, а просто принять к сведению.

Время, пока продолжалась утренняя прогулка хозяина, Коля провел в чудесном внутреннем дворе. От солнца двор защищала беседка из вьющихся стеблей и листьев винограда и каких-то других растений. Космонавт в полном восторге плескался в бассейне, загорал на маленьком пяточке, куда пробивались прямые лучи солнца, нежился в тени на мягкой подстилке. Заботливый ифрит поставил возле него вазу с фруктами и кувшин

с вином. Не то чтобы землянину хотелось есть или пить, но само присутствие этих неперенных атрибутов роскошной жизни придавали происходящему дополнительный приятный оттенок.

Некоторое время Коля лежал на животе на краю бассейна и кормил кусочками персика золотых рыбок. Затем он перевернулся на спину и принялся смотреть на небо сквозь плотную листву.

– Это рай, – усмехнулся про себя Коля. – На самом деле я разбился при посадке, умер, и теперь я в раю.

Космонавт блаженно потянулся. И вдруг понял, что для полноты картины настоящего райского блаженства, как его понимают на Востоке, не хватает еще какой-то детали. Ну, конечно! Здесь же нет прелестных девственниц, красавиц гурий, которые должны его всячески ублажать!

Коля засмеялся, щелкнул пальцами и громко сказал:

– Какой же это рай. А ну, подать сюда

десяток гурий посимпатичнее! Что за безобразие, бравый российский космонавт после героической смерти вынужден коротать свое бессмертие в одиночестве!

В это время слышались тяжелые шаги. Со своим вечным невезением, Коля произнес монолог о гуриях именно в тот момент, когда вернувшийся с прогулки хозяин входил во двор.

— Гурий ему подавай, молокососу, — слышался ворчливый голос джина. — И где только слов таких неприличных нахватался. Ты, Коля, конечно, мой гость, но есть же рамки приличий. У меня солидный дворец, а не бордель на рыночной площади.

Красный, как рак, Коля вскочил с лежанки:

— Да я пошутил!

— Ну-ну, пошутил он. Дошутишься в один прекрасный день. Ты хоть имеешь представление о том, что десяток гурий с тобой сделают? Даже я, с моим животом, едва справляюсь с тремя за раз. А ведь я берегу здоровье и отправляюсь к гуриям раз в сто лет,

не чаще.

Коля решил не продолжать разговор, а нырнул в бассейн и сделал вид, что занят исключительно процессом купания. Когда он вынырнул, джинн сидел на подстилке и лопал фрукты из вазы. Ифрит уже устанавливал рядом неприменный кальян.

– Ну, вылезай! Я не сержусь. Давай, поедим фруктов и выпьем вина.

Мокрый Коля послушно вылез из бассейна, завернулся в халат и уселся напротив джинна. Тот неторопливо наполнил пиалы вином. Выпили, закусили фруктами. Стоявший за спиной джинна ифрит тут же налил по второй.

– Скажи мне, это правда, что ваша раса настолько сексуально озабочена, что вы предаетесь блуду по несколько раз в день?

Ошарашенный такой формулировкой, Коля промычал нечто невразумительное.

– Ну, хорошо. Если тебе это необходимо, то я так и быть выпишу из столицы для тебя пару гурий посимпатичнее. Хочешь?

Землянин отрицательно помотал головой.

После предупреждения джинна, сцена безудержного разгула с райскими красавицами уже не представлялась ему такой привлекательной.

– Да нет, спасибо. Как-нибудь обойдусь. Просто я подумал, что вам, наверное, скучно здесь жить одному.

По лицу джинна промелькнула неуловимая тень. Он тяжело вздохнул, но тут же взял себя в руки.

– Коля, это моя личная жизнь и тебе не следует в нее вмешиваться. Давай лучше еще выпьем.

Они выпили по второй, и Махмуддин закурил свой кальян, обдав Колю волной зловонного дыма. Никогда не кутивший космонавт закашлялся. Джинн сделал вид, что не замечает этого, и продолжал невозмутимо дымить.

Откашлявшись, Коля сказал:

– Уважаемый Мажмуддин-аглай, я вовсе не хотел доставить вам неприятности. Но у нас, наоборот, считается хорошим тоном

расспросить собеседника о его жизни и семье. Например, есть ли у вас жена, дети?

Джинн махнул рукой:

– Нет, об этом мне рано думать. Может быть, лет этак через тысячу... – он задумался, что-то подсчитал на пальцах и добавил, – а лучше, через две, я начну думать об этом. Но не сейчас. Как вспомню, сколько проблем у падишаха из-за жен и детей, то сразу понимаю, насколько удобнее жить одному.

– А не скучно, вот так?

Джинн нахмурился и тяжело вздохнул. Эта тема явно тревожила его, но он по-прежнему не хотел ее обсуждать.

– А вот ты и поможешь мне скоротать время. Погостишь у меня, расскажешь о своем мире, о космических полетах. Мы славно проведем время. Давай еще выпьем, и ты станешь рассказывать.

Махмуддин сделал знак, и слуга вновь наполнил пиалы. Вино было вкусным, но крепким. «Таким темпом я долго не продержусь», – подумал Коля, и решил

перейти к главному:

– Вот об этом мне и хотелось поговорить с вами, уважаемый. Я очень благодарен вам за гостеприимство, но мне нужно спешить. Я ведь неслучайно приземлился на вашей планете.

И космонавт подробно рассказал джинну о сигнале SOS. Джинн слушал не перебивая. Однако сочувствия Колин рассказ у джинна не вызвал. Обдав собеседника еще одной волной дыма из кальяна, джинн ответил:

И не надейся, что я тебя отпущу. Мне скучно. Погости у меня пару лет, а потом посмотрим.

Пару лет?!

Джинн кивнул:

– Это же совсем недолго.

– Но ведь там люди в беде! – отчаянно вскрикнул Коля.

– Не спеши! Если они до сих пор живы, значит, продержатся и еще. – Джинн задумчиво затянулся дымом. – Но мне что-то не верится в их существование. Я здесь, хоть и

оторван от столицы, но по-прежнему в курсе всех новостей. И я не слышал, чтобы где-то приземлялись инопланетяне. Ты – первый.

– Но моя рация постоянно принимает сигнал SOS! Надо обязательно разыскать тех, кто посылает призыв о помощи.

– Что значит «надо», и кому оно надо? – философски переспросил джинн. – Мне, например, это совершенно не нужно. И тебе, по большому счету, тоже. А нужно нам с тобой выпить еще немного вина, покушать фруктов, а потом провести время за приятной беседой.

– Но... – космонавт все еще не мог смириться с мыслью, что он оказался пленником.

– Никаких «но», Коля! – оборвал землянина джинн. Его голос неожиданно стал жестким: – Вспомни, что я спас тебя от смерти. Элементарная справедливость требует, чтобы ты расплатился за это. Я предлагаю тебе весьма приятный способ. Ты будешь жить в моем дворце на правах гостя,

кушать и гулять. Взамен я прошу тебя просто беседовать со мной или рассказывать истории. Совсем неплохая сделка.

Махмуддин помолчал и добавил:

– Особенно, если учесть альтернативный вариант, который ждет тебя за стенами этого дворца....

Коля замолчал. Джинн ненавязчиво намекнул, что в случае чего не постесняется выкинуть его умирать в пустыню. Космонавт помолчал, обдумывая свое положение, потом налил полную пиалу вина и залпом выпил.

Джинн, внимательно следивший за Колиными действиями, удовлетворенно кивнул.

– Вот и правильно. Не переживай, я обещаю тщательно соблюдать законы гостеприимства. Ты не будешь ни в чем нуждаться. Поверь, через некоторое время, ты привыкнешь и сам не захочешь уходить отсюда. Я ведь тоже не всегда жил здесь. Но теперь я привык и мне здесь нравится.

Под влиянием полученного стресса

Колины чувства заметно обострились. Он обратил внимание, что, несмотря на общий оптимистический смысл сказанных слов, джинн произнес их не слишком уверенно. Коле показалось, что джинн убеждает не столько его, сколько самого себя. «Что-то здесь нечисто, – подумал землянин, и от этой мысли ему стало легче. – Ничего, подожду немного, а там все выяснится. Похоже, Махмуддину и самому здесь не слишком нравится. А пока не стоит больше сердить хозяина. Кто его знает, рассердится и выкинет меня обратно в пустыню. Он все-таки не человек, надо с этим считаться».

Благоразумно отложив все тревожные мысли на потом, землянин еще раз приложился к пиале и принялся рассказывать джинну космические байки. Джинн оказался великолепным слушателем и Колю понесло. Он вывалил на свежие джинновы уши весь золотой фонд баек российского космофлота. Махмуддин зачарованно слушал.

Только поздно ночью джинн, наконец,

отпустил гостя. С непривычки к долгим разговорам Колино горло саднило, а сухой язык напоминал терку для овощей.

Глава 6

Трактир стоял, как и положено уважающему себя заведению подобного рода, возле большой проезжей дороги. С задней стороны он примыкал к окраине деревни. Таким образом, трактирщик обеспечивал себе клиентуру как из проезжих странников, так и за счет жителей деревни.

Впрочем, чаще в трактире собирались только местные. Путники на дороге были редкостью. Еще реже они удостаивали своим вниманием маленькую неприметную трактир, торопясь поскорее добраться до графской усадьбы. Вот и в этот вечер в зале собралась обычная компания деревенских жителей.

За одним из столов сидели двое завсегдатаев: кузнец и бондарь. трактирщик обслуживал их с подчеркнутым уважением. Они были людьми богатыми и уважаемыми в деревне – специалисты, к которым рано или поздно обращался за помощью каждый из

селян. Трактирщик всегда сажал почетных гостей за отдельный стол поближе к своей стойке, объясняя, что ему так удобнее их обслуживать. Но это была только часть правды. Истинная причина заключалась в том, что трактирщик, человек страшно любопытный, старался не пропускать ни слова из разговоров за привилегированным столом.

Вот и теперь хозяин заведения стоял у края стойки и, делая вид, будто возится с посудой, внимательно прислушивался к беседе. Друзья не виделись несколько дней, у обоих было много работы. Теперь они, наконец, смогли выбраться в трактир и всю наслаждались заслуженным отдыхом. Говорил бондарь:

— Сидит, значит, эльф под яблоней. Как обычно, глаза закрыты — то ли в нирвану ушел, а то ли просто кемарит. Тут рядом проходит гном. Ну, при нем все как положено: пояс золотой, алмазы в ушах, позади робот семенит. Подошел гном к элфу и говорит, вот ты тут валяешься без дела. Посмотри, у тебя над головой полное дерево спелых яблок Я бы на

твоем месте залез на него, нарвал яблок, отнес на базар и продал бы. На выручку купил тележку. На следующий день я бы уже продавал яблоки с тележки. А через неделю на эти деньги купил себе робота. Тот стал бы лазить за меня по деревьям, собирать и продавать яблоки. А я бы сидел под деревом и ничего не делал. Тут эльф открывает один глаз и говорит ему: «А я и так сижу, ничего не делаю!»

Друзья рассмеялись. Потом кузнец, помрачнев, сказал:

– Вот именно. Эльфам главное, чтобы вокруг тихо и спокойно было. Психополе, видите ли, у них там. Вы, говорят, живите, как хотите, только психополе не напрягайте. – Он отпил пива и продолжил. – Да вот только как тут жить «как хочешь», если их заклинание за каждым нашим шагом следит.

– Вот и хорошо, – ответил бондарь. – Зато порядок. До того как они заклинание поставили, говорят, сплошной беспредел был. Грабили, воровали. Даже, страшно сказать,

убивали друг друга. Нет, теперь куда как лучше!

Кузнец покачал головой:

— Порядок, оно, конечно, не спору. Только сдается мне, неправильно это все. Оставили бы они нас в покое, думаю, люди бы и сами со своими проблемами справились.

— Ты, это, потише с такими разговорами, — оборвал его осторожный бондарь. — Кто его знает, может быть, они за подобные слова тоже наказывают.

— Думаешь, нет у них других дел, как нашу с тобой глупую болтовню слушать? — усмехнулся кузнец.

Бондарь почесал затылок:

— Брось, говорю тебе, эти разговоры — доиграешься, — вяло сказал он кузнецу и взялся за пиво. — Не мы этот порядок устанавливали, не нам его и обсуждать. Раз так положено, значит, так и должно быть.

В это время к их столу подошел третий неопределенный член компании, зажиточный фермер Ханно. Пока друзья обменивались

положенными приветствиями, трактирщик уже принес для Ханно кружку и кувшин светлого пива. Зная вкусы своего гостя, он поставил на стол миску с солеными сухарями. Гости за привилегированным столиком были люди степенные, семейные, а значит, экономные. Ужинали они всегда дома, а в трактир приходили выпить пива и поболтать с приятелями.

Толстый фермер, не спеша, налил себе пива, сделал несколько глотков, вытер выступивший на лбу пот и откинулся на спинку стула. Он был доволен. Предстоял приятный вечер в компании друзей, которых он не видел несколько вечеров.

— Давненько же я вас не видел, друзья, — сказал он.

Кузнец и бондарь стали рассказывать про свои дела. Затем разговор перешел на другую тему.

Бондарь отставил в сторону пиво и, оживившись, заговорил:

— А я вот слышал, что в лесу разбойники

завелись. Как в старые времена. Грязные, бородатые, одеты во все оранжевое, зовут себя лесорубами.

— Ну, так может, лесорубы и есть, — рассудительно ответил ему кузнец. — Лес у нас богатый, может, граф и продал делянку-другую на выруб. Вот ребята и стараются.

— Да никакие они не лесорубы! — возразил бондарь. — Одна только видимость. А на самом деле — самые настоящие разбойники. Никого через лес не пропускают, а сначала отбирают кошельки и одежду, да еще и пугают до смерти.

Кузнец поставил на стол кружку, вытер пену с усов и недоверчиво посмотрел на бондаря:

— Глупости рассказываешь. Бабы сплетни, да ребячьи страхи. Нешто лесоруб может прохожего ограбить? Чтобы разбойничать робот нужен или машина какая, вроде нашего старосты. А них разве только топоры. Деревья ими валить, конечно, сподручно, не спорю, но ведь человек не дерево, его топором не

возьмешь. Сгорит топор, как миленький. Тут ведь что простая деревянная дубина, что стальной топор за десять золотых на заказ выкованный – все одно. Как только соберешься дать человеку по башке, тут и сгорит у тебя в руках твое оружие. Все это знают.

– Так в том то все и дело – есть у них машина, – возразил бондарь. – Специальная такая, чтобы лес рубить и в бревна укладывать. Сама работает, без человека. Как господские роботы или типа нашего старосты, только в сто раз больше и страшнее. У нее десять рук и огромные крутящиеся зубы. Она ими, говорят, дерево столетнее сгрызает. Куда там твой человек! Враз перекусит и не подавится.

– Не верится мне что-то.

– Ну, сам посуди, – втолковывал бондарь, – а как они без машины могут людей грабить? Нешто за просто так купцы им деньги отдадут? Неспроста люди говорят, наверное есть у них какая-то машина.

Кузнец в сомнении почесал макушку:

– Да где же они ее раздобудут? Нешто они дворяне, чтобы у них роботы были?

Тут в разговор вступил ранее молчавший фермер:

– Да не робот у них там, в том то и дело. Чужаки они, и машина у них чужая. Я вам сейчас все растолкую. Вы меня послушайте, я точно все знаю. Вчера вот вас не было, а я как раз сидел тут с соседом. И вот заходит в трактир купец, растрепанный, бледный как смерть. Глаза дикие, хочет что-то сказать, да не может. Пробежал через всю комнату и прямо к стойке. Трактирщик к нему обернулся, а купец его отодвинул, перелез через стойку, забился под нее и сидит, не шелохнется. Ну, мы все, естественно, столпились вокруг. Трактирщик ему говорит: «Ты, милый, чего это? Давай вылезай, садись за стол, как все хорошие люди». А тот сидит ни живой, ни мертвый, только глазами лупает. Рот открывает, а сказать ничего не может. Только рукой на дверь показывает, мол, закройте. И жалобно так стонет. Ох, и

перепуган был, прямо не жилец.

– И что? Окоchureлся он там под стойкой, купец ваш? – кузнец был по природе скептик и с трудом воспринимал новую информацию

– Типун тебе на язык. Вытащили его всем миром из-под стойки, посадили за стол, вином отпоили. Он сначала ничего не говорил, а только молча пил. Да так жадно, будто не из лесу пришел, а по пустыне среди джиннов неделю бродил. А когда винище-то в голову ударило, он и рассказал все.

– Ага, после винища всякий тебе такого расскажет! – хохотнул кузнец.

– Не перебивай, дай человеку рассказать, – одернул бондарь кузнеца. Затем обернулся к фермеру. – Так что же он рассказал, купец этот?

Да то и рассказал, что напали на него в лесу разбойники. Натравили на него страшенную машинищу, какую он в жизни не видел. Вот все, как ты говорил – огромная, с десятью руками, и зубы впереди. Вышел к нему разбойник и говорит, отдавай, мол,

деньги, а то распилим тебя сейчас пополам, погрузим обе половинки на лошадь и отправим в таком виде домой. То-то жена обрадуется. Шутил, видать, таким образом.

– А купец что?

– А что купец? Отдал деньги и бегом сюда, – закончил свой рассказ фермер.

Кузнец все еще недоверчиво качал головой. А бондарь, который и сам не очень верил собственным рассказам о десятирукой машине с крутящимися зубами, немедленно напыжился оттого, что его слова подтвердились. В своей гордости он дошел до такой степени разгула, что окликнул трактирщика и попросил принести всем сидящим с ним за столом по кружке пива за его счет. Все довольно заворчали, задвигались. Когда перед мужчинами появились полные кружки со свежим пивом, они молча взяли их, отпили и удовлетворенно рыгнули. Любимый напиток и знакомая обстановка успокоили их. Разговор вновь перешел на вечные темы. Собеседники неторопливо перебрасывались

фразами, обсуждая местные новости и сплетни.

В другом конце зала за длинным общим столом сидела менее респектабельная компания, состоящая в основном из батраков. Парни угощались сливянкой и выпили уже явно не по одной. Они разговаривали громко, лица покраснелись. Трактирщик неодобрительно косился в их сторону, но пока молчал.

Несмотря на внешние различия, разговаривали в обеих компаниях об одном и том же. Тема внезапно объявившихся разбойников тревожила всех обитателей деревни.

— Вышли, говорит, из леса черти, — рассказывал молодой холоп с черной косматой гривой волос. — Лица грязные, бородищи лопатой, а сами все с ног до головы в оранжевом. Все молчаливые, один их предводитель за всех разговаривает. Зато этот уж не молчит ни секунды. Глумливый — страсть.

– Ну и что? Ну, нарядились парни чертями и пугают прохожих в лесу, чего тут страшного?

– Да ты дослушай! Не просто так глумятся они. Машина у них есть, о как!

– Какая такая машина? Навроде старосты нашего, что ли? Так мне такой второй не надобно, нет. – встрял в разговор высокий молодой парень с лицом хорька. – Эвон, вчера целый пучок розог об меня изломал, идол железный. И как у него только рука поворачивалась. И ведь не виноват-то я был нисколько.

– Знаем, как ты не виноват. Опять, небось, соседскую сливу воровал.

– Да чтоб я, да ты чего говоришь! – неубедительно оправдывался высокий.

– Подожди, не до тебя, – остановил его кто-то из компании. – Так что, говоришь, за машина у них? – проговорил он, обращаясь к чернявому.

– Ой, страшенная! Огромная – до неба, руки, как деревья, зубищи торчат в разные

стороны. Говорят, она этими своими зубищами камни перемалывает. Что ей человек – сожрет и не подавится.

– И чо?

– Чо, чо – портки через плечо!

Останавливают эти черти оранжевые на дороге всех путников и глумятся над ними. А потом отбирают все деньги, а тех, кто сопротивляться решил, тех машина на месте и съедает.

Сидевшие за столом недоверчиво переглянулись, затем все заговорили.

– Бреешь! Да ни в жизнь не поверю, чтобы машина человека съесть могла.

Наказать – это она, конечно, может, для этого она и создана. Но чтобы машина человека убила? Не может такого быть.

– Может. Я вот слышал, что в городе есть такие машины, что самых окаянных преступников убивают.

– Это я тоже слышал. Все знают, порядок должен был. Только та машина, что в городе, работает по приговору судьи. И приговор этот

еще должны десять присяжных подтвердить. А здесь что? Нешто твои черти вправе людей судить?

Чернявый снова попытался взять инициативу в свои руки.

– Да уж не знаю, в каком они праве, а только балуют в лесу и деньги у путников как есть отнимают. Сам слышал, врать не стану.

– Это ты то не станешь врать? Да все знают, что ты первый враль на всю округу. – вызываяще выкрикнул ему высокий парень, жаловавшийся, что его вчера выпороли.

– Это кто враль, я?

– Ты, ты!

Голоса парней постепенно повышались, обстановка накалялась. Спорщики уже не сидели за столом, а стояли напротив друг друга и выкрикивали оскорбления.

– Зато я, по крайней мере, не ворую чужие сливы. Кого вчера пороли за то, что залез в чужой сад?

– Ах, ты так? Да ты просто вонючка!

– Сам вонючка! Жабий сын!

Ссора, наконец, миновала фазу словесной перепалки и подошла к точке апофеоза. Высокий неумело размахнулся и наотмашь влепил чернявому пощечину. Тот с криком вцепился обидчику в волосы.

Все как один посетители корчмы, словно по команде, пригнулись за своими столами и укрыли руками головы, зная, что сейчас неминуемо произойдет. Обоих дерущихся накрыло серо-голубое облако магического поля. Оно было округлое и абсолютно непрозрачное, как кокон какого-нибудь гигантского насекомого. Раздался негромкий треск. По поверхности кокона пробежали искры. В трактире распространился сильный запах озона. Присутствующие почувствовали, как у них шевельнулись волосы на голове, на мгновение поднялись дыбом и вернулись на место. Магическое поле, накрывшее драчунов, исчезло, открыв на всеобщее обозрения два тела, неподвижно лежащие на полу. Парни не могли двинуть ни рукой, ни ногой. Они лежали, молча уставившись в потолок и лишь

хлопали ресницами.

Сидевшие в трактире шумно перевели дыхание и разом заговорили.

– Эк их приложило!

– Давно такого не видел.

Кузнец, не спеша, отпил пиво и степенно сообщил своим собеседникам:

– Видать, здорово эльфийское заклинание сегодня злится. Надо же, ребята даже пошевелиться не могут.

Бондарь с фермером согласно закивали. Кузнец бросил в рот соленый сухарик, с хрустом разгрыз его и продолжил:

– Верьте мне, друзья, не к добру это. Вот раньше за такие дела получили бы ребята по подзатыльнику, ну, и головную боль на весь день. А тут смотри, как их отделало.

Все согласились, что не к добру. Затем сообщили друг другу, что раньше было не в пример лучше. После чего опять углубились в пиво.

Тем временем, собутыльники уже подняли валявшихся на полу незадачливых драчунов.

Их прислонили спинами к стене, и оставили сидеть на полу. К наказанным парням подошел трактирщик с двумя бумажками в руках. Он сунул по одной каждому за пазуху. Обернувшись к парням, которые так и стояли вокруг с растерянным видом, он сказал:

– Забирайте ваших друзей и сами тоже отправляйтесь по домам. На сегодня вы свое уже отгуляли.

Парни разочарованно вздохнули, но, не протестуя, подняли пострадавших с пола, подхватили под руки и потащили к выходу. Те так и не пришли в себя, но лишь качали головами и слабо мычали, пытаясь что-то сказать.

Трактирщик взял за рукав самого старшего из компании:

– Когда ваши приятели очухаются, передайте им, чтобы завтра с самого утра они отправились к старосте. Пусть тот с ними побыстрее разберется. Видишь, как оно сегодня расходилось. Видно, за что-то на нас эльфы сильно прогневались. Пусть ребята не

тянут с наказанием, а то боюсь, как бы потом всем нам худо не стало.

Парень согласно кивнул. С неуверенными, осторожными шутками и прибаутками компания вывалилась из корчмы. Трактирщик задумчиво посмотрел им вслед и вернулся за стойку. Наливая очередной кувшин пива, он пробормотал про себя:

– Неспокойные нынче времена пошли. Ох, не к добру это, не к добру.

Как бы в подтверждение его слов, дверь в трактир отворилась. В комнату вошел граф Энимор. Его, как обычно, сопровождал робот-камердинер. В отличие от своего подтянутого и чистого красавца-хозяина, робот весь вымазался в грязи и каких-то бурых пятнах. Вместо левой руки у камердинера была лишь культя, оканчивавшаяся в локтевом суставе.

За ними в трактир ввалился Брик. Он тяжело дышал и был весь в поту. Его ноги в буквальном смысле подгибались. Брик добрался до ближайшего стола и тяжело плюхнулся на табурет, не обращая внимания

на то, что его господин еще стоит.

Посетители встали из-за столов и поклонились. Энимор коротко кивнул и махнул рукой, разрешая всем садиться. Посетители также молча уселись обратно за столы, не переставая глазеть на графа. Визит господина в деревенскую трактир был сам по себе событием выдающимся, о котором теперь будут толковать много дней. При полном отсутствии других происшествий, мужики станут обсуждать каждое слово господина, каждый его жест. А уж странный вид графского слуги и, особенно, работа довел любопытство окружающих до точки кипения.

Не обращая больше внимания на своих подданных, граф прошел к стойке. Трактирщик стоял навытяжку, как солдат на параде и ел начальство глазом.

– Здравствуйте, ваша милость. Чего изволите, ваша милость?

Граф бросил на стойку золотую монету:

– Комнату и горячую ванну. Ужин подашь наверх.

Трактирщик согнулся в поклоне:

– Не извольте беспокоиться, все будет сделано.

Он выскочил из-за стойки, чтобы показать дорогу, но граф уже поднимался по лестнице. Трактирщику осталось лишь с причитаниями «сию минуту, ваша милость!» броситься за ним.

На лестничной площадке Энимор остановился и, полуобернувшись, негромко сказал:

– Брик, найди деревенского кузнеца, и чтобы к утру робот был как новенький. Разрешаю тебе поужинать и выпить пива за мой счет.

В почтительной тишине его слова были хорошо слышны во всей трактире. Снизу донесся благодарный вопль Брика:

– Да здравствует его милость, граф Энимор!

Рыцарь повернулся к трактирщику:

– А ты, милейший, проследи, чтобы этот проходимец не напился. Завтра с утра мне

понадобятся и он, и робот. – Энимор усмехнулся и добавил: – Причем, оба в работоспособном состоянии.

С этими словами граф продолжил подниматься по лестнице и скрылся из глаз.

По трактире прошел негромкий гул. Посетители вскочили со своих мест и обступили Брика. Кто-то поднес ему кружку с пивом. Брик принял угощение с достоинством, как и положено такой высокой персоне как личный оруженосец графа Энимора. Он залпом выпил примерно половину содержимого кружки. Затем поставил ее на стол и удовлетворенно перевел дух. Он заметно повеселел. Здесь в трактире, за закрытыми дверями, в зале с горящим камином, среди множества людей он чувствовал себя значительно уверенней. Голова больше не кружилась, руки не дрожали.

Брик глубоко вздохнул, обвел глазами собравшихся вокруг него посетителей, и принялся неторопливо рассказывать.

Глава 7

Следующие три дня прошли однообразно: джинн с утра улетал на свою неизменную прогулку; а Коля отправлялся в уже знакомый внутренний дворик с бассейном и плавал там до полного изнеможения, сжигая лишние калории, регулярно набираемые во время совместных трапез с хозяином дворца.

Кроме этого делать было совершенно нечего. Космонавт дважды разобрал и почистил бластер, трижды проштудировал инструкцию к аптечке. Тщательно проверил и протестировал радио. Изменений не было – сигнал SOS по-прежнему звучал на всех частотах, забивая эфир.

Вторую половину дня джинн и Коля проводили вместе. Махмуддин требовал от гостя все новых и новых рассказов. Запас баек у Коли истощился. Он перешел на описание своих собственных полетов, а к вечеру третьего дня от безысходности начал параграф

за параграфом цитировать джинну устав
летней службы.

Махмуддин воспринимал все с
одинаковым удовольствием. Казалось, ему был
важен сам факт, что перед ним сидит гость и
рассказывает что-то интересное. Джинн
невпопад кивал головой, смеялся в самых
неподходящих местах, в общем, получал
полное удовольствие. Чего нельзя сказать о
Коле.

Вечером четвертого дня ситуация
изменилась. Землянин как раз закончил
рассказывать джинну в собственном вольном
пересказе «Ромео и Джульетту». Пьяненький
джинн расчувствовался и захлюпал носом.
Глубоко затянувшись и выпустив облако
зловонного дыма, он печально произнес:

– И это еще раз доказывает, что
справедливости нет нигде во вселенной и
бессмысленно искать ее.

Коля понял, что настало время для
решительных действий.

– Уважаемый Махмуддин. Я подозреваю,

что вас гнетет большое горе. Если вы поделитесь им со мной, то, возможно, вам станет немного легче.

Джинн некоторое время задумчиво пыхтел кальяном и молчал. Наконец, он решился. Похоже, Шекспир в купе с выпитым вином подействовали на него.

Махмуддин внезапно заговорил неприсущим ему напыщенным слогом. Голос джинна стал глухим, замогильным:

– Внемли, отрок, моим словам и приготовься услышать историю, печальнее которой не было и не будет в подлунном мире. История, которую я собираюсь поведать тебе – самая удивительная и поучительная из всех, которые ты когда-нибудь мог услышать. Запомни все, чтобы рассказать своим потомкам, а те смогли рассказать своим детям. Ибо свидетельства о подобном несчастье должны сохраниться и переходить из поколения к поколению, дабы предотвратить неисчислимые бедствия, к которым могут привести необдуманные

поступки наших потомков, умы которых не отягощены знанием жизни.

Подвыпивший Коля, открыв рот, с изумлением уставился на джинна.

Тот откашлялся и, неожиданно, подмигнул:

– Все в порядке, Коля, просто традиция требует начинать все истории подобным образом. А традиции следует уважать.

Дальше джинн говорил уже нормальным голосом. История, которую он, по его выражению, собирался поведать, и в самом деле оказалась душераздирающей. Вкратце дело обстояло так.

Джинн Махмуддин не всегда скучал в одиночестве во дворце посреди пустыни. В свое время он жил в столице, где у него и по сей день имелся роскошный особняк.

Махмуддин принадлежал к старинной знатной семье. Он служил при дворе падишаха и являлся одним из наиболее влиятельных придворных. А также одним из богатейших.

Должность, которую занимал при дворе

Махмуддин, была уникальной, и не имела аналогов в земной истории. В его обязанности входило покупать для падишаха технические новинки, производимые гномами.

Так сложилось исторически, что гномы поставляли во дворец падишаха свои механические игрушки. В прежние времена это были простые механические поделки: поющие золотые соловьи; крошечные фигурки танцовщиц, которые танцевали под это пение; кубки для вина, в которых вино оставалось холодным и свежим в самую сильную жару; и многое другое.

Однако в последние годы (здесь следует учесть, что для долгоживущего джинна этот термин имеет слишком расплывчатое значение) прогресс шел семимильными шагами. Теперь у гномов развитая промышленность. Они производят множество действительно полезных и необходимых вещей. Достаточно вспомнить их средства для разговоров на расстоянии или агрегаты для хранения пищи в замороженном виде.

В обязанности Махмуддина как раз и входило изучать все изобретенные гномами новинки. Он отбирал среди них то, что, по его мнению, могло пригодиться в дворцовом хозяйстве или лично падишаху. Он закупал эти предметы и представлял их владыке. Простенькие махинации с накладными позволяли Махмуддину получать свою долю с каждой такой покупки. Поставщиков гномов он также не обижал. В итоге все оставались довольны, дней не хватало и жизнь была полна смысла.

Все изменилось после того, как гномы предложили Махмуддину кулон-переводчик, такой же, который Махмуддин носил на шее. Джинн с самого начала засомневался в необходимости иметь во дворце подобную игрушку. При дворе имелось достаточное количество профессиональных толмачей, которые прекрасно справлялись со своими обязанностями. К тому же никому не захочется, чтобы тебя мог подслушать каждый встречный гном.

Однако кулоны уже существовали, и все гномы при дворе уже носили их, а следовательно могли понимать джиннов без переводчиков. Необходимо было срочно закупить партию таких кулонов, хотя бы для того, чтобы уравнивать шансы. К тому же условия, которые предложил поставщик, выглядели слишком заманчиво. Скрепя сердце, полный нехороших предчувствий, джинн согласился на закупку пробной партии товара.

Падишах был в восторге. Он тут же роздал кулоны всем придворным с приказом носить не снимая. Испытание новинки назначили на вечер. В это время как раз должно было состояться вручение верительных грамот нового посла гномов при дворе падишаха.

Церемония прошла как по маслу. После того, как отпала необходимость переводить каждую фразу, что толмачи делали медленно и торжественно, процедура ко всеобщему удовольствию прошла быстро и по-домашнему. Довольные придворные

устремились к накрытым столам. Через полчаса знатные джинны и гномы из свиты посла уже болтали как старые знакомые, наслаждаясь возможностью общения без переводчиков.

Махмуддин сиял. Он дважды поймал на себе благосклонный взгляд падишаха и уже строил планы собственного возвышения. Все шло как нельзя лучше.

Через час с холодными закусками было покончено и присутствующие были готовы приступить непосредственно к ужину. Открылись двери, в обеденный зал стали вносить и ввозить горячие блюда. За слугами в зал вошли джиннессы, чтобы прислуживать гостям. За спиной у женатых джиннов встали их жены; холостякам падишах, как обычно, выделил своих жен из числа свободных в тот вечер.

Гномам из свиты, конечно, джиннесс не полагалось, но для посла было сделано исключение. В знак уважения, в тот вечер ему прислуживала любимая жена падишаха.

Именно тогда и произошло событие, круто изменившее жизнь Махмуддина и едва не стоившее ему головы. В этом месте рассказа джинн сделал небольшое отступление, чтобы рассказать Коле об особенностях отношений полов у двух дружественных рас.

Женщины джиннов – благородные джиннессы, конечно, а не беднота, которая вообще не заслуживает упоминания – получают хорошее образование. Они рано выходят замуж и живут у мужей в роскошных гаремах. За их воспитанием следят с раннего детства, и они отлично знают все тонкости этикета и приличного обращения. Благородные джиннессы справедливо славятся во всем мире своим безупречным вкусом и изысканностью манер.

У гномов ситуация обратная. Гномихи раза в полтора выше и крепче своих мужчин. Зато их умственное развитие оставляет желать лучшего. Гномы используют своих женщин на самых тяжелых работах, не требующих сообразительности. Обычно они берут

вагонетки или чинят рельсовые пути. Если в шахте вам встретится чересчур высокий гном в оранжевом жилете и ломом на плече, знайте – это и есть гномья женщина.

Жизнь гномихи проходит под знаком «трех В». Это: Вагонетка, Варенье и Воспитание детей. Гномихи просты и непосредственны в общении. Кроме того, они безумно сексуальны. Самым приятным для гномихи может стать предложение соседа «перепихнуться по-быстрому», пока ее муж находится в забое.

Мужчины гномы также весьма любвеобильны. Кроме того, неистребимое самомнение этих существ распространяется и на их мнение о собственной сексуальной привлекательности. Они считают себя неотразимыми красавцами и всегда готовы облагодетельствовать любую женщину любой расы, оказавшуюся в поле зрения.

Джинн не стал далее вдаваться в подробности половой жизни гномов, или обсуждать их нравственную сторону. Он

рассказал об этом лишь для того, чтобы Коля смог правильно оценить происшедшее на приеме в тот вечер.

Итак, любимая жена падишаха подошла к послу и подала ему первое блюдо. Гном, не ожидавший появления такой красавицы, буквально оторопел. Он собрал все свои знания этикета и выдал самый изысканный комплимент, на который был способен: «Мадам, вы прекрасны! Позвольте вам впендюрить!».

Разговоры в зале прекратились. Громко звякнули выпавшие из рук ножи и вилки, и в зале воцарилась мертвенная тишина. Гном попытался продолжать разговор и назначить прелестному созданию свидание после ужина, но внезапно обнаружил, что обращается к пустому месту. Бледная джиннесса лежала на полу в глубоком обмороке.

Если бы в зале, как прежде, присутствовали толмачи, они бы никогда не допустили подобной ситуации. Известно, что толмачи переводят не столько сами слова,

сколько смысл сказанного. При посредничестве опытного толмача слова гнома превратились бы в пустой цветистый комплимент, которые сотнями произносят на подобных приемах.

— Оглядываясь назад, — сказал джинн, — я думаю, сколько подобных непотребных похабностей гномы уже наговорили нашим женщинам, и лишь искусство толмачей предотвращало резню, а то и глобальную войну между джиннами и гномами.

Кулоны-переводчики, имевшиеся у всех присутствующих, не вдавались в такие тонкости перевода. Они были синхронистами, и переводили быстро и точно. Поэтому предложение гнома «впендюрить» любимой жене падишаха прозвучало в ушах присутствующих во всей своей первозданной красе.

Что произошло дальше Махмуддин уже не видел. В поднявшейся суматохе он незаметно выскользнул из дворца и бросился домой. Там он достал свой самый быстрый ковер-самолет

и уже через пять минут, в сопровождении ифрита-дворецкого, на крейсерской скорости удалялся в пустыню. По дороге джинн скормил коври все запасы вигрина, которые нашел в доме, вдребезги истрепал его кисти, но сумел оторваться от погони, высланной падишахом.

В себя Махмуддин пришел, лишь когда за ним захлопнулись ворота загородного дворца. Здесь погоня оказалась бессильна. Покружив немного над домом-крепостью, солдаты сбросили на крышу бочку с нечистотами и удалились.

Несколько дней джинн сидел, запершись, с минуту на минуту ожидая штурма дворца. Время шло, войско не появлялось. Наконец, падишах известил Махмуддина, что в наказание за проступок назначает ему бессрочную ссылку в пустыню без права возвращения в город.

Это было очень мягкое наказание, и первое время джинн был счастлив, что так легко отделался. Однако со временем ссылка стала

тяготить его. К моменту появления Коли он совсем раскис.

Джинн закончил рассказ и разлил вино в пиалы. Собеседники молча выпили.

– Да, – сказал Коля, – ваша история ужасна. Но, давайте искать во всем хорошую сторону. Вы живете здесь, пусть и в изоляции, но все же в собственном комфортабельном дворце со слугами и регулярным питанием. Боюсь, что в запечатанной бутылке на дне моря вам было бы значительно хуже.

Несмотря на смуглую кожу, лицо джинна стало абсолютно белым:

– Откуда ты знаешь об этой мерзости? – прохрипел он.

– Да так, – пожал плечами Коля. – Читал в сказках.

– Какие у вас, однако, жестокие сказки!

Коля задумался. А ведь и правда! Все мы, читая сказки, завидовали счастливчикам, нашедшим бутылку с джинном, и мечтали о том, как бы сами распорядились неожиданно привалившим счастьем. И ведь никому в

голову не приходило пожалеть самого джинна, тысячу лет просидевшего в заточении. Даже на миг мы не задумывались об ужасной участи несчастных пленников.

Коля проникся сочувствием к джинну, как будто тот и вправду уже сидел в бутылке. Скупая мужская слеза навернулась на глаза отважного, но не в меру сентиментального космонавта. Он посмотрел на кувшин с вином, прикидывая, как бы в нем мог разместиться Махмуддин.

Джинн истолковал Колин взгляд по-своему. Он вновь наполнил пиалы, и Коля с удовольствием выпил. Раскрепощенное алкоголем подсознание внезапно выдало решение.

— Я, кажется, знаю, как спасти вас! — заплетающимся языком сказал он. — Только вы мне не мешайте.

На непослушных ногах землянин поднялся с ковра и побрел к себе в комнату. Он знал, что это невозможно, тем не менее что-то внутри него уверяло, что все будет хорошо. С

трудом Коля добрался до своей комнаты, расстегнул боковой карман комбинезона и достал оттуда игровую приставку. Ту самую, которой развлекался во время полета.

– Вот он, мой пиджачок, висит, – пробормотал он фразу из старого фильма, который российское телевидение вот уже который век упорно показывало в канун Нового года, и пьяно икнул. Затем налил в тазик для умывания холодную воду и несколько минут держал там голову.

В столовую Коля вернулся уже почти трезвый. Он улыбался во весь рот:

– Вот! – закричал он от двери. – Эта штука вернет вам расположение падишаха.

– Коля, Коля, грешно смеяться над старым джинном. Что может сделать эта маленькая коробочка? Лучше садись и выпей со мной.

– Сейчас объясню, – Коля от нетерпения не мог сидеть и расхаживал взад и вперед по комнате. Джинн лишь крутил головой в безуспешных попытках не упускать его из вида.

Стараясь говорить как можно понятнее, Коля объяснил джинну принцип игрушки и как ей пользоваться. Затем, тщательно проинструктировав, уговорил хозяина попробовать.

В течение следующего часа Коля наблюдал, как почтенный джинн молотил кулаками в воздухе, проходя вступительный уровень, где надо было захватить танк в рукопашном сражении. Затем еще полчаса Махмуддин нажимал на невидимые рычаги и педали в завоеванном транспортном средстве.

Наконец, Коля не выдержал и отобрал приставку. Джинн выглядел совершенно ошарашенным.

— Никогда не видел ничего подобного, — признался он. — Принципиально новый подход. Гномы до такого не додумались.

— И не додумаются, не та ментальность. Это вам не чужих жен тискать. Но дело даже не в этом. Как вы думаете, как отреагирует падишах, если вы подарите ему эту штуку? Учтите, это единственный экземпляр во всем

вашем мире!

Только теперь джинн осознал всю важность происходящего:

— Коля, ты и в самом деле спасаешь меня. Если я смогу преподнести эту штуковину его величеству, после соответствующих извинений и объяснений, конечно, то могу рассчитывать на полное прощение, и, возможно, верну свою должность. —

Махмуддин мечтательно закатил глаза. — Единственная в мире, никому еще не известная игра, и я преподнесу ее падишаху в подарок. Да, это спасение!

Джинн схватил кальян и запыхтел. Постепенно радость, охватившая было его, сменилась глубокой задумчивостью. Он с подозрением посмотрел на Колю:

— А почему ты решил помочь мне?

Коля пожал плечами:

— Но ведь это естественно. Я ваш гость, вы с добром отнеслись ко мне. И мне захотелось помочь вам, отплатить добром за добро.

Голос джинна внезапно стал жестким, как

у председателя корпорации, когда он объявляет о предстоящем сокращении персонала:

– Коля, давай называть вещи своими именами. Ты не гость, ты – мой пленник. И я не понимаю, почему пленник может захотеть сделать добро своему тюремщику.

– А просто в добрые поступки вы не верите?

– Нет. В этой жизни каждый стремится урвать что-то для себя. Если ты сейчас же не объяснишь мне истинную причину твоего поступка, я буду считать, что где-то скрыт подвох. Пока я все не выясню, я не приму от тебя этот подарок. – Джинн положил игровую приставку на ковер, и демонстративно отодвинул от себя.

Коля в замешательстве потер переносицу. «Ну, хорошо, будем играть по вашим правилам», – решил он:

– Ладно, я открою истинную причину своего поступка. Я предлагаю вам сделку.

При слове сделка джинн воспрянул духом,

и стал похож на борзую, верхним нюхом уловившую запах дичи.

– Я дарю вам аппарат, а за это вы везете меня в столицу. Далее, когда вы уладите свои дела во дворце, то поможете мне отыскать моих соотечественников, посылающих сигнал SOS. Такой расклад вас устраивает?

Джинн удовлетворенно кивнул головой и задумался, что-то прикидывая и считая на пальцах.

– Хорошо. В город я тебя возьму с собой в любом случае. Ты будешь развлекать меня в дороге.

– Но... – начал было Коля.

– Не перебивай. Я составляю окончательный вариант договора.

Махмуддин уже полностью протрезвел. Магические слова «сделка», «договор» сделали свое дело. Джинн был собран и готов к сражению за собственные интересы.

– Итак. Сейчас ты передашь мне свою игрушку, и завтра же мы отправимся в столицу. Однако ты останешься моим

пленником до тех пор, пока падишах полностью не простит меня и не вернет мне прежнюю должность. Когда это случится, я освобожу тебя. Вот такой договор я тебе предлагаю. Если согласен, то пожмем руки и выпьем вина.

Колин мозг работал в самом напряженном режиме. Он сразу понял, что коварный джинн не может просто так согласиться с его предложением и готовит ловушку.

– Вы забыли последний пункт. Когда вы уладите свои дела при дворе, вы доставите меня к месту крушения моих соотечественников. На таких условиях я готов заключить сделку.

Махмуддин внимательно посмотрел на Колю:

– Ты торгуешься! – то ли с удивлением, то ли с восхищением сказал джинн.

– Да поймите, там люди ждут помощи!

– Хорошо. Включим и этот пункт.

Не успел Коля облегченно вздохнуть, как джинн продолжил:

– Но, в измененном виде. Твоя спасательная экспедиция может занять много времени. А когда я снова вступлю в должность, мне придется все время находиться при дворе. Я не могу опять злить падишаха долгим отсутствием.

– Но так я не согласен!

– Не торопись. Всегда можно найти компромисс. Я дам тебе хороший ковер-самолет, припасы в дорогу и все необходимое. Ты найдешь своих друзей и без моей помощи.

Коля задумался. Предложение выглядело справедливым. Придется рискнуть.

– Хорошо, – сказал он. – Я согласен. Когда вылетаем?

Рукопожатие было совершено, договор подписан. Его заключение, согласно обычаю, скрепили пиалой лучшего вина. Потом компаньоны выпили еще немного, и еще совсем чуть-чуть. Порядком захмелевший Коля вернулся в свою комнату и провалился в глубокий сон.

На следующий день после завтрака джинн

не отправился на прогулку. Вместо этого он повернулся к Коле и торжественным голосом объявил:

– Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Они поднялись и по длинному извилистому коридору прошли в маленькую, строго обставленную комнату. Первым, что бросалось в глаза, был огромный портрет, висевший прямо напротив входа. На нем был изображен непомерно толстый джинн в богатой одежде, буквально обсыпанной золотыми украшениями и драгоценными камнями. Надменное лицо выражало непомерное презрение к окружающим и непоколебимую уверенность в собственной исключительности. Художник намеренно сместил угол зрения, и лицо с портрета смотрело на зрителя сверху вниз, что придавало фигуре еще большую внушительность.

Мебель в комнате отсутствовала, за исключением небольшого столика, или скорее тумбочки, располагавшейся прямо по центру

помещения. На тумбочке стоял черный телефон, с круглым вращающимся наборным диском.

— Он сделан из цельного куска драгоценного черного мрамора, — с гордостью пояснил Махмуддин. — Прямая связь с дворцом.

Коля вспомнил картинку из книжки, которую очень любил в детстве. На ней был изображен мальчик в белой рубашке с пионерским галстуком и бородатый старик в халате и шлепанцах с загнутыми носами. Оба внимательно рассматривали стоявший перед ними телефон, точно такой же, как и этот.

Коля потряс головой и вернулся к действительности. А джинн тем временем продолжал:

— Сейчас я буду говорить с падишахом. Это, конечно, очень рискованно. Пока ты спал, я уже пообщался с нужными джиннами из свиты. Утром я еще раз уточнил. Падишах в хорошем настроении. Так что я рискну.

Джинн тяжело вздохнул. Видно было, что

решение далось ему с трудом. Только сейчас Коля обратил внимание, что лицо Махмуддина осунулось, насколько это было возможно при его комплекции, конечно. Под глазами были темные круги – джинн явно не спал предыдущую ночь.

– Ну все, Коля. Ты иди, погуляй, осмотри дворец. Я приказал, чтобы тебя никто не останавливал.

Землянин вышел и прикрыл за собой дверь. Однако далеко не ушел – ему было интересно, как Мамуддин станет разговаривать по этому телефону. Очень скоро до Коли донеслись пронзительные вопли джинна. Что именно тот кричал, Коля, конечно же, не понял, но тон у криков был настолько жалобный, что космонавт забеспокоился. "Кто их знает, эти местные телефоны, – подумал он, – вдруг там что-то закоротило, и его бьет током. Надо, пожалуй, заглянуть, может, понадобится моя помощь".

Коля неслышно приоткрыл дверь, и осторожно заглянул внутрь. Джинн, с

телефонной трубкой в руках, стоял на коленях перед портретом падишаха и жалобно завывал, не сводя глаз с портрета. При этом он пытался биться головой об пол. Монументальный живот джинна играл роль подушки безопасности, не позволяя голове дотянуться до пола, и она беспомощно болталась в воздухе.

Коля прикрыл дверь и поспешил отправиться на экскурсию по дворцу. Дворец оказался слишком большим и чересчур роскошным. Через полчаса, когда Коля уже чувствовал неодолимое отвращение к мрамору и позолоченным лепным украшениям, он неожиданно вышел на темную лестницу, полностью лишенную обычных украшений. Спустившись по узким крутым ступеням, он попал во двор.

Это был не тот чудесный внутренний дворик с бассейном, где они вчера пили с джинном. Коля очутился в хозяйственном дворе, который обычно не показывают гостям, но без которого не может существовать ни

один дворец.

Во дворе царила обычная для подобных мест суматоха. По утрамбованной и тщательно выметенной земле деловито сновали ифриты. Кто-то нес огромные тюки, другие разгружали странные телеги на двух высоких, в рост человека, деревянных колесах. Отчаянно блеял баран, которого волокли на кухню. Оттуда тянуло дымком и доносились заманчивые ароматы. Рядом с кухней находились бесчисленные кладовые. В дальнем углу расположилось другое здание. Судя по доносившимся оттуда звукам и запахам, это были хлев и курятник.

Коля вышел на середину двора и огляделся. Его внимание привлекла высокая стена. В стене были прорублены крепкие, обитые железом ворота; к ним вела широкая утоптанная дорожка, уходящая другим концом куда-то в дворцовые подземелья.

Коля пошел по дорожке и, никем не остановленный, вошел в ворота. Как оказалось, из хозяйственного двора была

видна лишь часть стены. На самом деле она тянулась в обе стороны на солидное расстояние, а затем смыкалась где-то далеко впереди. По всей стене на равном расстоянии были установлены сторожевые вышки, и на каждой стоял ифрит в полном боевом облачении. На Колю они не обратили никакого внимания. Лишь на ближайшей ифрит неодобрительно взглянул на непрошеного посетителя. Стражник издал непонятный звук – то ли поздоровался, то ли просто рыгнул – и демонстративно отвернулся.

Коля пошел дальше, удивленно осматриваясь. Большую часть огороженной территории занимало огромное, явно рукотворное озеро, заполненное красной жидкостью. Присмотревшись, Коля заметил, что озеро разделено перемычками на несколько десятков изолированных друг от друга частей. Заметил он и другое – жидкость в каждом из этих искусственных заливов имела свой оттенок: от бледно-розового до

насыщенного темно-вишневого. Уровень жидкости в заливах также различался: чем она была темнее, тем меньше ее находилось в заливе.

Рядом с озером стояла невысокая вышка с коромыслом-качалкой. Двое обнаженных по пояс ифритов налегали на рычаги огромного насоса. Третий, не такой волосатый и страшный, одетый в поношенный халат, что-то им командовал. Из насоса в деревянный желоб толчками выплескивалась бледно розовая жидкость. Этот желоб соединялся со сложной системой таких же желобов, которая опоясывала все озеро.

Коля присмотрелся. Открывая и закрывая заслонки в шлюзах, можно было направить поток розовой жидкости в любой из заливчиков. В настоящее время, жидкости приходилось предпринимать путешествие по довольно запутанному и длинному маршруту. В конечном счете, она вливалась в дальний от Коли залив.

Не торопясь, землянин обошел все озеро.

Он уже понял, что перед ним не что иное, как комплекс по промышленной добыче вигрина. Судя по всему, дворец стоял прямо над поземной пещерой с запасами раствора природного вигрина. Насос-качалка выкачивает через скважину розовую воду и направляет ее в озеро, которое представляет собой огромную выпаривающую установку.

Технология была проста и одновременно очень эффективна. Учитывая даровую энергию солнца, у джинна нет необходимости в дополнительном оборудовании. Розовую воду просто наливают в емкость, и оставляют под палящими лучами солнца. Вигрин тяжелее и плотнее воды. По мере того, как вода испаряется, концентрация вигрина в растворе растет, и, в идеале, можно получить чистый препарат, без примеси воды.

Процесс выпаривания долгий. Поэтому озеро разделили перемычками. После того, как один из заливчиков заполняется розовой водой, поток жидкости из насоса направляют в следующий, а жидкость оставляют

выпариваться. Таким образом, десяток заливчиков обеспечивает бесперебойный цикл производства. К тому времени, как все отсеки озера заполнятся, в самом первом уже будет готовый выпаренный вигрин. Остается лишь собрать его и заполнить залив свежим сырьем.

И в самом деле, у одного из заливов с самой темной жидкостью два ифрита ручным насосом перекачивали ее в стоявшую рядом огромную бочку.

Коля вернулся к воротам и вышел во двор. Там он увидел джинна, стоявшего на крыльце и отдающего какие-то распоряжения. В присутствии хозяина, суматоха во дворе достигла апогея. Ифриты бегали как сумасшедшие, с бледными, напряженными лицами. Каждый старался выказать максимум усердия. Даже куры в курятнике, казалось, закудахтали громче.

Джинн повернулся к Коле.

– А, вот ты где! Собирайся, через час мы вылетаем в столицу.

Лицо джинна сияло восторгом, в голосе

слышалось нетерпение. Он снова повернулся к слугам и принялся орать с удвоенной энергией.

Глава 8

Как водится в подобных случаях, через час они не вылетели. В конце концов, под истерические крики Махмуддина и дикую суматоху в главном дворе дворца разложили два ковра-самолета и загрузили их припасами. В середине дня джинн с Колей отправились в путешествие.

Ковер, на котором они сейчас летели, был не похож на ранее виденные Колей. Они различались, как пульмановский спальный вагон и открытый спортивный кабриолет.

Этот ковер был размером с волейбольную площадку. На носу восседал сам Махмуддин с неизменным кальяном. Перед ним находилось нечто вроде пульта управления. Слева в

воздухе висел столбик темно-красной жидкости. Коля уже знал, что это указатель запасов топлива – все того же бесценного вигрина, добытого из подземных озер оазиса. Справа от джинна дрожала в воздухе полупрозрачная карта, по которой ползла тонкая зеленая линия, показывающая пройденный путь. Линия потихоньку удлинялась: незаметно, но неумолимо, как двигается минутная стрелка на часах.

Какие-нибудь специальные органы управления, вроде привычных Коле рычагов и кнопок, отсутствовали напрочь. Махмуддин лишь периодически что-то бормотал, да производил какие-то непонятные пассы руками. Ковер моментально слушался.

Сам полет трансконтинентального ковра также отличался от перемещений маленьких ковриков. Он не следовал рельефу местности, как тот, на котором Коля прилетел во дворец. После того, как джинн уселся на капитанское место и проделал замысловатые манипуляции, ковер поднялся на высоту метров в сто и

пошел вперед по прямой, постепенно наращивая скорость.

Кроме четырех огромных угловых кистей, имевших, по-видимому, непосредственное отношение к аэродинамике полета, вдоль всех бортов имелся ряд небольших жестких кисточек. Перед тем, как ковер стартовал с земли, они разом поднялись вверх, организовав невысокий, но вполне надежный барьер по краям площадки.

Коля собрал несколько подушек, в изобилии разбросанных по всему ковра, прислонил их к этому бордюрику и устроил себе вполне приличное лежбище. Потом, оценив обстановку, он передвинул всю конструкцию вдоль борта так, чтобы встречный ветер относил в сторону клубы смрадного дыма из джиннова кальяна. После этого жизнь стала совсем замечательной. Коля удобно возлежал на мягких подушках и посматривал то вперед, на сосредоточенно дымящего Махмуддина, то вниз, на однообразный пустынный пейзаж.

На корме валялась куча тюков, разномастных сундуков и каких-то кульков, свертков и пакетов. Это, по словам Махмуддина, были вещи первой необходимости, которые следовало держать при себе во время перелета. Остальной багаж следовал за джином на втором, грузовом ковре. Он был таких же циклопических размеров, но отделан значительно проще, и летел не так безупречно ровно, как пульман джина. Кроме бесконечных тюков и сундуков на грузовом ковре возвышались две огромные бочки с вигрином. Первая целиком предназначалась падишаху. Вторая должна была покрыть издержки переезда, обустройство в городе после длительного отсутствия и, главное, обеспечить восстановление былого положения Махмуддина во дворце. Проще говоря, вигрин из этой бочки вскоре уйдет на бесчисленные подарки и взятки.

Бесценный груз охраняли близнецы-ифриты, с которыми Коля познакомился у

ворот дворца. Стражи коротали время за игрой в кости. Денег у них не было, поэтому рассчитывались незатейливо – щелбанами. Ифриту со сломанным клыком не везло. На его лбу уже разливался фиолетовым свечением здоровенный синяк, видимый даже Коле с его ковра. Второй ифрит не проявлял к страдальцу никакого сочувствия. После очередного выигрыша он лишь мерзко хихикал и продолжал долбить приятеля по лбу.

Дворецкого с бритым носом Махмуддин-аглай взял на свой ковер. Место ифриту было отведено на самой корме, среди багажа. Сразу после старта ифрит, покопавшись в тюках, разложил в углу кухонные принадлежности и занялся готовкой.

Свои обязанности стюарда он выполнял безукоризненно. Через час после отлета он уже сервировал обед, который ни по количеству блюд, ни по их качеству не уступал обычному, подаваемому во дворце.

Отобедав, джинн вновь устроился с кальяном на своем капитанском мостике.

Коля примостился рядом:

– Уважаемый Махмуддин, – начал он. – Вы упоминали, что вашу планету населяют четыре расы. Расскажите мне о них.

Джинн попыхтел кальяном:

– Коля, вообще-то считается, что это ты должен мне рассказывать, а не я тебе.

– Да, конечно, уважаемый, и я всегда готов. Но скоро мы прилетим в город, а я совсем не ориентируюсь в вашем мире. Как бы нам обоим не нарваться на неприятности из-за моего невежества.

Похоже, Коля нашел верный способ общения со своим хозяином. Такая постановка вопроса джинну понравилась.

– Хитрец, – усмехнулся Махмуддин. – Ладно, небольшая лекция и в самом деле не помешает. Слушай.

Самая древняя раса на нашей планете – это эльфы. Они первыми научились использовать внутреннюю энергию вещества. Но они пошли другим путем – черпают силу из растений: деревьев, цветов и трав. Как они это делают

никому не известно. Эльфы тщательно оберегают свои секреты. Но, думаю, в любом случае, это недоступно другим. Тут важны какие-то особенности эльфов, которых лишены остальные обитатели планеты.

Эльфы наиболее сильно отличаются от остальных рас. Они живут на севере, в своих лесах. Хотя какие это леса! Самые настоящие города, или вернее поместья, потому что эльфов довольно мало и живут они порознь. Эльфы – философы. Они заняты постижением окружающего мира и самосовершенствованием.

Гномы, наоборот, живут большими общинами. В основном они простые грубые парни, работяги. Но есть среди них и ученые. Они занимаются преимущественно прикладными исследованиями. Именно ученые гномы и создают все новинки, которые потом производятся в гномьих мастерских.

В своих горах гномы добывают кристаллы твердого вигрина. Кристаллический вигрин крайне неактивен, с ним тяжело работать,

хотя в нем и скрыты большие возможности. Самые большие и красивые кристаллы вправляют в серебрянные и золотые кольца. Их охотно покупают – есть поверье, что такое кольцо приносит удачу и охраняет своего владельца от бед.

«Хитрец меня забалтывает», – подумал Коля.

– Это очень интересно, – сказал он, – но вряд ли пригодится мне в городе. Прежде всего, я хотел бы узнать о вашей расе, уважаемый Махмуддин.

Джинн с усмешкой взглянул на Колю:

– Или я рассказываю все по порядку, или можешь отправляться на кухню помогать дворецкому.

– Э-э, – смутился Коля. – Пожалуйста, рассказывайте, как вам удобнее. Не обращайтесь внимания, я ведь всего-навсего невежественный пришелец.

Джинн рассмеялся:

– Ну, Коля, думаю, что тебя уже можно представлять самому падишаху. – Он покачал

головой. — Надо же, всего за несколько дней неотесанный солдафон превратился в изысканного собеседника.

Махмуддин одобрительно оглядел Колю и продолжил:

— Сейчас доберемся и до джиннов. Видишь ли, история нашего народа полна печали и унижений. Джиннам не так повезло, как эльфам или гномам. До того, как на принадлежащих нам землях нашли розовую воду, джинны были жалкой забитой расой. Не поверишь, были времена, когда мои предки жили как люди!

Произнося последнюю фразу, джинн явно имел в виду, что жили они хуже некуда.

Нас эксплуатировали и гномы, и эльфы, и даже отдельные люди. Представляешь, какой стыд! — сказал джинн и опять взглянул на Колю, ища в его глазах сочувствия.

Не нашел, пожал плечами, дескать, ничего ты еще не понял в нашей жизни, и продолжил:

— У джиннов развита природная способность к левитации. Вот их и нанимали в

качестве грузчиков или носильщиков — принести или унести что-нибудь. Нам ведь все равно, весит предмет один килограмм или сотню тонн. Кроме того, благодаря этому умению, мы можем очень хорошо и быстро строить.

Жизнь в пустыне тяжелая, и джиннам приходилось браться за любую работу на самых тяжких, почти рабских условиях. Мы строили дворцы, а потом еще и таскали их вслед за хозяевами. Кроме этого приходилось выполнять самые разнообразные, порой унижительные поручения. Вплоть до кражи коней из царских конюшен и принцесс из дворцов.

Все изменилось, когда в нашей пустыне мы обнаружили подземные озера розовой воды. Когда джинны научились добывать вигрин, у них отпала необходимость работать на другие расы. В одно прекрасное утро все построенные нами дворцы растаяли в воздухе. Джинны вернулись обратно в пустыню и построили города и дворцы, в которых теперь

живут сами.

Мы добываем вигрин и продаем его всем остальным. Роскошь, которую ты видел у меня во дворце, своим происхождением обязана нашим скважинам и запасам розовой воды. Теперь не эльфы и не гномы, а мы, джинны, диктуем миру свои условия!

Махмуддин гордо посмотрел на Колю, выискивая на его лице признаки восхищения и уважения.

Коля старательно их изобразил:

– Спасибо, я все понял. Но вы не рассказали о четвертой расе, о людях.

Джинн нахмурился:

– Люди! – пробормотал он. – Самая молодая и неразвитая раса. Они находятся в полудиком состоянии. Ни магии, ни науки, ни денег. Годятся лишь для того, чтобы снабжать нас продовольствием.

Увидев вытянувшееся Колино лицо, джинн поправился:

– Нет, ты не думай, они вовсе не дикари. До вашего уровня им, конечно, далеко, но они

живут в городах, у них вполне цивилизованное общество. Они знакомы с элементарными науками. Мы с ними торгуем и всячески помогаем развиваться. Особенно серьезно этим занимаются эльфы. Их этические нормы настолько высоки, что они не могут допустить страданий других живых существ. Эльфы заботливо опекают людей, и скоро, я думаю, люди смогут подняться до уровня полноценных партнеров среди рас нашего мира.

Коля скомкано поблагодарил джинна и отошел к своей лежанке. Как любой россиянин, он умел видеть сквозь узоры расплывчатых, политкорректных фраз.

Итак, статус людей в этом мире крайне низок, и это следует учитывать там, в столице. Во все времена, во всех мирах жители столиц с пренебрежением относятся к приезжим. Неважно откуда ты приехал – в их городе ты всего лишь провинциал, не заслуживающий уважения. А он ко всему еще и человек, то есть, самый презируемый сорт.

– Как все неудачно складывается, – подумал Коля. – Теперь вся надежда на джинна.

На ночь путники не стали останавливаться. У руля встал ифрит, а джинн с Колей уснули прямо посередине ковра. Землянин постарался устроиться с наветренной стороны от джинна, который перед сном решил снова покурить свой кальян.

Рано утром на горизонте путники увидели столицу. Город стремительно надвигался. Уставший ковер, почувствовав конец путешествия, напрягал все силы. Через полчаса он опустился перед городскими воротами.

Полеты над городом категорически запрещены, – пояснил джинн Коле. – Дальше пойдем пешком.

Махмуддин посопел и достал из-за пазухи кулон-переводчик, точно такой же, как и его собственный.

Надень его и носи не снимая. Теперь ты сможешь понимать всех окружающих и

разговаривать с ними.

О, уважаемый! Твоя щедрость... — начал было Коля хорошо усвоенные слова благодарности.

Но джинн перебил его:

Поблаговаришь вечером. Это — часть нашей сделки. Надо же тебе как-то общаться с окружающим миром. — Махмуддин посопел еще немного, было видно, что ему очень не хочется расставаться с дорогой вещью.

Не беспокойтесь, Махмуддин. Когда я буду улетать отсюда, я верну ее вам обратно.

Чело джинна просветлело.

Ну, это когда еще будет, — пробормотал он. Но было видно, что джинн остался доволен Колиным обещанием. Джинн критически оглядел Колю с ног до головы, чтобы убедиться что тот не компрометирует его знатную личность. Осмотром остался доволен.

Теперь им предстояло пройти сквозь ворота. Они уже были открыты. По краям стояли бдительные ифриты. Они без труда определили высокий статус Махмуддина и не

стали ничего выяснять, а сразу проводили его в караульное помещение. Джинн пробыл там довольно долго.

В это время оба джинновых ифрита под руководством бритоносого разгрузили первый ковер и принялись его собирать. Коля с интересом наблюдал за ними. Ифриты не скатали его в рулон, как предполагал Коля, а просто сложили пополам. Затем еще раз, и еще раз.

Коля смотрел, все больше и больше удивляясь. Ифриты продолжали складывать ковер пополам, хотя казалось, это уже невозможно. В результате у них получился сверток, объемом с человеческую голову, не больше.

Затем они принялись за багаж, и стали укладывать его в небольшой мешок. Мешок принимал в себя вещи одну за одной, не увеличиваясь в размерах. Каким-то чудесным образом, туда поместились даже самые громоздкие предметы, которые явно должны были занять больше места, чем весь

внутренний объем мешка. Покончив с багажом, ифриты умудрились засунуть в мешок и оба сложенных ковра. Затем встали рядом, ожидая хозяина.

Джинн появился в компании начальника стражи. Почтенный вояка был одет с такой же роскошью, как и Махмуддин-аглай. Из-под парчового халата выпирал необъятных размеров живот. Золотой пояс с саблей не мог самостоятельно удерживаться на выпуклости живота, поэтому его поддерживали еще пара ремней переброшенных через плечи. В целом конструкция образовывала нечто среднее между офицерской портупеей и брючными подтяжками.

Начальника стражи сопровождали двое помощников. Они тоже были джиннами, а не ифритами. Но, в отличие от своего начальника и джинна Махмуддина, не имели таких животов, и в своих военных форменных халатах выглядели далеко не так импозантно. Один из стражников нес коловорот, второй тащил огромную флягу, по объему

подходившую, скорее, под категорию канистры. Не говоря ни слова, под бдительным присмотром начальства, они проделали внизу бочки отверстие, вставили заранее приготовленный кран, и наполнили канистру. Потом также молча вернулись в караулку.

Начальник стражи цветисто поздравил Махмуддина с прибытием в город, наговорил кучу любезностей и, наконец, тоже ушел. Дорога в город была свободна.

Махмуддин подал знак слугам. Дворецкий легко подхватил мешок с багажом, не оглядываясь, быстро прошел сквозь арку ворот и тут же скрылся в лабиринте узеньких улочек. Ифриты взвалили на плечи по бочке и потрусили следом, не испытывая, казалось, никаких неудобств оттого, что каждый тащил на себе бочку в два раза больше него самого.

Джинн взял Колю под руку, и они неспешно вошли в город.

— Какой все-таки мерзавец, этот начальник стражи, — доаерительно сообщил Махмуддин.

– Договорились, что он получит флягу вигрина в качестве платы за вход в город. Все вроде бы по закону. Но ты видел его флягу? А что поделаешь, я ведь еще не вернулся ко двору. А с такими личностями можно спорить, только имея соответствующее положение. Нет, но каков нахал. Это у него называется одна фляга!

Несмотря на ворчание, джинн сиял от восторга. Он был счастлив вновь оказаться в городе, а ругался просто потому, что так положено. Коля также с интересом оглядывался вокруг. Город в целом производил приятное впечатление, хотя и не мог похвастаться архитектурными изысками. Невысокие глиняные дома по восточному обычаю прятались за дувалами, показывая улице лишь глухие стены. Узкая улица была тщательно выметена, по ее краям текли неглубокие арыки с чистой водой.

Прохожие делились на две категории. Подавляющее большинство составляли откровенные оборванцы в ношенных

заплатанных халатах, перехваченных на поясе простыми веревочками. Ни о золотых украшениях, ни о драгоценностях и речи быть не могло. Не было даже мало-мальски заслуживающих упоминания животов. Владельцы старых халатов были худы, как щепки.

Тем не менее это были все те же джинны — огромные крючковатые носы, поросшие шерстью, раскосые глаза и небольшие рожки не оставляли сомнений в их расовой принадлежности.

Сколько Коля не приглядывался, он видел либо толстых богатеев в роскошной одежде с золотыми украшениями, либо откровенных бедняков. Никаких признаков среднего класса не наблюдалось. Это показалось Коле странным. Его небогатых знаний в области политической экономии хватало на то, чтобы понимать, что показателем экономического процветания страны является наличие именно этой категория населения.

Здесь следует отметить, что несмотря на

нищенскую зарплату и невыносимые бытовые условия, традиционные для российских космонавтов-бюджетников, Коля всегда причислял себя именно к среднему классу. Поэтому на новых планетах он первым делом искал равных себе по социальному статусу. Здесь же таких не было в принципе.

— Однако, сколько здесь бедняков! — не выдержал он.

— А как ты хотел? Джинны испокон веков делятся на богатых благородных владык, подобных мне, и прочих, не заслуживающих права на роскошную жизнь. Разве может быть иначе?

— Ну, в общем-то, я знаю немало планет, где все население живет примерно одинаково.

— Ты еще скажи, что там у всех все есть, — недоверчиво усмехнулся джинн.

— Как вам сказать, примерно так и обстоит дело.

— Ты смеешься надо мной, Коля, — проворчал Махмуддин. — Так не бывает, и быть не может. Потому, что всех много, а

всего мало. Это же так просто.

Коля решил не ввязываться в экономический спор.

– Тогда объясните мне, как это устроено у вас.

Махмуддин вновь принял важный вид и начал покровительственным тоном:

– Какой ты непонятливый. Я же объяснял тебе основы устройства мира. Единственно верный порядок вещей состоит в том, что джинны могут быть либо бедными, либо богатыми. Третьего не дано.

Коля почесал затылок. Он вспомнил слова джинна о четырех составляющих их мира. «Ну-ка, как он выкрутится на этот раз?» – подумал Коля и спросил:

– Уважаемый, помнится, вы говорили, что все на свете имеет четыре стороны. Здесь же я пока вижу только два варианта: бедные и богатые. А как же насчет двух остальных сторон?

Джинн неожиданно расплылся в улыбке:

– Молодец, Коля, ты запомнил мои уроки.

Конечно же, наше общество состоит из четырех частей. Первая – благородные богатые джинны с животами. Вторая – безродные бедняки. Две остальные составляющие нашего общества – это ифриты и джиннессы.

– Понятно, – кивнул Коля. – Пусть так. Но, допустим, кто-то из бедняков откроет свое дело и станет хорошо зарабатывать. Он ведь, в конце концов, тоже может стать богатым благородным джинном? И даже отрастить себе живот.

– Это не так просто. Благородными джинны становятся от рождения. Джинн низкого происхождения, конечно, может разбогатеть. Ты встретишь здесь немало богатых лавочников. Некоторые даже смогли отрастить вполне приличные животы. Но они по-прежнему лишь низкорожденные, – просто богатые и толстые. Они лишены способностей, которыми обладают истинные благородные джинны. Даже срок их жизни останется прежним, очень коротким, почти как у людей.

Пройдя пару кварталов, Махмуддин и Коля оказались в другой части города. Улицы по-прежнему оставались узкими и кривыми, но за заборами виднелись сады, в которых прятались большие роскошно отделанные особняки.

– Ну вот, мы почти пришли, – сказал джинн. – В этой части города живут благородные джинны. Здесь стоит и мой дом.

Коля завертел головой.

– Где же он?

– Чуть дальше.

Глава 9

Ухарские леса с незапамятных времен пользовались дурной славой. Рассказы о тамошних ужасах из поколения в поколение оставались любимой темой посиделок накануне Дня Выноса Всех Святых. Какими только чертами не наделяла народная фантазия обитателей проклятого места! Но наиболее популярной была версия о неких полужверях-полулюдях, обладающих невероятной свирепостью, невиданной силой и неслыханной прожорливостью.

Стоит заметить, что королевские хронисты всегда оспаривали правильность такого определения, поскольку наблюдать воочию ухарских монстров никому не приходилось. А вот про их зверские аппетиты слышали все, включая сборщиков податей. И года не проходило без разбойных нападений лесных чудищ на закрома и сусеки окрестных обывателей. По словам пострадавших,

чудовища сжирали все подчистую, так что у хозяев ничего не оставалось даже на собственный прокорм. Какие уж тут налоги!..

Несмотря на столь тяжелые условия жизни, обитатели тех мест с непонятным упорством отказывались покидать насиженные места и даже нередко уговаривали перебраться сюда своих родственников и просто хороших знакомых. Разумеется, переселенцев вскоре постигала та же участь, и они быстро привыкали рассказывать мытарям о постигшем их несчастье, не оставившем никакой возможности хотя бы частично уплатить налоги как в королевскую, так и в барскую казну.

У самих же сборщиков оставалось только два выхода: либо поверить пострадавшим на слово, либо потребовать от ухарских чудищ подтверждения этих рассказов. Доблестные мытари обычно выбирали первый вариант, справедливо полагая, что, ежели сильных мира сего так волнует недовольство сотни-другой

золотых, так пусть они сами во всем и разбираются. К тому же, будучи по натуре людьми впечатлительными, они в своих отчетах невольно преувеличивали масштабы бедствия, и соответственно преуменьшали сумму собранных налогов. Для большего правдоподобия.

Дворяне, разумеется, не могли смириться с постоянным дефицитом своих бюджетов. Но как быть, если их отцы, деды и прадеды точно так же страдали из-за чудовищ и ничего с ними поделать не могли? Не бросать же свои немногочисленные дружины прямо в пасть неизвестному, но, несомненно, страшному врагу?! Куда проще отписать жалобу надежде-государю, посетовать на крайнее обнищание своей вотчины и добиться снижения непосильных налогов. Стоит ли уточнять, что и они тоже слегка завышали размеры убытков, но не по злему умыслу, а лишь для того, чтобы его величество, наконец, обратил внимание на творящиеся в его владениях беззакония.

И король обращал. Периодически, раз в

пять-десять лет, ему надоедало ежедневно выслушивать слезные письма вассалов, и он повелевал собрать войско и произвести зачистку Ухарских лесов. Защитникам порядка и законности устраивали пышные проводы. Сверкающая доспехами кавалькада очень эффектно смотрелась на дороге, уходящей в сторону злополучного леса; а воодушевление простого народа подогревало мужество и решимость самих воинов.

Однако, углубившись в лес ровно на то расстояние, с какого их уже невозможно было разглядеть с опушки, благородные рыцари вдруг останавливались и устраивали совещание. Оно традиционно проходило по установленному много лет назад неизменному сценарию. Командующий принимал решение выслать вперёд разведчика из числа местных жителей – ведь закованному в броню рыцарю так неудобно пробираться сквозь заросли.

Разведчик долго торговался, объясняя высокую плату опасностью предприятия. Получив деньги вперед, он тяжело вздыхал и

отправлялся навстречу «неминуемой гибели». Дальше разведчик в точности повторял маневр благородных господ и останавливался тотчас же, как только убеждался, что за ним уже никто не наблюдает. Просидев до вечера в кустах, он возвращался в расположение части и докладывал, что злобные лесные чудища разбежались, едва прослышав о надвигающейся на них неумолимой расплате. Командующий тут же отправлял в столицу гонца с донесением, лишь чуть-чуть не совпадающим с рассказом разведчика. Всего на одно слово: «остальные чудища разбежались».

После этой победной реляции войско без лишней суеты отправлялось назад. В столице их поджидала торжественная встреча, сопровождавшаяся массовым многодневным пиром, где за королевский счет мог угоститься каждый желающий. Понятное дело, это только усиливало любовь народа к своим защитникам и не оставляло никаких сомнений в заслуженности наград, которые его величество

самолично раздавал наиболее отличившимся воинам. А то, что спустя каких-то полгода, нечисть появлялась вновь, никого особо не удивляло – проклятое место, что с него возьмешь?

Одним словом, трудно сказать наверняка, кто именно лучше всех пользовался дурной славой Ухарских лесов. Вероятно, все понемногу. И Брик перестал бы себя уважать, если бы тоже не попытался извлечь пользу из намерения графа ехать в столицу по дороге, ведущей как раз через это гиблое место.

– Как хотите, ваша милость, а мне что-то боязно туда соваться, – начал он жаловаться ещё во дворе трактира. – Может, всё-таки в объезд, по Коридонской дороге?

– Не говори глупостей, Брик! – ответил граф, проверяя подпругу. – Мы же на турнир опаздываем. Или ты забыл, что я в этом году из-за болезни батюшки ещё ни разу в них не участвовал? Если и сейчас вовремя не появлюсь, может случиться много неприятностей. А мы и так уже из-за этих

оранжевых чудаков потеряли полдня.

— Так и я о том же, ваша милость, — подхватил слуга, только и ждавший, когда рыцарь вспомнит о вчерашнем происшествии. — Если уж в нашем лесу такие злодеи завелись, что ж тогда в этих Ухарских лесах будет?

— Да ничего не будет, отстань! — граф уже сел на коня и нетерпеливо ожидал, когда Брик упакует все имущество. — Сам прекрасно знаешь, что это все сказки. Нет там никаких чудищ.

— Чудищ-то, может, и нет, — не стал спорить оруженосец. — А вдруг опять лесорубы?

— Лесорубов бояться — за дровами не ходить! — Граф на секунду задумался, правильно ли воспроизвёл народную мудрость, и решил для ясности добавить пару слов от себя. — Ты же видел, как я с ними расправился. И другим разбойникам, если они действительно прячутся где-то в лесах, скоро станет известно, что случилось с их собратьями по ремеслу. Они разбегутся, как

только слышат мой рыцарский рог.

— А вот этого как раз делать и не стоит, ваша милость, — Брик озабоченно почесал в затылке. — Я вам так скажу: тише будешь — дальше уедешь.

И опять графу показалось, что раньше пословица звучала как-то иначе, но он не стал затягивать дискуссию, а использовал более простой способ установления истины — хозяйский приказ.

— Хватит болтать, Брик! Садись на своего скакуна и в дорогу.

Однако до победы было еще далеко. Оруженосец проиграл первый раунд боя, но сдаваться не собирался:

— Ва-а-аша милость! — заныл он. — Но вы мне хоть лекарство против страха принять дозволейте.

— Какое ещё лекарство? — не понял рыцарь.

— Ну, как же? — осклабился слуга. — Это вы, благородные господа, от природы своей отважны, а нам, простым людям, для храбрости особый эликсир требуется.

— Ах, вот в чём дело! — догадался, наконец, граф. — Да ты и так после вчерашнего сейчас редкостным храбрецом должен стать.

Что правда, то правда. Предложение попить пива за хозяйский счёт оказалось слишком заманчивым, да и желающих «проследить, чтобы этот проходимец не напился» нашлось в избытке. И если бы не кузнец, слышавший слова графа и не желавший потерять такого выгодного клиента, Брик бы ещё долго сидел в трактире. А так пришлось догуливать во дворе возле кузни. Каковой факт крайне прискорбным образом сказался на самочувствии оруженосца, и сейчас Брику действительно необходимо было лекарство, но вовсе не от страха, как он пытался представить дело своему господину.

— Так это ж я вчерашний испуг лечил, ваша милость! — не растерялся слуга. — А сейчас хотелось бы немного впрок. Для этой, как ее, профилактики.

— Ишь, чего выдумал! — усмехнулся граф. — Где ж это видано, чтобы рыцарь перед

походом своего оруженосца поил? Вот щитом по голове я тебя угостить могу, чтобы она не по пустякам болела, а по делу. Всё, я поехал, догоняй!

Энимор слегка сжал коленями бока своему коню. Больше умному животному и не требовалось: через пару мгновений всадник уже направлялся по узкой деревенской улице в сторону Ухарских лесов.

Тут же с заднего двора трактира донесся жалобный треск ломающихся досок. Это робот отправился огородами в ту же сторону, что и хозяин. И если какой-нибудь забор мешает выполнить приказ — что ж, тем хуже для забора. Сомнения и поиски компромиссного варианта в программе робота не предусмотрены.

Известно, что роботам запрещено передвигаться по улицам, как и по любым другим дорогам, Закон этот был принят, как и все подобные законы, с наилучшими намерениями. Считалось, что появление на улицах железных людей может напугать

животных и помешать движению. И, вообще, роботам не место там, где ходят приличные люди.

Как обычно, в своем желании облагодетельствовать народ, создатели законов не разглядели обратную сторону. Роботам в любом случае приходилось как-то передвигаться. Если нельзя по дороге – значит, шли рядом. Особой деликатностью роботы никогда не отличались, а само строение их тел избавляло от необходимости обходить препятствия, неизбежно возникающие на пути вне дорог.

Робот прошел по деревне, словно танковый клин по пехоте. Завизжал поросенок, не успевший увернуться от металлической ноги, замычала испуганная корова. Суматошное кудахтанье и хлопанье крыльев возвестили, что на пути у робота оказался чей-то курятник. Хозяева неудачно расположенного строения с криками и причитаниями выскочили из дома, и принялись ловить свою живность. Соседи, за много лет привыкшие к

подобным сценам, делали вид, что помогают; хотя большей частью просто глазели на неожиданное развлечение. Кое-кто злорадно хихикал.

В это время четвертый, если считать вместе с графским конем, член команды стоял во дворе трактира, не обращая никакого внимания на поднявшийся переполох. Брик, не спеша, взвесил слова господина, повертел их в голове так и этак, и решительно повернулся к стоявшему неподалеку трактирщику:

— Слышал, что их милость сказать изволили? Где это видано, чтобы благородный господин собственноручно своего оруженосца вином потчевал, а трактирщик руки в боки прохлаждался? — заявил он, старательно копируя хозяйские интонации. — А ну-ка тащи сюда бутылку игристого! Да поживей, мы торопимся.

Неизвестно, что бы вышло из его затеи, если бы в это время из погреба не вылезала дочка трактирря с целой грудой бутылок. Брик заметил ее первым, подбежал и выхватил

добычу из рук застывшей в изумлении девушки. Пусть не игристого, зато не одну, а две бутылки. Крикнув на бегу «Спасибо, добрая душа!» оруженосец ловко, без помощи рук, вскочил на своего мула и помчался догонять графа.

– А деньги? – крикнул вслед опомнившийся трактирщик.

– Запиши на счёт его милости, - не оборачиваясь, ответил Брик. – В первый раз, что ли?

Конечно, не в первый. Оттого-то трактирщик и беспокоился, что прекрасно помнил, чем ответил граф на его последнюю просьбу оплатить счета. Тяжело вздохнув, он взял в руки метлу и отправился в хлев. Эта привычка появилась у него пару месяцев назад, когда очередной благородный гость задолжал ему десять золотых.

У дверей он оглянулся и, убедившись, что его никто не увидел, тщательно притворил за собой дверь. Трактирщик подошел к старому ослу, привязанному в отдельном стойле.

– Запишешь на счет его милости!

С этими словами он с размаху опустил метлу на спину осла. Тот только недоуменно повел ушами.

– Все вы хороши, а еще называетесь благородные господа. Вот так я бы вас всех отделал! Вот так, вот так!

Метла гуляла по шкуре пожилого осла, выколачивая из нее пыль. От возбуждения трактирщик аж подпрыгивал при каждом ударе. Осел жмурился и поводил головой, явно не понимая, чем заслужил подобное обращение.

– Хуже разбойников, вот вы кто. Мерзавцы последние. Вот так, я вас, вот так! – продолжал усердствовать трактирщик.

Постепенно его возбуждение стихло. Он уже скорее не бил, а гладил осла.

– И слуги их ничем не лучше. Казалось бы, эти-то уж свои, сами из бедняков вышли. Так нет, туда же. Игристого ему подавай, простое он уже и видеть не хочет. Вот ты скажи мне, как дальше жить-то?

Трактирщик забыл про метлу. Теперь он сидел на полу и обнимал осла за шею, уткнувшись лицом прямо в серое отвисшее ухо.

— Один ты у меня остался, один ты меня понимаешь.

Побеседовав с ослом еще пару минут, трактирщик вышел из хлева. Он чувствовал себя прекрасно. Осел тоже был доволен — после таких визитов он всегда получал двойную мерку овса.

Глава 10

Джинн подвел Колю к калитке в невысоком глиняном дувале, огораживающем большой тенистый двор. Из-за забора доносились звуки разговоров, звяканье посуды и заманчиво вкусные запахи.

— Пока слуги готовят дом к моему приходу, мы с тобой пообедаем в этой харчевне, —

объяснил он Коле.

Калитка отворилась, и оттуда вышел пузатый джинн в белом переднике.

– Заходите, заходите, уважаемые!

Отдохните и покушайте! И если, отведав яств, которые готовят в моей харчевне, вы скажете, что у вас дома готовят лучше, я впаду вместе со всей своей семьей в уныние. Мы станем скорбеть и чахнуть до тех пор, пока не умрем от печали и горя.

– Неужели и в самом деле вы впадете в уныние? – переспросил Коля трактирщика.

– Непременно, – подтвердил тот.

– Всей семьей?

– Именно, всей.

– И что потом?

– Станем чахнуть, – убежденно повторил хозяин.

Проголодавшийся Махмутдин нетерпеливо прервал этот диалог.

– Все это вы обсудим потом. Для начала распорядитесь, чтобы нас накормили. А мы посмотрим, заслуживает ли ваша стряпня

нашего драгоценного внимания.

– Проходите, проходите, не пожалеете.

Хозяин повернулся и ушел на кухню отдавать распоряжения. Коля с интересом следил за происходящим через открытую дверь. На кухне шумели и чадили огромные котлы. Повара и подмастерья, суетились без остановки. Их бронзовые голые торсы блестели от пота.

Джинн посмотрел на Колю.

– Только не вздумай и в самом деле сказать хозяину, что он готовит лучше, чем у тебя дома.

– А он не зачахнет?

– Выживет, – джинн усмехнулся. – А вот если пойдешь у него на поводу, то он принесет такой счет, что тебе придется работать на него несколько лет, пока сможешь отдать долг.

– Страсти какие! Почему же?

– Традиция, – пояснил Махмуддин-Аглай.
– На базаре принято торговаться. Если покупатель сразу соглашается, что товар хорош, значит он совсем никчемный

человечишко, и его следует надуть. Счет в харчевне – это тоже торг. Поэтому подумай, что произойдет, когда ты сообщишь, что купленный товар небывалого качества, просто обалденный, мол, никогда такой вкуснятины не ел. Ты получаешь соответствующий счет. В большинстве харчевен обычно вся прислуга как раз и состоит из таких вот простачков, пожалевших хозяина.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно. Посмотри на живот хозяина и сравни с фигурами его слуг.

Коля понимающе кивнул. И в самом деле, в отличие от упитанного хозяина, чей монументальный живот выдавал его принадлежность к касте богатеев-долгожителей, прислуга в трактире была вызывающе худосочная.

– А может быть это просто наемные работники?

– Скорее всего, нет. Если хозяин харчевни будет платить своим слугам, то он никогда сам не разбогатеет. По крайней мере, этот

точно не платит.

Коля вздохнул. «Бдительность, – подумал он, – и еще раз бдительность! Иначе в этом мире не уцелеть».

Тем временем Махмуддин уже вошел внутрь и поманил за собой Колю. Они оказались во внутреннем дворике, с утоптаным глиняным полом, чисто выметенном и слегка обрызганном водой, чтобы не было пыли. Во дворе стоял десяток сооружений, больше всего напоминавших увеличенные в несколько раз детские манежи, поставленные на ножки. На этих постаментах устланных многочисленными коврами и подстилками сидели посетители.

Махмуддин подошел к свободному помосту и взгромоздился на него. Коля последовал примеру. Они уселись, прислонившись спинами к ограждению манежа, и обложились подушками, для дополнительного комфорта. Оказалось, что это чрезвычайно удобно.

Перед ними возник тощий слуга, который

тут же принялся уставлять ковер многочисленными подносами. Это была еще не сама еда, а лишь легкая закуска. На подносах горкой лежали горячие свежее испеченные лепешки, огромные ломти дыни и арбуза, какие то сладости. На отдельном подносе стояла пара чайников и несколько пиал.

Махмуддин деловито оглядел принесенную еду и придвинул к себе большую, размером с ведро, но более элегантную, вазу с фруктами. Он сосредоточенно принялся их жевать, разминаясь перед основной трапезой. Фрукты он заедал лепешками. На сласти джинн даже не взглянул – не любил толстяк сладкого.

Коля с едой не торопился. Он так и не привык к местному обычаю начинать обед с фруктов и сладостей. Вместо этого, землянин только налил себе чаю. Он успел полюбить местную разновидность, чуть горькую, терпкую и невероятно ароматную.

Отхлебывая маленькими глотками горячий вкусный напиток, Коля принялся с интересом

рассматривать посетителей. Большинство составляли богатые джинны. Они сидели по двое - по трое, и, не обращая внимания на окружающих, сосредоточенно ели. В дальнем углу стояла группа помостов победнее, без ковров, а лишь с тощими грязными подстилками поверх голых досок. На подстилках сидели такие же тощие и грязные бедняки. Они сидели плотными группами по десять и более человек, и хлебали какое-то варево из большой общей миски.

Колино внимание привлекла небольшая компания, расположившаяся особняком на богато украшенном помосте. Землянин, уже знающий из разговоров с джином о многочисленных и разнообразных обитателях этого мира, сразу признал в сидящих гномов.

Их было трое. Все невысокие, чуть выше метра, с непропорционально широкими плечами и развитой грудной мускулатурой. Одеты гномы были богато: синие бархатные кафтаны, зеленые шелковые шаровары с красными лампасами и высокие сапоги из

отлично выделанной кожи на высоких, сужающихся книзу каблуках.

Все трое носили пояса, составленные из блестящих металлических пластин красновато-желтого цвета, судя по всему – чистого золота. В левом ухе у каждого блестела серьга. У двоих это были бриллианты солидных размеров, у третьего – огромный, с грецкий орех, прозрачно зеленый изумруд

Драгоценный камень заметно оттягивал своей тяжестью мочку уха и, очевидно, причинял владельцу ощутимые неудобства. Однако тот не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Наоборот, время от времени он как бы случайно поправлял серьгу, исподволь поглядывая на своих приятелей – обращают ли те внимание на его драгоценность.

Но при всем необычном виде гномов, Колино внимание привлекло другое. За спиной у каждого из гномов стояло по роботу. Космонавт не поверил своим глазам. Поблескивающие металлом человекоподобные

роботы как две капли воды походили на когда-то производимых на Земле. Живьем Коля их уже не застал, но неоднократно видел изображения в книгах и в исторических фильмах.

В свое время развитие компьютерных технологий на Земле неизбежно привело к появлению таких вот роботов, созданных по образцу и подобию человека. Однако быстро выяснилось, что практического применения для них нет. Причина была тривиальной и заключалась в следующем.

Когда-то на заре глобальной автоматизации, казалось, что все будет очень просто. Надо лишь заменить на производстве людей роботами, и проблема автоматизации будет решена раз и навсегда.

Однако, если к обычному станку вместо человека-рабочего поставить робота, то выигрыш окажется весьма сомнительным. Возможно, робот станет работать немного быстрее и качественнее. Но, в принципе, это будут все те же детали, которые

квалифицированный рабочий сделает значительно дешевле, чем сложный сверхдорогой универсальный робот.

Бригада роботов-грузчиков, таскающих на металлических плечах мешки и ящики, никак не может конкурировать с одной единственной лентой конвейера. Особенно когда в конце этой ленты груз принимают компьютеризированные грузовики с собственными манипуляторами.

Но главное заключалось в том, что само производство стало таким, что человеческим рукам — настоящим или искусственным — в цеху больше нечего делать. Они не могут ни собрать крошечный механизм на микросхемах, ни установить многотонную деталь на станину.

Да и в производстве традиционных изделий, таких как одежда, обувь или мебель, технологии давным-давно изменились. Все это производится на полностью автоматизированных линиях, где для человеческих рук не осталось никакой

физической работы. Роль человека свелась к дизайну новых образцов и контролю за производством. Фактически такая линия есть ни что иное, как один большой робот. Но не простой, а узкоспециализированный.

Работа в труднодоступных и опасных местах всегда считалась уделом роботов. Но и там, именно в силу их недоступности для человека, применяют специализированных роботов, мало похожих на андроидов. Для пустынь и болот нужны не ноги, а колеса или гусеницы; в места, где требуется сила и сноровка отправляются шестирукие многотонные монстры, а им помогают небольшие юркие роботы размером с кроликов.

Таким образом, для человекоподобных роботов оставалась последняя ниша — домашнее хозяйство. Но и здесь они не нашли себе применения. Домашней хозяйке удобнее бросить грязную одежду в стиральную машину, задать режим работы и отправиться по своим делам. К ее возвращению машина

выстирает, высушит и выгладит всю одежду. А наиболее продвинутая модель, соединенная с платяным шкафом, еще и разложит чистое белье по полочкам и развесит на вешалках. Можно, конечно, вместо этого завести себе робота, который будет стирать белье в тазике, потом развесит его сушиться на веревке, протянутой через балкон, а потом разложит стиральную доску и станет утюгом гладить рубашки и брюки.

Или можно поставить такого робота на кухню. Он станет по вашей команде доставать продукты из холодильника, разделявать их на кухонном столе, потом варить или жарить на плите. А потом еще и вымоет грязные кастрюли и сковородки. Приятная перспектива для того, кто не знает других технологий.

Однако современная кухонная машина устроена так, что хозяйке достаточно только набрать меню на клавиатуре. Дальше кухонный комбайн сам закажет и примет по линии доставки необходимые продукты,

разделаает и приготовит их к заданному времени. И выдаст еду порционно, аккуратно разложенную на тарелочках, с учетом личных вкусов членов семьи.

Робот-пылесос с множеством специализированных приставок уберет квартиру быстрее и чище, чем андроид, вооруженный веником и тряпкой. Не говоря уже о том, что человекообразный робот стоит дороже всех домашних приборов вместе взятых, он, как и на производстве, просто работает хуже каждого из специализированных механизмов. Именно потому, что каждый из них, хоть и предназначен для какого-то одного вида деятельности, зато выполняет свои обязанности качественнее и быстрее, чем это сделает универсальный робот.

Человекоподобный неспециализированный робот может все, и в то же время он не может ничего. В любой области он проигрывает специализированному механизму. Да,

конечно, ни пылесос, ни стиральная машина не могут ходить на двух ногах. Они не могут танцевать, декламировать стихи и вручать букеты.

Но ведь от них этого и не требуется. А танцевать и дарить цветы женщинам мужчины во все времена предпочитают сами.

В конце концов, для человекоподобных роботов все же нашлась своя ниша. Их стали использовать в качестве лакеев-дворецких в состоятельных домах. Проку от таких слуг было немного. Их покупали главным образом для того, чтобы произвести впечатление на соседей, подчеркнуть свою состоятельность и принадлежность к касте избранных.

Вскоре прошла и эта мода. Человекоподобные роботы так и остались несоразмерно дорогими игрушками. Их производство прекратилось, так толком и не начавшись.

Негативное отношение к универсальным человекоподобным роботам сформулировал журналист одной популярной газеты.

Выглядело определение следующим образом: «Если вы собрались принять ванну, то в принципе можно заставить робота таскать воду ведрами из колодца. Но проще открыть кран и наполнить ванну водой из водопровода». Эта фраза стала последним камнем на их могиле.

Впрочем, в этом мире ситуация могла быть иной.

— Что тебя там так заинтересовало, а Коля? — прервал его размышления джинн. — Ты уставился на этих роботов так, как будто никогда в жизни их не видел.

— Э-э, в том то и дело, что видел, — задумчиво промычал Коля. — Но откуда они взялись здесь?

— Ничего удивительного, обычные роботы-камердинеры. Самая распространенная модель. Очень дорогие и совершенно бесполезные игрушки. В свое время я закупил небольшую партию для дворца его величества.

Джинн на некоторое время замолчал, и его глазки подернулись мечтательной пеленой.

Видимо, он вспомнил условия сделки и куш, который сорвал на этом.

– Да, так вот. Эти роботы нужны больше для форса, для показухи. Слуги из них никчемные, поскольку все они – редкостные болваны. Считается, что робот вполне может заменить настоящих слуг. Но, видишь ли, для того, чтобы робот что-то сделал, надо его подробно проинструктировать, или показать на примере. Правда, если уж он чему-то научится, то будет работать всю жизнь и ни разу не ошибется. Но это такая маета, пока научишь его хоть чему-нибудь! – Джинн вздохнул. – Я долго с ними возился, пока мне не надоело. Все равно, отлично вышколенный слуга справляется со своими обязанностями не в пример лучше. А слуг, как ты сам понимаешь, во дворце достаточно.

– Но их все же как-то используют во дворце?

– Только ради престижа. На больших приемах роботы выстраиваются вдоль стены и приветствуют гостей, а затем разносят

прохладительные напитки. Во время обеда они стоят за спинами у обедающих, подливают вино в бокалы или подают салфетки. В общем – самая ерунда, с которой справится глупый молодой лакей. Но это производит на гостей падишаха большое впечатление. Так что падишах остался доволен, и не стал придирчиво проверять мои счета. – Махмуддин довольно ухмыльнулся. – Его величество очень щедрый человек. Когда ему что-то нравится, он покупает не торгуясь.

Джинн выбрал с подноса самый крупный персик и целиком отправил его в рот. Прожевав и проглотив его вместе с косточкой, джинн закончил рассказ:

– А в остальное время роботы просто пылятся без дела в дальней кладовке. Так всем спокойнее, да и вигрин не расходуется понапрасну.

Коля кивнул.

– Знакомая история. Но все же, как эти роботы устроены? Ведь им для управления нужен очень мощный компьютер и, вообще,

там куча электроники.

– Я не знаю, что ты называешь компьютером, хотя уже не раз слышал от тебя это странное слово. И твоя электроника тут ни при чем. Все дело в магии. Знаменитая гномья магия, которая заставляет обычные куски камня или железа делать самые невероятные вещи. Ну и, конечно, наш вигрин.

Джинн гордо взглянул на Колю, с таким видом, будто это он сам лично изобрел вигрин, и продолжил.

– Станный ты человек, Коля. Так быстро привык к ковру-самолету, к кулону-переводчику и прочим бытовым улучшениям, а вот эти игрушки тебя почему-то удивили.

– Вы правы, уважаемый. Но я и в самом деле не представляю, что можно просто полить кусок железа вигрином, пробормотать заклинание и получится робот. В свое время на Земле тоже строили подобных роботов, но это требовало огромных расходов.

– Коля, Коля, ну почему ты так все упрощаешь! Я же сказал – магия гномов. А

это, прежде всего, труд, труд и еще раз труд. Видишь ли, гномы – исключительная раса в нашем мире. Если все остальные трудятся для того, чтобы обеспечить себе достойное существование, то для гномов работа является самоцелью. Она и есть вся их жизнь. Почти все свое время гномы проводят либо в шахте, либо на заводе. Рабочая смена – минимум двенадцать часов. Еще восемь на сон, час на еду и бытовые проблемы. Остальное время гном шляется как неприкаянный по руднику, выпрашивает о новостях в забое и ждет не дождется, когда можно будет опять спуститься в шахту.

На заводах та же история. Они работают до полного изнеможения, но становятся от этого только счастливее. Их не интересует, что будет дальше с результатом их труда. Увидеть, что сделанная им вещь наконец-то заработала – в этом заключается наивысшее счастье для гнома. Когда изделие полностью готово, и гном убедится, что оно работает, как задумано, он быстро теряет к нему интерес.

По завершению работы он может позволить себе выпить кружку-другую пива в компании таких же счастливцев. За столом они подробно расскажут друг другу о том, что именно они смастерили сегодня, поскольку других тем для разговоров у заводских гномов, похоже, не существует. Но долго засиживаться они не станут. Уже начиная со следующей рабочей смены, все их внимание будет поглощено новой работой.

– Понятно. При таком подходе к делу, пожалуй, и в самом деле можно создать самые удивительные вещи. – Коля еще раз взглянул на гномов, пирующих на соседнем топчане. – Однако я не сказал бы, что вот эти трое измучены непосильной работой. Что-то не похожи они на трудоголиков, проводящих всю жизнь в штольне или у станка.

– Кто, эти? – Джинн рассмеялся. – Они же не настоящие гномы, Коля. Это – выродки.

Коля непроизвольно вздрогнул от неожиданного грубого выражения, которое никак не ожидал услышать от джинна.

– За что вы их так?

– Это не оскорбление, Коля. Это медицинский термин. Гномы живут в нашем мире уже очень-очень долго. А у древних рас со временем накапливаются генетические изменения. Вот в таких ребятах эти отклонения и проявились. С ними произошло самое страшное, что только может случиться с гномами, по их собственному мнению, конечно. Эти выродки не умеют и не хотят работать. Нормальные гномы считают их уродами и относятся к ним как к неизлечимым больным.

– Чем же они занимаются? Судя по их внешнему виду, ребятки устроились в этой жизни совсем неплохо.

И в самом деле. Черты лиц у гномов сильно разнились, но было в них и что-то неуловимо общее для всех. Приглядевшись, Коля смог сформулировать для себя эту характерную особенность. На гномьих лицах присутствовало выражение бесконечного самодовольства, будто кто-то написал на них

крупными буквами: «Жизнь удалась!»

– Как я уже сказал, они не могут работать вместе с остальными. Единственное доступное им занятие – это торговля. Они скупают или выменивают золото и драгоценности на шахтах, всевозможные изделия на заводах. Потом отправляются в другие страны к джиннам или людям и перепродают свой товар. Зарабатывают они неплохо и, на мой взгляд, живут значительно лучше, чем так называемые здоровые гномы. – Махмуддин задумчиво отхлебнул из своей пиалы. – Хотя как я могу судить об этом? Я не гном, я джинн, и это совсем разные вещи. Как говорится, что хорошо джинну, для гнома смерть.

Коля задумчиво кивнул:

– Знаете, Мажмуддин-аглай, на моей родине тоже иногда встречаются подобные генетические отклонения.

Но развить мысль Коле не удалось. Им начали подавать, и джинн тут же прекратил всякие посторонние занятия и

сконцентрировался на еде. Блюда и в самом деле были превосходны, и в количестве достаточном для удовлетворения гаргантюанского аппетита Махмуддин-аглая. Коля, по приобретенной во дворце Махмуддина привычке, тоже пообедал чрезвычайно плотно. Потом погладил начавший отрастать живот, и с тоской подумал, что если в ближайшее время резко не изменит образ жизни, то ему срочно придется садиться на диету.

Наконец, Коля с джинном поели, и к ним подошел хозяин харчевни со счетом. Предупрежденный джином Коля благоразумно молчал, и беседу с хозяином вел один Махмуддин-аглай.

Торговались громко и долго, минут сорок. Разговор изобиловал сынами плешивого шакала и хромой верблюдицы, ослиным навозом под соусом из протухших отбросов и прочими местными крылатыми выражениями, без которых при торговле не обойдется ни один уважающий себя джинн.

В конце торго Махамуддин тяжело вздохнул, достал из-за пазухи кошелек и высыпал на ладонь хозяина харчевни несколько мелких медных монеток. По Колиным подсчетам, этого могло хватить лишь на лепешки и чай. Однако трактирщик радостно принял их, и с поклонами проводил гостей к выходу. Судя по его лицу, он был почти счастлив.

Когда дверь харчевни за ними закрылась, Махмуддин-Аглай удовлетворенно похлопал себя ладонями по животу. Он широко улыбнулся:

— Как приятно вернуться в столицу цивилизации, вновь находиться среди культурных, просвещенных джиннов. Этот трактирщик оказался очень приятным собеседником. Я так соскучился по нормальному общению с равными себе.

— Но вы так мало заплатили ему.

Махмуддин вздохнул.

— Ты по-прежнему не ориентируешься в нашей жизни, Коля. Ты же знаешь, мы

торопимся. Если бы у меня в запасе был еще час, то этот жулик сам заплатил бы нам не меньше десяти золотых.

Коля промолчал, и только с уважением посмотрел на Махмуддин-аглая.

Глава 11

Первый, самый молодой и нетерпеливый солнечный луч озорно выглянул из-за верхушек столетних сосен, окружавших Авилон, и слегка пощекотал ребро городской стены. Но стена давно утратила чувствительность к столь мягким прикосновениям. Ее возвели гномьи мастера в уже забытые всеми времена, когда Авилон был столицей могучего, единого Королевства, и люди повелевали всеми другими расами - гномами, эльфами, джиннами и даже троллями, если предположить, что легенды не врут, и эту существа все-таки некогда

населяли планету.

С тех пор люди утратили свое главенствующее положение, и теперь в лучшем случае считаются равными остальным расам. От Королевства одна за другой отпадали удаленные провинции и обзаводились собственными монархами. Все эти новые государства получили звучные имена – Эсператнта, Юнеска, Уефалия, Шенгень – и яростно спорили за право считаться ведущей людской державой. Но старое, изначальное Королевство по-прежнему именовалось только так – с большой буквы и без уточнения названия. А город Авилон, несмотря на все перипетии, оставался центром мира, неприступной твердыней, стены которой никому ещё не удалось одолеть.

За исключением, разве что, мхов и лишайников, которые упрямо карабкаются по древним камням до самого верха, выказывая тем самым полное пренебрежение былой славе и величию Авилонна. И эти наглецы

беспокоили городскую стену гораздо больше, чем даже тысячи солнечных лучей. И не только сами камни, но и тех, кто пользовался их надежной защитой. В этот рассветный час около сотни горожан собрались на стене и усердно пытались освободить ее от серо-зеленых захватчиков.

Непоседливый лучик попытался было втянуть в игру и людей, но те продолжали орудовать скребками и не обращали на шалуна ни малейшего внимания. Еще бы, ведь сегодня весь город должен сиять и искриться, словно только что выстроенный. Не каждый день принцессе исполняется семнадцать лет, и авилонцы, выбиваясь из сил, готовились к грандиозному празднику, равного которому давно уже не было, и еще не скоро будет.

И дело вовсе не в том, что в этот день принцесса станет совершеннолетней. Взрослыми как раз считаются лишь девушки, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Но к тому времени принцесса уже выйдет замуж и уедет в какое-нибудь из новых королевств, а

навещать родные края сможет лишь от случая к случаю. Так что сегодня город еще и репетировал прощание с принцессой.

И никто не спрашивал, к чему такая спешка, почему бы девушке не пожить ещё годик-другой в доме отца. Мало того, что так велел обычай. Этого требовали и жизненные обстоятельства. Слишком уж часто пропадают без следов взрослые и незамужние знатные дамы Королевства, чтобы подобным образом рисковать и королевской дочерью.

В чем причина этих исчезновений, горожане также предпочитали не задумываться. Так повелось испокон веков, но в последнее время они пропадают особенно часто. Знать, такова судьба.

А спрашивать, зачем и почему - опасное занятие. Так ведь недолго и заинтересоваться, отчего эльфийское заклятие, не позволяющее жителям Королевства проявлять агрессию в отношении друг друга, не действует, например, на гномов, или приезжих из других стран. Чужеземцы могут хоть каждый день

устраивать потасовки в портовых тавернах, и их даже разогнать некому, кроме портового патруля, состоящего из тех же чужеземцев. А местные стражи порядка не могут применять силу из-за того же заклатья.

Несправедливо? - Может быть. Но от чувства обиды недалеко до желания восстановить справедливость, а там, стоит немного забыться, сработает и это чертово заклатье. Нет уж, лучше принимать мир таким, как он есть. Раз принцессе грозят неприятности, лучше поскорей выдать ее замуж.

Правда, имя жениха до сих пор еще не известно. Подходящих по возрасту принцев в новых королевствах что-то не видать, а остальные претенденты выглядят как-то несолидно. Как это - королевская дочь, получившая великолепное образование и привыкшая к блестящему авилонскому обществу, вдруг превратится в обычную баронессу? Кому ей свои манеры показывать - коровам и козам, что ли?

Но именно эта неопределенность и придавала оптимизма потенциальным женихам. «Раз уж шансы у всех без исключения ничтожно малы, а замуж выходить принцессе так или иначе нужно, почему бы именно мне не оказаться счастливым?» - думает каждый из желающих породниться с королевской семьей. Вот и съехалось этих баронов на праздник - великое множество. Что ж, тем веселее будет наблюдать, как принцесса их отошьёт. И горожане ухмылялись в предвкушении потехи, продолжая скоблить стену, и одновременно отворачивая лица от надоедливого луча рассветного солнца.

И никем не понятому озорнику не осталось другого выхода, как рассеянно пробежаться по центральной городской улице, где все также заняты неотложными делами. Дворники метут мостовые. Лавочники проверяют, надежно ли закрыты ставнями витрины. Не дай бог, во время праздничного шествия кто-то потеряет равновесие, толкнет соседа, который, в свою

очередь, навалится на впереди идущего, и вся толпа вдруг рухнет прямо на твою ни в чем неповинную лавку - убытков не оберешься. Королевские слуги украшают стены домов свежими цветами, и еще раз просят окрестных жителей без нужды не выходить из дома, а если уж приспичит, то хотя бы одеться поприличней. Ибо в этот день все должно быть прекрасно - и люди, и их одежды, и даже стены. Нынешним утром у всех множество забот и ни минуты свободного времени, а поглазеть на рассвет можно и завтра - никуда он не денется.

К счастью, солнечный луч был еще слишком молод и беспечен, чтобы надолго огорчиться из-за людского невнимания. Весело проскакав по черепичным крышам, он направился к высоким разноцветным окнам королевского дворца и возле одного из окошек остановился. Там, в малом зале, принцесса Настюрция беседовала с придворным ученым и чародеем, гномом Эйнли, сыном Штейнли.

Разумеется, юная принцесса была

прекрасна. Об этом знал любой ребенок в Королевстве. Но Настюрция... как бы это лучше сказать... она оставалась бы красавицей, даже если бы вдруг перестала быть принцессой. Ее длинные золотистые волосы, казалось, состояли из таких же озорных и непослушных солнечных лучей, как наш знакомый, только получивших каким-то волшебным образом мягкость и упругость эльфийского шёлка. Глаза могли бы соперничать чистой голубизной с полуденным летним небом. А легкие колебания ее ресниц способны поднять настоящую бурю в сердце любого мужчины в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет. Голос принцессы завораживал, как журчание весеннего ручья. Правда, иногда в нём слышались жесткие командные нотки, а неподражаемо очаровательные губки Настюрции порой кривились в недовольной гримасе, но наш юный лучик не был еще настолько искушен в женщинах, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Да и странно бы было, если

бы принцесса вдруг оказалась не капризной.

Так или иначе, но наш знакомый начисто забыл обо всех своих проказах. Вокруг уже суетились его собратья, помогая украшать праздничный город, а он все продолжал внимательно смотреть и слушать.

Следует подчеркнуть, что обычно в это время Настюрция еще досматривала свои многосерийные сны, содержание которых мы не в состоянии пересказать, поскольку понятия не имеем, что может сниться принцессам. Но сегодня ей не терпелось узнать, какие же подарки приготовили отец и придворные, и принцесса поднялась с постели едва ли не раньше прислуги. И нельзя сказать, что она обманулась в своих ожиданиях. Вот только подарка от Эйнли, сына Штейнли, Настюрция так и не получила. И сейчас выказывала почтенному гному свое неудовольствие:

– Так я жду объяснений, Эйнли! – голос принцессы грозил из ручейка превратиться в поток раскаленной лавы. – Помнится, ты

обещал ко дню рождения найти мне жениха. Необыкновенного жениха, какого не было ни у одной из принцесс Королевства. Кажется, ты что-то говорил про иные миры, где тоже есть молодые принцы, мечтающие хоть раз в жизни полюбоваться моей красотой. Я только что спросила у камердинера, и он уверяет, что ни один принц, хоть из иного мира, хоть даже из нашего, за последнее время во дворце не объявлялся. Как прикажешь это понимать, Эйсли? Уж не забыл ли ты о своем обещании? Или, может быть, ты просто решил надо мной посмеяться?

Бедный гном стоял, наклонив голову так, будто пытался спрятать лицо в собственной бороде. И молчал. Он не знал, что ответить взбалмошной королевской дочке. Разумеется, Эйсли ничего не забыл. Гномы вообще не способны забыть о своих деловых обязательствах. И он сделал все возможное, чтобы принцесса получила обещанный диковинный подарок. Хотя бы в благодарность за то, что ее дед некогда

приютил у себя во дворце безвестного учёного Штейнли, изгнанного с Родины за кощунственные, еретические теории.

Отец Эйтли был астрономом и пытался доказать соплеменникам, что за пределами их мира существуют другие миры, и там, вполне возможно, обитают другие разумные существа, в чем-то похожие на гномов, эльфов, джиннов, или даже (каких только причуд не дождёшься от матери-природы!) — на людей. И Высший Совет гномов, может быть, не был бы столь суров к еретику, если бы тот не пренебрегал своими основными обязанностями. Но Штейнли настолько увлекся собственными идеями, что не отвлекался от них даже на службе, в секретной лаборатории, занятой совсем другими проблемами. А такого страшного преступления, как уклонение от общественно-полезного труда, гномы никому и никогда не прощали.

Сначала Штейнли запретили появляться в лаборатории, потом перестали пускать в библиотеку и удалили из его дома все

пишущие принадлежности. Другой бы на его месте давно сломался, но отец Эйнли продолжал работать над теорией и сочинять книгу мысленно. И тут уже Совету ничего не оставалось, как выслать отступника вместе с семьей из страны, строго-настрого запретив кому-либо из гномов поддерживать с ними отношения. Мать Эйнли не вынесла такого горя, и вскоре умерла. А отец выжил, благодаря увлеченности работой и расположению короля.

Разумеется, юный Эйнли продолжил дело отца. Но, кроме того, он добросовестно изучил и традиционные науки. И день рождения принцессы Настюrcии показался гному удобным случаем добиться всемирного признания теории Штейнли. Гном разработал универсальное заклинание, не отреагировать на которое не способно ни одно разумное существо во Вселенной, создал устройство, непрерывно воспроизводящее этот призыв. Самым сложным оказалось добиться того, чтобы заклинание не слышали сами жители

планеты, но Эйнли справился и с этой задачей, установив фильтр, поглощающий сигнал в том диапазоне, который способно распознать ухо человека, гнома или эльфа. Джинны в расчет не принимались, поскольку воспринимали весь частотный спектр, но реагировали только на призывы к принятию пищи. А в данном случае речь шла совсем о другом.

И вот прибор заработал. Сколько ушло на его постройку королевского вигрина – самому теперь вспомнить страшно, но гном надеялся, что результат, то есть появление во дворце жениха из иного мира, оправдает непомерные расходы.

И поначалу всё шло хорошо. Эйнли готов поклясться, что видел в телескоп некий объект, явно искусственного происхождения, подлетающий к планете. И судя по скорости и направлению полета, он давно уже должен быть приземлиться где-то в окрестностях Абилона. Но дальше произошло нечто непредвиденное. Таинственный объект исчез

вместе с надеждами гнома на признание. Эйнли начал подозревать, что один из коэффициентов, используемый им в расчетах, на самом деле оказался переменной величиной, зависящей от местных условий. Что законы природы, действующие на планете, не абсолютны, а относительны. И он обязательно разберется, в чем тут дело, если только переживет сегодняшний день. Но не пересказывать же принцессе, а тем более – королю, в подробностях всю теорию его отца, да еще и с добавлениями от самого Эйнли.

Значит, остается надеяться только на чудо, или просто тянуть время.

– Ваше высочество! – гном постарался, чтобы его слова звучали убедительно. – Я уверен, что прекрасный принц уже на пути к королевскому дворцу. И не далее, чем на закате сегодняшнего дня, вы его увидите. Не будь я Эйнли, сын Штейнли!

Собственно, он ничего не терял, давая традиционную, нерушимую гномью клятву. Так или иначе, но если жених не появится,

Эйнли всё равно вскоре не станет.

Принцесса удивленно посмотрела на гнома. Видимо, она что-то уже слышала про клятву. И, по крайней мере, уверения гнома ее успокоили. На время.

– Хорошо, я подожду до вечера, – ручеек её голоса мгновенно покрылся коркой льда.

– Но если ты обманул меня, Эйнли – пеняй на себя.

Принцесса отвернулась и сорвала раздражение на прислуге:

– Эй, кто-нибудь, да задёрните же, наконец, портьеры! Солнце прямо в глаза светит.

Глава 12

Брик догнал графа мили через три. Да и то не совсем догнал, а благоразумно следовал на почтительном расстоянии от хозяина. К тому времени запасы вина у него уменьшились на

четверть, зато настроение улучшилось втрое. Погода стояла превосходная, солнце пригревало, но не пекло, да и ветерок остужал. Дорога выдалась прямая и не тряская, без подозрительных зарослей кустарника по обочинам. Прежние страхи, если и не были притворными, то теперь уже оставили оруженосца в покое, и Брик почувствовал непреодолимую тягу к общению. Он ещё раз приложился к бутылке, не без труда поравнялся с хозяином и, на всякий случай, стараясь дышать в сторону, заговорил:

– А все-таки жаль, ваша милость, что принцессу за иноземца отдадут.

– Почему это жаль? – рассеянно отозвался граф.

– Так ведь не нашлось же для нее ни в одном королевстве достойного жениха, – охотно объяснил Брик. – Про то каждому пастуху известно.

– Ничего, отыщут, – все тем же безразличным голосом ответил рыцарь.

– Ага, отыщут, – хмыкнул слуга. – С неба

он на них свалится! А главное – зачем искать, если вот он, жених, в двух шагах.

– Это ты о чем? – насторожился граф.

– Да ладно вам, ваша милость! Будто не знаете! – Оруженосец взял классическую паузу и отъехал чуть в сторону: вдруг хозяин наплюет на все заветы и запустит в него чем-нибудь тяжелым. Кулаком, например. – Ведь лучшей пары, чем вы с принцессой, и представить трудно.

Но граф не оправдал ожиданий слуги. Он лишь невесело усмехнулся и покачал головой:

– Скажешь тоже! Забыл про закон, запрещающий дворянам Королевства жениться на дворянках?

– Так ведь на дворянке же, а не на принцессе! – не сдавался Брик.

– Все равно, король не согласится, – вздохнул рыцарь. – Закон есть закон.

Оруженосец уже почти в открытую отхлебнул из бутылки и продолжил:

– Так вот что я вам скажу, ваша милость: закон для того и нужен, чтобы люди учились

его обходить. Вот когда я к своей Лейне сватался, тоже закон против меня был. Мельник Отральд, папаша ейный, еще старшую дочь не пристроил. О младшей в таком случае даже заикаться неприлично, но я на своем стоял: Отдай, мол, по-хорошему, а то увозом возьму. Отральд так осерчал, что робота своего на меня натравить пытался. Слава Всевышнему, робот у него только по рельсам передвигаться мог — от мельницы до амбара и обратно. Так что я от него улизнул, только рубаху мне порвал, остолоп железный. Ну, и что вы думаете? Я мельника чуть ли не каждый вечер донимал. Так его извел, что и полгода не прошло, как он на нашу с Лейной свадьбу согласился. А вы говорите: закон!

— Конечно, согласился, — улыбнулся рыцарь чуть веселее, — когда узнал, что я тебя в оруженосцы взял.

— Как же, взяли! — вполголоса проворчал слуга. — Вас самих уламывать пришлось, не хуже того мельника. Я уже и у гномов в мастерской успел поработать, и на турниры

сам приезжал, возле благородных господ крутился, пока вы, наконец, не сообразили, что вам не просто слуга, а помощник нужен.

— Ну, и чем же ты в этом деле мне помочь сможешь?

В голосе хозяина явно слышалась ирония, но Брик предпочел ее не заметить.

— А тем, что всю правду вам скажу! Вы, ваша милость, только вздыхаете, а нужно же своего добиваться. Придумайте что-нибудь! Да вот хотя бы так: раз принцесса только за иноземного принца или короля выйти может, возьмите, да завоюйте какое-нибудь королевство завалящее. И тогда все по закону будет.

Тут граф не выдержал и расхохотался.

— Королевство, говоришь? Завалящее?

Хорошо, после турнира подумаем, какое нам с тобой подойдет. А сейчас, будь добр, помолчи немножко. А то у меня от твоей болтовни голова разболелась, как будто это не ты, а я вчера всю ночь бражничал.

— Вот зря вы смеетесь, ваша милость! —

обиделся оруженосец. – Я ведь дело говорю. Сами потом себя казнить будете, если принцесса другому достанется.

– Замолчи, я сказал!

Теперь уже граф по-настоящему разозлился, и Брик посчитал за лучшее приотстать и не раздражать хозяина. Тем более что в бутылке вроде бы еще что-то оставалось, и вообще, глупо было бы испортить ссорой так удачно начавшийся день.

Впрочем, хозяину он настроение уже успел испортить. И больше всего раздражало рыцаря, что его оболтус-оруженосец во многом прав. Еще пару лет назад все в жизни Энимора было четко и ясно. И принцесса занимала в ней строго определенное место. Они дружили с детства, причем, юный аристократ был на три года старше подруги и учил ее разнообразным играм, а также полезным навыкам – верховой езде, охоте и даже основам управления боевым роботом. И, конечно же, принцессе он казался примером

для подражания и, чего уж там, героем.

Но с тех же детских лет принцесса была помолвлена с эсперантским принцем Игуардом. Юный Энимор узнал о помолвке чуть ли не раньше, чем об основных законах природы, и усвоил первый факт гораздо тверже последних. С тем, что земля вращается вокруг солнца, он еще мог бы при желании поспорить, но то, что принцесса, когда вырастет, выйдет замуж за Игуарда, не вызывало у него ни малейшего сомнения. Соответственно, хоть он и считал принцессу самой милой, самой очаровательной, самой прекрасной девушкой на свете, но никогда не строил далеко идущих планов. Отношения Энимора и принцессы оставались доверительными, иногда даже слишком игривыми, но не вызывали у окружающих никаких подозрений. А если даже и вызывали, то рано оформившийся громоподобный рык рыцаря быстро осаживал чересчур любопытных придворных.

Одним словом, Энимор и принцесса

действительно были идеальной парой, настолько идеальной, что их взаимное влечение не отягощалось никакими требованиями, упреками и надеждами на будущее. И так продолжалось до тех пор, пока внезапно не умер от неизвестной болезни принц Игуард.

Вот тут-то душевное спокойствие и оставило Энимора. Попробуй не заработать паранойю, когда твою даму сердца готовы выдать за кого угодно, лишь бы не за тебя. И самое обидное, что он ничего не мог изменить. Предложение слуги завоевать соседнюю страну было мало того, что невыполнимым, так еще и бесполезным. Граф все равно по крови остался бы дворянином Королевства, и закон по-прежнему мешал бы ему соединиться с принцессой. А на открытый бунт он никогда не согласится. Слишком хорошо он себе представляет, что случится с Королевством, начнись в нем хотя бы непродолжительная смута. Сразу же со всех сторон хлынут всевозможные любители

легкой наживы, для которых к тому же не станет помехой эльфийское заклятие. И пока рыцари, точнее говоря, их роботы, будут выяснять отношения, простой народ останется совсем без защиты. Нет, мятеж – это не выход. Но и других что-то не видно. И сознание собственного бессилия угнетало графа больше всего.

Так что Брик сильно рисковал, надумавши дать хозяину полезный совет. Граф и сам удивлялся, почему позволил слуге обсуждать свои личные дела. Следовало хотя бы рывкнуть на него, но какое-то странное благодушие помешало Энимору даже рассердиться на непрошеного советчика. Природа на него так действует, что ли?

Да и как не смягчиться от такой сказочной, невероятной красоты? Что-то неуловимое, легкое, радостное прямо-таки витало в воздухе. Ласковое солнце бережно переливало чуть подрагивающие золотистые лучи из безоблачно-голубой амфоры неба в фарфоровую чашу горизонта. Могучие

столетние сосны, расставленные по краям чаши, не позволяли этому сокровищу расплескаться безвозвратно. Беззаботный ветерок игриво перебирал струны деревьев, создавая неповторимую чарующую мелодию просыпающегося леса. Ее подхватывали мелкие пичужки, перепархивающие с ветки на ветку, и несли, несли куда-то вдаль, словно приглашая следовать за ними.

И вот поступь рыцарского коня становится плавней, изящней. Он уже как будто и не скачет, а плывет над дорогой. И даже Брик, бестолковый, но преданный оруженосец, начал тихо подсвистывать в такт волшебной мелодии солнечного летнего утра. Ну, хорошо, пускай подхрапывать, так ведь и это не беда – натерпелся вчера страха, пусть теперь отдохнет. В эту блаженную пору все имеют право на маленькие радости. Как, например, вот эти молоденькие девушки-селянки, беспечными мотыльками выпорхнувшие на дорогу.

Красивые молодые девушки, одна

черноволосая, другая блондинка, одетые опрятно, но по-домашнему, с босыми ногами, будто бы только на минутку выскочили во двор. Черноволосая пересекла дорогу под самым носом у графа, не обратив на него ни малейшего внимания, пробежала еще немного, остановилась и прислушалась.

– Слышишь? – крикнула она своей подруге. – Где-то совсем близко. Бежим скорей, а то оно исчезнет, как в прошлый раз.

– Бегу, бегу! – отвечала блондинка, заливаясь счастливым смехом. – Никуда оно не исчезнет. Оно же зовет нас, как ты не понимаешь?!

– Подожди, дай мне руку!

Девушки взяли за руки и принялись с хохотом кружиться, разбрызгивая в стороны утреннюю росу. Капли воды взмывали в воздух и искрились в тонких лучиках солнца, пробивавшихся сквозь крону деревьев. Вокруг девушек заиграла радуга.

Граф резко натянул поводья и остановил коня. Он напряженно прислушивался, пытаясь

уловить мелодию, которая так захватила танцующих девушек. Они не просто слышали ее. Мелодия окутывала их, казалось, вполне осязаемым покрывалом, и звала, звала за собой.

Девушки остановились, запыхавшись. Они снова рассмеялись, и, не расцепляя рук, пошли навстречу зовущей их мелодии. Руки они подняли вверх и слегка размахивали ими в такт музыке. словно два тоненьких деревца раскачивались под теплым ласковым ветерком.

Девушки скрылись в листве, но музыка не исчезла. Теперь граф тоже слышал ее. Она кружилась вокруг него, она была всюду: в листьях деревьев, в росе на травинках, в бликах солнечного света, в свежести раннего утра.

Он и раньше воспринимал эти звуки, но бессознательно. Они казались ему дуновением ветра, шелестом листвы, стрекотанием цикад или пением птиц. Мелодия преследовала его все это волшебное утро.

А на самом деле... на самом деле это и было пение. Странное, непривычное и завораживающее. Нечеловеческое пение!

Граф с детства слышал рассказы о песнях эльфов. Легенды говорили о них как о самой прекрасной музыке, которая только может существовать. Ребенком ему иногда снилось эти песни, но, проснувшись, Энимор никогда не мог вспомнить мелодию. И вот теперь он слышал ее наяву.

Без сомнения, это была эльфийская музыка. Если кто и мог так петь, то только эльфы. И дело даже не в том, что человек не в состоянии взять такие высокие и чистые ноты. Никому бы в голову не пришло соединять их подобным образом. Непривычное сочетание звуков не позволяло разобрать слова, возможно, их там и вовсе не было. Но смысл не становился от этого менее понятным. Неведомый певец действительно звал, манил к себе. Мелодия не просто брала за душу, а выворачивала ее, вытягивала из тела, и не оставалось другого выхода, кроме как

спрыгнуть с коня и покорно следовать за своей рвущейся куда-то душой.

Энимор спешился, взял поводья и привязал коня к дереву. Он уже был готов отправиться вслед за девушками, но громкий, совсем не музыкальный хруст за спиной заставил графа обернуться. Ну, конечно – робот не мог так же бесшумно идти по лесу, как его хозяин, не наступая на сухие сучья и не обламывая преграждавшие дорогу ветки кустарника. И сейчас его тяжелая, шумная поступь казалась графу настоящим преступлением. Рыцарь с чистой совестью разрубил бы неуклюжую железяку пополам, но не хотел, да и не мог отвлекаться от чарующей мелодии. Граф на ходу достал из кармана камзола пульт и деактивировал робота. Тот застыл железной статуей за спиной рыцаря.

Теперь уже никто не помешает наслаждаться музыкой. Насчет слуги граф не беспокоился – недотепа Брик так и не проснулся, разве что перестал портить мелодию своим непотребным храпом. И

рыцарь отправился вслед за девушками с улыбкой на лице, не менее счастливой, чем у них.

Несколько минут все убыстряющейся, срывающейся на бег ходьбы, и он очутился на большой, светлой лесной поляне. В самом ее центре струился водопад. Он неторопливо лился широким вертикальным потоком, который начинался из ниоткуда и исчезал в никуда. Над поляной просто стояла вертикальная стена ниспадающей воды. Водопад искрился в утреннем солнечном свете и переливался всеми цветами спектра.

Музыка лилась прямо из водопада. Легкая, неуловимая, чарующая. Только такая и могла звучать в тишине этого раннего летнего утра.

Однако на этом утреннее очарование заканчивалось. Шагах в пятидесяти от водопада стоял ярко раскрашенный фургон, запряжённый парой лошадей из породы гномьих тяжеловозов. Вокруг фургона сустились два гнома. Их угрюмые бородатые лица никак не гармонировали с окружающей

лирической картиной. Взгляд напрасно пытался отыскать в их облике признаки прекрасного и возвышенного. Звучавшая вокруг музыка явно не затрагивала тонких струн в их душах. Видимо, из-за полного отсутствия таковых.

Гномы были заняты – они заталкивали в фургон одну из повстречавшихся рыцарю девушек, блондинку. Черноволосая со связанными руками лежала рядом на траве, ожидая своей очереди на погрузку. Обе девушки были бледны, глаза закрыты. Девушки не то потеряли сознание, не то просто спали.

Рядом с фургоном стоял трехногий табурет, на котором восседала омерзительной внешности старуха. Седые нечесанные волосы почти закрывали ее лицо, серая грязная хламида скрывала фигуру.

Старуха держала на коленях пряжу и веретено. Прясть старуха явно не умела, но отчаянно пыталась накрутить на веретено хоть немного нити. Пряжа путалась, нить рвалась,

веретено выskalзывало из грубых, мозолистых пальцев. Подбадривая себе руганью, женщина упорно продолжала свои попытки, но лишь все больше и больше запутывала пряжу.

Пока граф осматривался, из леса, чуть левее от того места, где он стоял, вышла ещё одна девушка. Она смеялась и тихонько подпевала. Выйдя на поляну и увидев водопад, она нисколько не удивилась, будто и ожидала его здесь встретить. Девушка осторожно приблизилась к водопаду, и осталась стоять, как зачарованная, разглядывая переливающиеся струи и слушая эльфийское пение.

Разумеется, никаких эльфов рядом не оказалось, да они и не были нужны. Достаточно только голоса. А уж гномы – мастера на всякие выдумки. Скорее всего, эльф просто пел у себя дома, а его голос гномы перенесли сюда с помощью одного из своих хитрых приспособлений. Того самого водопада, что струился посреди поляны.

Из оцепенения девушку вывел старушечий голос.

– Милая, не поможешь ли распутать мою пряжу, - проскрипела старуха со своего табурета.

Девушка огляделась.

– Бабушка, подождите, я сейчас помогу вам!

Она со смехом подбежала к старухе и наклонилась над пряжей. Ее ловкие пальцы принялись распутывать кудель. Затем девушка взялась за веретено. Поднесла к глазам, принялась внимательно рассматривать его.

– Какое у вас веретено странное, – сказала она. – А как же оно крутится?

– Давай сюда, сейчас покажу! – раздраженно ответила старуха. – Экая ты неумеха, оказывается. Вот смотри!

Девушка удивленно посмотрела на старуху. Если кто из двоих и был неумехой, то никак не она. Тем не менее, она послушно протянула веретено старухе.

С быстротой, которую никак нельзя было

от нее ожидать, старуха схватила девушку за запястье, и с силой сжала. Девушка ойкнула и попыталась вырваться. Но ее держали мертвой хваткой. Свободной рукой старуха вырвала веретено из побелевших пальцев пленницы. Примерившись, она быстро ткнула девушку в предплечье острым концом веретена. На коже выступила капелька крови.

Девушка опять вскрикнула.

– Ой, бабушка, что вы де...

Договорить бедняжка не успела. Она побледнела, обмякла и упала на траву. Старуха отложила пряжу и склонилась над девушкой. Та неподвижно лежала на траве, глаза закрыты, грудь почти не шевелится при слабом редком дыхании.

– Порти, Дорти! – гаркнула женщина отнюдь не старушечьим голосом. – Забирайте девку!

Гномы к этому времени уже успели погрузить черноволосую, и наблюдали за происходящим из-за фургона. После окрика старухи они подошли к девушке, подняли ее на

руки и понесли к фургону. Они двигались споро, сноровисто. Видно было, что занимаются гномы подобным делом не в первый раз.

Старуха поднялась и выпрямилась во весь рост. Она была невысока, как и ее сообщники-гномы, но в плечах шире, чем самый крепкий из них. Неразборчиво ругаясь про себя, она содрала с головы седой парик с косами, и с ненавистью бросила его на землю. Неуклюже топчась на месте, сняла с себя старушечье платье, и с облегчением выпрямилась.

Теперь на поляне стояла молодая крепкая гномиха. Она подобрала с травы платье с париком и сунула их в большой заплечный мешок, который достала из фургона. Из того же мешка гномиха вынула ярко оранжевый жилет и надела на себя. За жилетом последовал шахтерский шлем, который она с видимым удовольствием нацепила на голову. Подняла руки, нащупала ремешок и завязала его под подбородком.

В таком виде она подошла к водопаду и

внимательно оглядела свое отражение. Поправила чуть криво сидящий шлем, одернула жилет. Вполне довольная собой, гномаха повернулась и направилась обратно к фургону.

— Уф, наконец-то можно нормально одеться. Без каски и жилета чувствую себя голой. — Она повернулась в сторону фургона и скомандовала громким грубым голосом, — Эй, Дорти, выключай шарманку, хватит на сегодня! Порти, отвязывай лошадей, и уходим отсюда!

Гномы уже спрятали девушку в фургон. Один из них, видимо, Дорти, подошел к водопаду. Он сунул руку в воду по самое плечо, что-то там нащупал, и с хрустом повернул. В тот же момент музыка смолкла, и водопад исчез.

Посреди поляны стоял лишь гном с вытянутой вперед рукой. В ладони он все еще сжимал странного вида предмет, который на глазах становился прозрачным, уменьшался и через несколько секунд исчез вовсе. Дорти

шумно высморкался себе под ноги, вытер ладонь об штаны, и побрел обратно к фургону.

Наваждение летнего утра пропало окончательно. Вместе с ним прошло и оцепенение, сковывающее графа все время, пока он наблюдал за происходящим. Он уже догадался, чему стал невольным свидетелем, но все еще отказывался верить собственным глазам. Неужели в центре Королевства творятся такие гнусные дела? Энимору приходилось слышать множество странных и страшных рассказов о бесчинствах иноземцев, и обычно он тут же забывал про них. Но теперь уже некому было сказать «ерунда», не от кого отмахнуться и некого объявить выдумщиком.

Поющий водопад, приманивающий девушек; старуха с веретеном, коснувшись которого девушки засыпали нехорошим сном — это же откровенное злодейство. Более того, все говорит о том, что это продуманная и отработанная операция. Сколько слухов ходит о том, что в Королевстве пропадают

молоденькие девушки. И вот, оказывается, как это происходит!

Граф почувствовал, как закипает. Он вышел из-за деревьев и гордо выпрямился.

– Эй, вы! – крикнул он. – Вы что здесь устроили? Немедленно прекратите беззаконие и освободите девушек!

Гномы сначала закончили собирать в фургон свое имущество, и только потом неохотно обернулись.

– Вот дела! – проворчал тот, которого гномиха называла Порти. – А этот-то что здесь делает?

– А я почему знаю? – огрызнулся второй гном. – Не должно его здесь быть и точка.

– Эй, Марга! – Дорти повернулся к фургону. – Выгляни на минутку. Тут у нас гости.

Из фургона высунулась голова гномихи.

– Кто там еще?

– Да вон, на краю поляны, благородный дон стоят. И кричат так грозно, что сил нет. А как он здесь оказался, мы понять не можем.

Ведь пение только на девок действует.

– Не только, – возразила гномиха, приглядевшись к фигуре графа. – Бывает еще, что и на влюбленных идиотов.

– И что теперь с ним делать? – спросил Порти.

– Дайте ему разок по голове, чтобы забыл все, что здесь видел, – равнодушно распорядилась гномиха и снова спряталась в фургоне.

Больше всего Энимора рассердило, что о нем говорили, как о чем-то неразумном, не способном ничего понять, как о роботе. Хотя... спасибо, что напомнили. Ну что ж, сейчас он им покажет. И граф с усмешкой набрал на пульте код активации. Почти в то же мгновение позади послышался хруст веток под тяжёлыми ногами робота.

– А ну-ка, идите сюда, уроды бородатые! – крикнул рыцарь. – Посмотрим, кто кому по голове надаёт.

Гномы переглянулись, и достали из фургона каждый по огромному боевому

топору. Солнце зловеще отразилось на блестящей поверхности знаменитой гномьей стали. Гномы двинулись через поляну навстречу графу.

Энимор почувствовал, как его кровь побежала быстрее. Так вот вы как? Похищения девушек вам мало, вы теперь еще и на убийство решились? Он сжал в руках пульт. Вчерашний опыт схватки с лесными разбойниками робот, конечно же, запомнил, и это поможет ему сегодня. Да, придется роботу опять действовать в полную силу.

Граф вздохнул. Он не виноват. При самом печальном исходе, похищенные девушки послужат ему оправданием. Такое злодейство прощать нельзя.

Пальцы сами ввели код команды действовать на поражение противника. На полное его уничтожение.

Время, однако, шло, а робот почему-то не торопился выполнять приказ. Небрежно поигрывая тяжеленным оружием, гномы приближались. На их лицах играли нехорошие

улыбки.

Новым кодом с пульта граф скомандовал робота «вперед». Безрезультатно. Робот по-прежнему стоял, как столб, даже не поднял руки. Что за ерунда? Неужели, этот разгильдяй Брик так ничего вчера и не починил?

Граф, косясь на гномов, остановившихся в нескольких шагах от него, быстро набрал на пульте код диагностики. Дисплей тут же высветил странное, никогда прежде не встречавшееся графу сообщение: «Команда аннулирована контрольным блоком, согласно директиве номер один».

Разумеется, ни о какой директиве Эннимор никогда не слышал. Но сразу понял, откуда она взялась. Что ж, весьма разумно со стороны гномов, продавая роботов людям, позаботиться о том, чтобы самим не пострадать от своих же созданий.

Директива номер один не описывалась ни в одном из томов технической документации, не упоминалась ни в одной из инструкций. Но она присутствовала в базисной программе

каждого робота.

Директива была проста, как и ее название. «Робот не может причинить вред гному или своим бездействием допустить, чтобы гному был причинен какой-либо вред» – так записано на самом первом уровне памяти всех роботов. Ни один робот не покинет мастерскую, пока начальник смены не убедится, что изделие запомнило и научилось выполнять директиву номер один. Люди, джинны, эльфы и все остальные не имеют для робота никакого значения. Но гномы, его создатели, всегда должны чувствовать себя рядом с ним в полной безопасности.

– Вот, значит, как?! – в ярости завопил граф. Кровь бросилась ему в голову, от гнева он почти не отдавал отчета в собственных действиях. – Думаете, всё предусмотрели? Так нет же, я вас собственными руками...

Откинув в сторону ненужный уже пульт, Энимор сжал кулаки и бросился на гномов. Отчаянный рыцарь успел сделать два шага вперёд, не обращая внимания на сгущающийся

вокруг него туман эльфийского заклинания. Удар молнии помешал ему выполнить обещание.

Через несколько секунд туман рассеялся. Гномы равнодушно смотрели на распростертое на траве неподвижное тело графа Энимора.

– Может, отрубить ему башку? – задумчиво сказал Дорти.

В этот момент к ним подошла Марга.

– Вы чего это надумали! Чего за топоры схватились, а? – грозно спросила она.

– Да вот, он же первый начал, – неуверенно стал оправдываться Дорти. Более трусливый Порти уже спрятал свой топор за спину, и боком отступал по направлению к фургону.

Марга размахнулась и отвесила Дорти подзатыльник. От удара его шлем прогнулся. По поляне прокатился звон.

– Только мокрухи мне здесь не хватало! У тебя в голове не мозги, а пустая порода! Он же все равно вам ничего не мог сделать.

– А ну как расскажет?

– Ничего он не расскажет, – рассудительно ответила гномиха. – Во-первых, после удара заклинанием он все забудет. А во-вторых, если и вспомнит, то никто ему не поверит. На то и Ухарские леса, чтобы девушки безвинно пропадали. Ни гномы, ни эльфы тут не при чем, все это знают.

– Так я и говорю, может, и его тоже... того? – попробовал еще раз Дорти.

– Чего «того»! Благородных донов нам трогать нельзя. Благородный дон не крестьянская дочка, сразу допытываться начнут, что и как, – отрезала гномиха. – Да и не платили нам за него!

С этими словами Марга развернула Дорти лицом к фургону и подтолкнула. Сама она еще некоторое время постояла, пристально глядя на графа.

– Интересно, – пробормотала она, – в кого этот красавчик так влюблен?

Потом повернулась и тоже пошла к фургону.

Глава 13

Гном Эйтли заперся в своей лаборатории. Его сердце было не на месте. Весь тщательно продуманный план рушился. Самое обидное состояло в том, что он не ошибся в своих расчетах. Инопланетный корабль действительно появился. Он вращается вокруг планеты. Гном давно уже рассчитал параметры орбиты и провел не одну ночь, разглядывая корабль пришельцев в телескоп.

Неделю назад от корабля отделился небольшой аппарат, что-то вроде посадочной шлюпки, и устремился к планете. Эйтли следил за его приближением. Вначале все шло просто великолепно – шлюпка направилась точно к Авилону. Но потом ее полет стал абсолютно непредсказуемым, и гном потерял ее из виду. Скорее всего, она потерпела крушение где-то в пустыне. Теперь оставалось надеяться, что оставшиеся на корабле члены экипажа помогут тем, кто находился в

посадочном аппарате. И, в конце концов, они все же прилетят к принцессе на этой или другой шлюпке. Или посадят возле Авилона весь корабль, это будет совсем замечательно, и так эффектно.

О том, что корабль пришельцев мог оказаться одноместным, ученый старался не думать.

И на все про все у него остался один единственный день. Эйшли зябко поежился. Внезапно он очнулся от ступора. Пока есть время, надо действовать. Он открыл дверь и позвал подмастерье. Гном-подросток по имени Шолли был еще совсем молод и годился пока на самые простые работы.

— Где ты шляешься, бездельник, — взревел старик, вымещая ярость на подчиненном.

— Да вы же сами велели прибраться, — лениво ответил парень

— Я велел порядок навести, а не сидеть с книгой. Все, можешь считать, что от уборки я тебя освобождаю. Возьми подзорную трубу, и лезь на крышу.

Радость, появившаяся было на лице паренька, сменилась удивлением.

— А что мне там делать? Ворон считать?

— Я тебе поострю. — Рука старого гнома с треском опустилась на макушку Шолли.

Человеческий череп мог бы и не выдержать подобного обращения. Парень же лишь слегка дернул головой.

— Чего вы деретесь! Я только спросил!

— Мал еще, чтобы спрашивать. Лезь на крышу и смотри в оба. Как только увидишь, что кто-то подлетает к городу, немедленно дай мне знать.

Парень пожал плечами, взял трубу и треногу и полез вверх по винтовой лестнице. Уже у самого выхода на крышу он остановился и крикнул:

— А на чем лететь-то будут?

— На чем надо, на том и прилетят, — буркнул в ответ Эйтли. — Главное, не прозевай и сразу же зови меня!

Гном проводил глазами подмастерье, и обернулся к странному устройству, стоявшему

в углу лаборатории. Взял отвертку и снял верхнюю крышку. Пригляделся. Среди хитросплетения всевозможных приспособлений в самой глубине машины, словно ее сердце, ритмично мигал большой темно-вишневый кристалл. Он вспыхивал и гас в ему одному понятном ритме: три коротких вспышки, затем три длинных и еще три коротких.

Гном удовлетворенно кивнул головой и поставил крышку на место. Все было в порядке. Оставалось только ждать.

Сверху раздался истошный крик Шолли.

– Летит, летит!

Не помня себя от радости, Эйнли взобрался по лестнице.

– Где?

– Вон, видите?

Гном разочарованно вздохнул.

– Так ведь это просто ковер-самолет!

Он отвесил ученику еще один пушечный подзатыльник. Тот немедленно взвыл. Не столько от боли, сколько от незаслуженной

обида.

— Сами же сказали, если кто полетит, чтобы я кричал. Сами сказали, а сами дерутся!

— Дурак, — коротко ответил гном. Только теперь одышка достала его, и он прислонился к парапету, чтобы прийти в себя. — Я жду необычного гостя. Я и сам не знаю, как будет выглядеть его корабль, но это точно не ковер-самолет. Я жду, скажем так, иноземцев. А это обычный джинн.

Ученик покосился на учителя.

— Господин Эйнли, а можно я скажу вам одну вещь?

— Ну?

— Только вы обещайте, что не будете больше бить меня.

— Ну!

— Это не обычный джинн. Если по правде, я думаю, что они и не джинн вовсе.

Эйнли лениво протянул:

— И почему же ты считаешь, что это не джинн?

— А вы приглядитесь. Видите, вокруг ковра

нет дыма. А джинны всегда курят кальян, когда летают.

– Да мало ли что. Может, у него весь табак вышел. Или в газете прочитал, что курить вредно.

– Да нет же! Я специально в телескоп посмотрел, у него даже кальяна нету. И одет он как-то странно. И не по-джинновски, и не по-нашему.

– Что?! – закричал Эйнли. – И ты молчал! Дай мне немедленно телескоп, дубина!

И снова отвесил ученику подзатыльник.

– А-а-а! – заорал тот, размазывая по лицу слезы. – Уйду я от вас, уйду! Не могу так больше. Вон меня кузнец к себе второй месяц зовет. Уйду.

Но гном не слышал ученика. Он прилип к окуляру телескопа и внимательно рассматривал человека, сидящего на ковре. Сердце гнома билось так сильно и часто, что, казалось, заполнило собой все окружающее пространство. Кроме этого стука, в мире Эйнли осталось лишь небольшое место, в

котором поместилась одна крошечная мысль: «Получилось! У меня все получилось!! Он прилетел!!!».

Ковер шел низко над землей, поднимаясь над холмами и опускаясь вновь, когда летел над низинами. Махмуддин пожадничал и всучил Коле старого знакомого – тот самый коврик, на котором землянин прилетел в его дворец. Правда, продовольствием джинн снабдил Колю от души – добрая половина ковра была завалена тюками с провизией.

Кроме этого, джинн при расставании сделал еще один, действительно бесценный подарок – вручил полную флягу вигрина.

Ковер летел самостоятельно. Коля так и не научился управлять этим средством передвижения, но в его помощи не было необходимости. Джинн обратился в лавку к гномам, и те соорудили для коврика нечто вроде автопилота, который соединили с Колиным коммуникатором. Теперь ковер шел точно по пеленгу.

«Скоро всей этой чертовщине наступит конец, — думал довольный Коля. — В ближайшее время я встречу своих соотечественников. Ну а уж вместе мы что-нибудь придумаем, чтобы выбраться с этой планеты. Хватит с меня джиннов, хватит их чудес, я хочу вернуться домой к нормальной жизни и обычным людям».

Операция по возвращению Махмуддина ко двору прошла триумфально. Падишах, конечно, сначала наорал на него. Да так, что бедняга Махмуддин решил, что прощение было лишь хитрым трюком, для того, чтобы выманить его из пустыни. Когда джинн вплотную приблизился к предынфарктному состоянию, падишах внезапно изменил тон и потребовал показать обещанную игрушку.

Дальше все пошло как по маслу. Падишах оказался прирожденным геймером. Он играл двое суток подряд, и вышел к приближенным усталый, измученный, но крайне довольный. Махмуддин был полностью реабилитирован и восстановлен в своей должности.

На радостях он не стал увиливать от своего обещания и действительно отправил Колю на поиски попавших в беду землян. Правда, перед прощанием джинн уговорил его подписать пергаментный свиток, в котором говорилось, что Махмуддин является исключительным дистрибьютором компьютерных игр с Земли на всей планете. Коля подписал, не высказывая своих сомнений в легитимности подобной лицензии.

И вот теперь он летел на стареньком коврике, с каждой минутой приближаясь к цели. Пустыня страны джиннов давно кончилась. Теперь ковер летел над зеленой равниной, обильно поросшей лесом. То тут, то там мелькали расчищенные участки земли. На них раскинулись поля пшеницы и других злаков. Возле полей притулились деревушки. По берегам рек тянулись зеленые заливные луга. На холмах возвышались хорошо укрепленные замки.

Ковер быстро пролетал мимо пасущихся на пастбищах коров и овец, мимо крестьян,

работавших на полях, мимо путников, бредущих по извилистым лесным дорогам. Все это было удивительно похоже на Землю. Правда, на Землю в далеком средневековье.

– Будем надеяться, что до инквизиции они здесь не додумались, и меня не сожгут на костре за мои полеты, – сказал себе Коля.

И в самом деле, встречные глядели на него с любопытством, но без особого удивления, и тем более без страха. Они явно уже были знакомы с подобным способом передвижения. Бабы, завидев ковер, начинали о чем-то судачить; мужики обменивались короткими репликами, сплевывали на землю и продолжали прерванную работу. Молодые девушки застенчиво улыбались и провожали Колю томными взглядами – космонавт, в своем комбинезоне «Роскосмоса» был и в самом деле хорош. Дети, как это водится во всех мирах, с криками «Летит, летит!», бежали вслед за ковром-самолетом, пока он не срывался из виду.

Внезапно Коля обнаружил, что ковер

сбавил скорость и подозрительно низко опустился над землей. Он посмотрел на столбик указателя вигрина. Так и есть, старая история. Опять у него кончается топливо. Видимо, плохо отрегулированный старенький движок потреблял вигрин выше нормы. Требовалась дозаправка.

Коля вспомнил, что джинн рассказывал, как, уходя от погони, скормил ковру-самолету весь свой запас вигрина. «Ну что ж, попробуем», – решил Коля. Он снял с пояса фляжку и, долго не раздумывая, капнул несколько капель на ковер.

Раздалось шипение, от ковра пошел дымок, который быстро превратился в небольшое, но яркое пламя. Ругаясь, что на коврах самолетах не предусмотрены огнетушители, Коля сорвал с себя куртку и лихорадочно принялся колотить ею по ковру, чтобы погасить огонь.

Через минуту пламя угасло, но в том месте, где вигрин коснулся ковра, осталась дыра размером с футбольный мяч. Края у дыры были обуглены и продолжали слегка

дымиться. Сквозь прожженное отверстие неприятно виднелась убегающая земля.

Ковер тяжело перенес пожар. Он почти остановился и весь подрагивал.

– Ну, извини, – сказал Коля. – Я ведь хотел как лучше.

Ковер неопределенно помахал в воздухе левой передней кистью, мол, понимаю, только больше так не делай.

– Постой, но ведь тебе нужна заправка, правильно?

Ковер тут же подтвердил, вытянув кисть вверх. Он, похоже, не забыл систему общения с Колей, выработанную ими во время первого совместного полета.

– Тогда подскажи, как мне тебя заправить!

Ковер поднял вверх правую кисть, неуловимо взмахнул ей и превратил в небольшую воронку.

– Ага, – сообразил Коля, – накапать тебе сюда?

Левой кистью ковер подтвердил, что да.

– А сколько? – продолжал допытываться

Коля. Он не хотел больше рисковать, одного пожара ему хватило за глаза.

Ковер сделал движение, которое означало бы пожатие плечами, если бы таковые у коврика имелись.

— Ладно, не будем жадничать.

Коля подполз к краю ковра, и аккуратно стал капать вигрин, стараясь попасть точно в воронку. Капли на секунду вспыхивали, соприкасаясь с ковром, и тут же исчезали. Накапав, по его мнению, достаточно, Коля поднял голову и взглянул на указатель топлива. Столбик был полон.

Коля закрутил крышку и вернул флягу к себе на пояс.

— Ну вот, первая в истории российского космофлота дозаправка в воздухе ковра-самолета завершилась благополучно. Или почти благополучно, — добавил Коля, с опаской косясь на прожженную им дыру. — А теперь полный вперед!

Воронка на правой кисти исчезла, а левая на мгновение поднялась вверх, изогнулась и

замерла, отдавая честь. По коврику пробежал дрожь, он поднялся выше и прибавил в скорости. Стараясь не провалиться в дыру, Коля вернулся на свое место.

Вскоре впереди показался город. Коврик устремился туда и Коля понял, что путешествие подходит к концу. Город был внушителен. Даже с такого расстояния его неприступные стены высились над окружающей равниной, всем своим видом показывая, что он никогда не покорялся врагу.

Приблизившись, Коля разглядел, что на стенах царит суматоха. Однако город не готовился к отражению нападения. Происходящее на стенах напоминало скорее генеральную уборку. «Уж не к моему ли приходу готовятся?» – усмехнулся Коля. Долго размышлять на эту тему ему не пришлось, и через пару минут коврик плавно приземлился перед городскими воротами.

В отличие от стен, городская стража не производила впечатление неприступной. Двое стражников, хотя и носили оружие, но в ход

его, похоже, пускали не часто. Их добродушные улыбающиеся физиономии также не походили на угрюмые лица стражников в стране джиннов.

Коля решил, что это добрый знак. «Как хорошо оказаться среди своих!» – вспомнил он слова джинна. Землянин слез с ковра и подошел к стражникам. Улыбнулся.

– Здравствуйте! Я могу войти в город?

Лица стражников неожиданно вытянулись в удивлении. Они уставились на что-то за спиной Коли. Он обернулся, и вовремя. Все Колины вещи, включая коммуникатор, лежали аккуратной кучкой на земле. А ковер-самолет, его верный коврик, уже успел подняться в воздух и удалялся обратно на максимальной скорости.

– Ай да Махмуддин, старый жмот! – пробормотал Коля. – Все-таки надул меня. Ладно, похоже, я у цели.

– Так я могу войти? – обратился он снова к стражникам.

Те зашушукались. Наконец пришли к

решению.

– Подождите, пожалуйста, здесь. Мы позовем начальника стражи.

Как Эйшли ни торопился, он все же опоздал. Удивляться здесь нечему – усиленные занятия фундаментальными научными исследованиями не способствуют гармоничному развитию личности. Из всех мышц у ученых развиты лишь ягодичные. Да и те, только выглядят накачанными, хотя на самом деле это обычные мозоли. (Заметим в скобках, что занятия прикладными науками также не укрепляют физическую форму ученого, если, конечно, его исследования не связаны с изобретением новой модели велосипеда.)

Добираясь до городских ворот, Эйшли вспотел, запыхался, и несколько минут мог лишь вращать головой и размахивать руками. Начальник стражи усиленно пытался его понять, но тщетно. Наконец, гном отдышался и смог выговорить:

– Пришелец, где пришелец?

– Пришелец? – переспросил начальник охраны.

– Человек в голубом комбинезоне, который прилетел на ковре-самолете.

– А, этот, – протянул стражник. – Да, был тут один. Он ваш знакомый?

– Ну, – неопределенно протянул гном. – В некотором роде.

– Так вот, передайте ему, что приличные люди так не поступают. Ему по-хорошему объяснили, что сегодня вход только по приглашительным билетам от его величества. А он полез драться. Вот, смотрите.

И начальник стражи показал на одного из стражников. Тот, сконфуженный, стоял в стороне и прикладывал к носу окровавленный платок.

– Мы ему вежливо сказали, мол, подождите до завтра, и тогда милости просим. На турнир все равно успеете. А сегодня в городе праздник, и посторонним входа нет. А он закричал что-то про терпящих бедствие. Я

попробовал его успокоить, объяснил, что в городе все в порядке, и спасать никого не надо. Идите в деревню, сказал я ему, там есть постоянный двор, а завтра возвращайтесь.

Начальник стражи полез в карман, достал носовой платок и принялся вытирать вспотевший лоб.

— Ну! — потребовал гном. — А дальше что случилось, где пришелец?

— А что дальше? Дальше он полез драться, заехал в живот Гремму и расквасил нос Протту. Тогда я вызвал полицейского робота, чтобы арестовать нарушителя. Все как положено.

— Да где же он, тролли вас всех побери? — взревел Эйнли. — Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Да не знаю я, где он. Этот ваш знакомый достал какую-то штуку и расплавил нашего робота. — Начальник стражи кивнул в сторону, где в луже жидкого металла дымилась кучка железного лома, еще недавно бывшая роботом. — Потом он растолкал стражу и убежал в

город.

Почтенный ученый зарычал, как лесорубный комбайн, и бросился обратно.

– Господин Эйнли, – крикнул ему вдогонку начальник стражи. – Пожалуйста, засвидетельствуйте перед королем, что мы действовали, как положено. А больше мы ничего не можем сделать.

Эйнли быстро удалялся.

– И передайте вашему другу, чтобы не дрался! Это нечестно! – как мог громко, крикнул ему вслед начальник стражи. Затем повернулся к подчиненным. – Пойдем, Протти, у меня в караулке есть лед, приложишь к носу.

Эйнли прошел сквозь арку ворот, и бросился бежать обратно во дворец. По дороге он лихорадочно размышлял. Сомнений не было, у пришельца есть прибор, указывающий направление на источник сигнала. Рано или поздно он доберется до башни с лабораторией. Но у входа во дворец тоже есть стража. Если этот троллев пришелец устроит и там скандал,

тогда жди неприятностей. Дворцовая стража – это вам не недоумки, стоящие на городских воротах. Там шутить не любят. Королевская стража состоит из наемников, на которых заклинание не распространяется. Да и роботов там предостаточно.

– Повяжут сейчас моего инопланетянина, а потом доказывай, что это иноземный принц, да еще жених нашей принцессы. Ох, ты, вот ведь беда какая! Надо же, какой шустрый инопланетянин попался! – приговаривал себе под нос Эйнли, не думая, что этим окончательно собьет дыхание. Как мы уже отмечали, придворному волшебнику не часто приходилось бегать на длинные дистанции.

У дворцовых ворот Эйнли застал следующую картину. Там развернулось настоящее сражение. Коля стоял, прислонившись к стене. В правой руке он держал бластер, а окровавленную левую прижимал к груди. Космонавта окружала группа вооруженных охранников,

размахивающих мечами. Между противниками уже лежало два дымящихся, полностью выведенных из строя робота. Еще двое стояли неподалеку и, в растерянности, переминались с ноги на ногу. Вокруг начали собираться городские зеваки. Со стороны дворца, к воротам спешила группа встревоженных придворных.

Ситуация сложилась патовая. Нападавшие не решались снова атаковать, но и отступить они явно не собирались. В свою очередь, Коля пока был в относительной безопасности, но выбраться из плотного кольца стражников не мог.

Должность придворного волшебника учит быстро соображать, и еще быстрее действовать. Эйшли полез в карман и достал оттуда большой темно-вишневый кристалл. Он несколько раз быстро сжал его в ладони, а затем бросил прямо в гущу толпы.

Сам гном благоразумно свернул за угол, плотно зажмурил глаза и заткнул пальцами уши. Даже несмотря на принятые меры

предосторожности, Эйтли почувствовал что его шоковое заклятие сработало. В ушах раздался громовой удар, в закрытые глаза ударил яркий свет.

Когда участники битвы и окружившие их зрители пришли в себя, то обнаружили, что между стражей и прижатым к стене чужаком стоит неизвестно откуда появившийся гном. Как только к стражникам вернулась способность соображать, все узнали в гноме главного дворцового волшебника, что никому не прибавило оптимизма.

Эйтли не стал терять времени и продолжал развивать успех. Он разглядел среди нападавших стражника с сержантскими нашивками и со свирепым видом обратился к нему.

– Что здесь происходит?

Сержант оторопело смотрел на ученого соотечественника. С его точки зрения все произошло следующим образом: сначала он атаковал прижатого к стене чужака, потом раздался грохот и яркая вспышка, а затем

перед ним лицом к лицу оказался разъяренный дворцовый волшебник. Следует признать, что такие вещи производят сильное впечатление и на людей более образованных, чем сержанты дворцовой стражи.

– Пытаемся задержать нарушителя, сэр!

– Почему вы посмели напасть на благородного принца? – Эйтли указал на Колю. Тот, почувствовав изменение в обстановке, счел за лучшее просто помалкивать и наблюдать.

– Сэр, у него не было ни пригласительного билета, ни других документов.

– Меня не интересуют ваши отговорки. Я спросил «почему»?

– Так я же и объясняю, – совершенно растерялся сержант.

– Почему! – взревел Эйтли. Для гномов это не проблема, а вот среди людей такой рык умеют издавать только унтер-офицеры.

В сержанте сработал армейский инстинкт и он, наконец, дал единственно правильный ответ.

– Виноват, – гаркнул сержант и вытянулся по стойке смирно, ожидая новых приказаний.

– Вот так, – удовлетворенно проскрипел Эйнли и закашлялся. Возраст брал свое и его старческий голос уже мало подходил для подачи команд на плацу. – Теперь немедленно отзови своих солдат, и пусть они очистят площадь от любопытных. Нечего им попусту глазеть на благородного принца.

Сержант проорал команду, и кольцо стражников вокруг Коли распалось. После еще одной команды они развернулись и, с тем же усердием, с которым минуту назад атаковали чужеземца, принялись расталкивать толпу.

Эйнли подошел к Коле и отвесил ему поклон, с изяществом, которого никак нельзя было ожидать от существа, только что оравшего на «унтер-офицерском командном».

– Благородный принц, позвольте проводить вас в предназначенные для вас покои.

В Коле сохранилось достаточно благоразумия, чтобы не начать тут же

выяснять, а не принимают ли его за кого-то другого. Он, как ему хотелось верить, «милостиво» кивнул головой, и, опираясь на плечо гнома, побрел через дворцовый двор к возвышавшейся в дальнем конце высокой старой башне.

Глава 14

Разговор Коли с гномом Эйнли отличался скорее длительностью, чем разнообразием. В конце концов, и сами собеседники заметили, что топчутся на одном месте.

– Так, скажи мне еще раз, кудесник, – строго и торжественно произнес Коля. – Ты уверен, что здесь нет никаких космонавтов, попавших в аварию?

– Я не кудесник, а ученый! – обиделся гном.

Коля подумал, что после рассказов почтенного Махмутддин-аглая не видит

особой разницы между этими двумя профессиями, но спорить не стал.

– Хорошо, академик, так ты уверен?

– Абсолютно уверен, господин Коля!

Собственно, он повторял это уже раз пятый, а вот дальше разговор заклинивало.

– А почему ты уверен?

Эйнли оглядел комнату, словно прося поддержки у своих любимых книг и инструментов. Но никто не горел желанием прийти на помощь. Манускрипты важно надули бархатные и кожаные корешки, не желая расточать свою мудрость по столь ничтожному поводу. Тихо и равнодушно гудел в нише между стеллажами старый патрульный робот, которого ученый гном выпросил у городской стражи и приспособил для наводки большого телескопа. Эйнли так им гордился, что даже называл по имени – полицейский Эрник. Именно он помог гному обнаружить Колин корабль, а потом следить за траекторией посадочной шлюпки. И вот теперь делает вид, будто дальнейшее его

никак не касается. Прямо как бездельник Шолли – пока не попросишь, сам с места не сдвинется. Да и толку с него сейчас не много – хитрить, изворачиваться роботы не умеют. А говорить правду давно уже разучился сам Эйнли, с того самого дня, как занял место придворного мудреца. Но что бы такого придумать, чтобы гость больше не приставал со своими каверзными вопросами?

– Да хотя бы потому, что списвист за последние полгода ни разу не чирикнул, – нашелся, наконец, гном.

Не поверить такому весомому аргументу было очень трудно, а поверить – совсем глупо. Во всяком случае, до тех пор, пока не разузнаешь, кто такой этот списвист, и почему он должен чирикать.

– Это что еще за птица?

– Не птица, а рыба, – снова обиделся Эйнли. – Видите, там, в углу, на верхний полке аквариум. В нем-то посвист и живёт. Нет, не старайтесь разглядеть – он сейчас зарылся в песок и спит. Он почти всегда спит,

но когда просыпается, сразу же начинает свистеть.

– А когда он просыпается? –
автоматически спросил Коля. Когда ничего не понимаешь, лучшая тактика – продолжать задавать вопросы. Рано или поздно все-таки услышишь что-то знакомое, объяснимое.

– Видите ли, господин Коля, посвист очень чувствителен к сейсмическим колебаниям, и как только где-нибудь поблизости происходит толчок, он сразу же просыпается...

Эйнли взял паузу, надеясь, что собеседник сам уловит взаимосвязь, но Колино вопросительное «и» показало неизбежность дальнейших объяснений.

– Насколько я понял, господин Коля, ваша звездная лодка – достаточно тяжелый механизм...

– Не звездная лодка, а космическая шлюпка, – поправил гнома космонавт.

– Да-да, конечно, я ведь так и сказал, – поспешил согласиться Эйнли. – И если бы подобное ей транспортное средство

приземлилось в наших краях, списвист тотчас же отреагировал бы.

– А он, стало быть, молчал?

Голос Коли звучал устало и равнодушно, и гном попался на эту уловку.

– Молчал как рыба.

– Даже когда я гробанулся в пустыню?

– Гробо... что? – переспросил Эйнли и тут же понял, к чему клонит гость. – А-а, вот оно что! Видите ли, господин Коля, пустыня находится слишком далеко отсюда, и толчки на таком значительном расстоянии списвист не воспринимает.

Гном облегченно вздохнул, довольный своей находчивостью. Однако пилота дальнего флота так просто с толку не собьешь.

– Хорошо, а если они тоже упали в другом месте, а потом добрались в ваш город и уже отсюда подали сигнал бедствия? – продолжал допытываться Коля.

– Да не было здесь никого, сколько можно повторять?! – взвизгнул гном, на мгновение позабыв о приличных манерах.

– Столько, сколько потребуется, чтобы я поверил, – ледяным тоном парировал Коля.

И тут Эйнли сдался. Разум ученого понимал, что признаваться не следует ни в коем случае, но слишком уж много всего навалилось на него в последние дни – и надежда, и отчаяние, и внезапное спасение, которое теперь норовит превратиться в очередную, последнюю в его жизни неудачу.

– Да никого здесь не было, понимаете? – тихо сказал он. – Это я подавал сигнал, который вы приняли. Я, а не какие-то пришельцы.

С обреченным видом гном оправился в угол комнаты и сдернул покрывало со старательно замаскированного передающего аппарата. Сквозь полупрозрачный кварцевый экран отчетливо пробивалось легкомысленное подмигивание большого темно-вишневого кристалла – три коротких, три длинных и опять три коротких.

– Та-а-ак, – протянул Коля, и лицо его приняло еще более унылое выражение, чем

бородатая физиономия гнома. – Но откуда же вам известен код нашего сигнала СОС?

От Эйнли, конечно же, не укрылся так факт, что первый раз за все время разговора его называли на «вы». Но он решил пока не торопиться с выводами. Возможно, гость так поступил из-за сильного потрясения.

– Какой-такой «сигналосос»? –
поинтересовался гном на всяких случай.

– Ну, это... - огорченный Коля не смог даже подобрать слова, – пип-пип-пип, пииип-пииип-пииип, пип-пип-пип...

– Ах, вот вы о чем! – к Эйнли уже вернулась обычная уверенность, с легкой примесью чувства превосходства над невежественным собеседником. – Это же элементарно, молодой человек. Даже некоторые уличные танцовщицы – самые продвинутые, разумеется – вставляет в мелодию танца эти обертоны брачного крика самки серебристого единорога. На мужчин действует безотказно. Вот я и подумал...

– А обо мне ты подумал? – взорвался вдруг

Коля. – Получается, что я свернул с маршрута, нарушил график полетов, разбил посадочную шлюпку и вообще застрял тут неизвестно насколько - и все это из-за твоего дурацкого розыгрыша?

– Что значит «розыгрыша»? – опешил гном.

– Но здесь же некого спасать! Я-то ведь думал, что людям грозит опасность.

– Как это «некого»? – еще больше удивился Эйнли. – Людям, понимаете ли! А я что, по-вашему – не люди?

– Ну, вообще-то вы гном, - немного спокойней ответил Коля.

– А гнома, значит, не жалко? – продолжал напирать Эйнли. – Пусть ему отрубают голову – наплевать. Да вы, батенька, гномофоб!

Коля скосил глаза на свой кулон-переводчик. Во дает! На ходу слова изобретает. Ладно, посмотрим, как ты с этим выкрутишься.

– Я – гномонейтрал, – с абсолютно серьезным видом произнёс он. – Зато

землянофил.

Видимо, кулон всё-таки не справился, потому что гном обиженно замолчал. И Коля посчитал, что лучше всего исправить положение, задав пару сочувственных вопросов.

– Так какие, вы говорите, у вас неприятности?

– Да так, ничего особенного, – попытался улыбнуться Эйнли. – Просто принцесса обещала казнить меня, если сегодня к вечеру я не познакомлю ее с инопланетным принцем.

Коле даже не пришлось изображать сочувствие. Действительно, старому гному было из-за чего расстраиваться.

– И что, в самом деле, казнит, или только пугает?

– Ну, не она, так ее папочка, – обреченно махнул рукой гном.

– А папочка у нее такой зверь? – поинтересовался Коля.

– Папочка у нее король, – объяснил Эйнли.

- Да-а, дела, – печально вздохнул

землянин. – Где ж вы за пару часов принца найдете?

Гном явно ожидал услышать другие слова и в недоумении уставился на Колю.

Действительно гость такой тупой, или просто при аварии головой сильно ударился? А самому Коле молчание ученого вдруг начало казаться подозрительным.

– Э-эй, папаша! Чего затих?

Гном не шевелился. Только глазами моргал, в такт со вспышками кристалла.

– Нет, ты рассказывай, гад, чего задумал!

Три коротких моргания, три длинных, опять три коротких.

– Не-е, папаша, ты это брось... Ты, что серьезно?... Да ну, какой из меня принц?

– Какой-какой, инопланетный! – Терять Эйнли было уже нечего, кроме собственной нерешительности. – Думаете, принцесса знает, как у вас принцы выглядят? Главное – держаться уверенней.

– Так что ж, к вам на планету никто никогда из космоса не прилетал?

– Ну, может, когда и прилетали, – не стал кривить душой гном. – Время от времени появляется какой-нибудь чужак – ходит по ярмаркам и рассказывает, как его похитили зеленые человечки. Не то чтобы таким рассказам верят, но слушают охотно, да потом еще и одаривают. Но чтобы в достойных доверия хрониках говорилось о подобном – нет, не припомню.

– Значит, можно рассказывать что угодно, и никто тебя на вранье не поймает? – уточнил Коля.

– Можно-можно, – успокоил его гном. – Я очень рад, господин Коля, что вы согласились мне помочь...

– погоди, папаша! – перебил его землянин. – Я еще ни на что не согласился. Скажи-ка лучше, зачем принцессе это всё нужно?

– Что нужно?

– Да с принцем этим знакомиться.

– Ну, молодой человек, могли бы и сами догадаться, – снисходительно улыбнулся Эйсли. – Разумеется, чтобы замуж за него

выйти.

– Замуж?.. За меня?.. Насовсем?.. – Коле откровенно не хватало слов для возражения, да и мыслей, признаться тоже. – Нет, папаша, я не могу... Я ж уже женат... Меня ж начальство живьем съест... Да и вообще, мне домой пора.

Последнюю фразу он произнёс уже более уверенно, но как раз этот довод гному легче всего было парировать.

– В самом деле? И каким же образом вы намерены возвращаться? – ехидно поинтересовался Эйнли. – Лодочка ваша, насколько я понимаю, находится сейчас в аварийном состоянии. Да и отыскать ее в пустыне вы без посторонней помощи вряд ли сможете.

– Тьфу ты, черт! – Коля растерянно почесал в затылке. – Действительно, совсем из головы вылетело. А все из-за твоих фокусов...

Он представил себе картину, как идет много дней по знойной пустыне и уже обессиленный находит, наконец, свою

искореженную шлюпку.... Б-ррр!!! Где-то он про такое уже слышал. Или даже читал. Только там не космонавта говорилось, а про обыкновенного летчика. И у него путь не помощник, так хотя бы собеседник нашелся. Плел какую-ту чушь про лису и барашка, но зато хоть скучно и одиноко летчику не было. А называлась эта книжка.... М-да, похоже, от судьбы, то есть, от принца, не уйдешь.

– Слушай... те, господин Эйнли! – вдруг осенило его. – А может, вы мне поможете, а?

– В каком смысле? – не понял гном. – Вообще-то я надеялся, что это вы поможете мне.

– Ну, хорошо, – согласился Коля, – поможем друг другу. Сначала я для вас немного поизображаю принца, а потом вы поможете мне починить шлюпку.

Это был запрещенный прием. Хоть Эйнли и прожил всю жизнь среди людей, в душе он все равно оставался гномом. А ни один уважающий себя гном не откажется от предложения ознакомиться с новым,

неизвестным ему механизмом. А если еще и не забывать, что механизм этот построен в ином мире, то у Эйнли просто не оставалось выбора.

— Но, господин Коля, — на всякий случай уточнил он, — я не могу дать никаких гарантий. У вас же наверняка другие технологии, принципы работы.

— Да ладно вам! — усмехнулся землянин. — Видел я ваши принципы работы. Плеснул вигринчика, пошептал заклинания — и готово.

— Ну, не скажите, молодой человек, — Эйнли не мог не встать на защиту отечественной науки. — Если бы вы смотрели внимательней, то сразу бы поняли, что вигрин — это только движущая сила, источник энергии. А сами механизмы требуют тщательного расчета, изготовления и сборки. Да и количество вигрина необходимо определять с максимальной точностью, иначе результат может получиться совсем иным, чем планировалось.

— Ладно, уговорили! Расскажу я вам, как

моя шлюпка устроена. И даже чертежи покажу, если, конечно, компьютер еще работает.

– И я смогу потом воспользоваться этими сведениями для своих целей? – не поверил собственному счастью гном.

– А как я смогу вам помешать?

Наверное, не стоило Коле этого говорить. Эйнли мгновенно выпал из состояния эйфории, и впервые трезво оценил ситуацию.

– Постойте, господин Коля! А когда мы починим вашу лодку, вы, вероятно, сразу улетите?

– Разумеется.

– А меня, значит, потом казнят за содействие вашему побегу?

– Почему это? – удивился Коля, не успевающий за полетом гномьей мысли.

– Но ведь вы же к тому времени станете женихом принцессы.

– А вдруг не стану?

– Тогда меня казнят ещё раньше – за невыполненное обещание.

Коля хотел было спросить, какое обещание, но пока открывал рот, сам вспомнил.

И чтобы не держать понапрасну рот открытым, задумчиво протянул:

– Да-а, дела...

– Вот и я о том же, - поддакнул гном.

Однако Коля еще со времен обучения в космической академии усвоил, что безвыходных ситуаций не существует. Нужно всего лишь изменить угол зрения, посмотреть на проблему с другой стороны, и решение сразу найдется. Итак, при любом раскладе, как только Коля улетит, гнома ожидает казнь. Но не улететь Коля не может. Такой вариант даже не рассматривается. Стало быть...

– Послушайте, Эйтли! А почему бы вам не улететь вместе со мной?

От неожиданности гном чуть не подавился бородой, которую все это время задумчиво пожевывал.

– Как улететь? Куда улететь?

– А не все ли вам равно? – уверенно

продолжал Коля. — Что вы здесь собираетесь делать — дожидаться, когда снова надумают голову вам отрубить? Не лучше ли, пока все не уляжется, немного попутешествовать? Долго я вас возить не смогу — инструкция не разрешает, но до ближайшей базы подкину. А уж там вы таких механизмов насмотритесь — сами уезжать не захотите. Ну, а в крайнем случае, всегда можно найти попутку и договориться, чтобы вас обратно на Родину доставили.

— Вы... это... серьезно? — только и смог проговорить Эйнли.

— Серьезнее некуда! Всё, хватит рассусоливать! Собирайтесь, вечером уезжаем в пустыню на поиски моей шлюпки.

— Вечером? Нет, вечером не получится, — грустно покачал головой гном. — Меня сейчас так просто из города не выпустят. Да и вас, после столь эффектного появления, видимо, тоже.

Коля вспомнил, что вытворял возле городских ворот и на площади перед дворцом,

и ему чуть было не стало стыдно. Но все-таки не стало. Во-первых, он очень спешил на помощь предполагаемым соотечественникам и потому не задумывался, как выглядят его действия со стороны. А во-вторых, землянин был сильно удивлен, если не сказать растерян. Он, конечно, уже свыкся с мыслью, что все в этом мире перевернуто с ног на голову, но никак не ожидал, что странным окажется и поведение роботов. Ну, не должно быть такого, чтобы стражники-люди стояли в сторонке, а их механические помощники лезли в драку. Полная противоположность Земле, да и всему известному Коле миру, где здоровая агрессивность разумных существ традиционно выплескивается в мордобое.

Что же касается роботов, то на Земле в период их производства и неудачных попыток использования, любая агрессивность с их стороны была первоначально исключена самой конструкцией. А вот здесь, на этой чудаковатой планете, роботам нашли свое применение и сделали их идеальными

полицейскими, солдатами, а то и убийцами. Не будь у Коли бластера, он не выстоял бы в драке даже против одного из этих железных чудаков.

А ведь Махмуддин немало рассказал гостю про роботов-лакеев и роботов-дворецких? «Дорогие бесполезные игрушки, – говорил джинн, – которых содержат для престижа в богатых домах». Старый хитрец по своему обыкновению не раскрыл всей правды. У внешне неказистых и неловких местных роботов есть еще одна, менее афишируемая функция. Они еще и телохранители своих богатых владельцев.

Не те дешевые модели, которые, по словам джинна, обносят гостей напитками на приемах, а сложные дорогие механизмы, с серьезным программированием, усиленным корпусом и всевозможными наворотами, превращающими их в идеальные боевые машины. И во дворце у падишаха, наверняка, кроме полупридурочных лакеев, хранится взвод-другой механических железных солдат.

Таких же, как те, что встретили Колю у ворот королевского дворца.

И если говорить откровенно, (а хвастаться вроде бы здесь не перед кем и незачем), то разбушевался Коля больше от испуга и отчаяния, нежели из-за своего героического характера.

– Но ведь я же думал...

– Понимаю, – оборвал его Эйнли, – но король-то еще не знает, что вы думали.

– И что же теперь делать? – приуныл Коля.

– Значит, так. Слушайте меня! – Теперь, как говорят спортивные комментаторы, инициатива перешла к гному. – Где-то за тридевять земель вы слышали рассказы о красоте принцессы и тут же примчались в Авилон, чтобы увидеть ее своими глазами.

– Но ведь я, кажется, успел что-то ляпнуть о людях, которых необходимо спасти? – напомнил Коля.

– Спасать нужно вас, – объяснил Эйнли. – Ибо, если вы в ближайшее время не увидите принцессу, то умрете от огорчения. После

таких слов симпатии принцессы вам обеспечены. Она будет очарована.

– А если не будет?

– Придётся постараться, господин Коля! – съехидничал гном. – Это в ваших же интересах.

– Разве?

– А как же! Чем быстрее вы добьетесь расположения принцессы, тем раньше мы с вами сможем покинуть город. Якобы вам необходимо съездить домой, обговорить все с вашим почтенным родителем, подготовиться и только потом вернуться в Авилон, чтобы торжественно просить руки принцессы, как того требует обычай.

Тут Коле едва снова не стало стыдно.

– А как же принцесса? Я ж ее, получается... обману?

– Полноте, молодой человек, – снисходительно усмехнулся гном. – Что значит одно маленькое разочарование при ее молодости, красоте и богатстве, при таком выборе женихов?

— Ну, ладно, - немного успокоился землянин. — А она и вправду такая красивая?

- А не все ли вам равно? Вы же на самом деле жениться не собираетесь?

«Ну, мало ли что», - подумал Коля, а вслух произнес:

- Ну, мало ли что...

Подготовка Коли к первому выходу в свет продолжалась чуть более часа. Могла бы и дольше, но солнце неумолимо катилось к закату, а Эйнли ни на мгновение не забывал про срок, назначенный ему принцессой. «Лучше хуже, да раньше», - подумал он и решительно прекратил попытки Шолли все-таки подвязать какой-нибудь бант к голубому синхитиновому комбинезону Коли.

Землянин наотрез отказался облачиться в костюм местного образца, заявив, что инопланетный принц и одет должен быть инопланетно. Правда, комбинезон немного пострадал в схватке у ворот королевского дворца, но для его починки даже вигрин не

понадобился. Коля просто включил механизм автогерметизации, и через несколько минут разрез на рукаве сам собой затянулся. А следы крови и грязь Шолли удалил обычной мокрой тряпочкой.

— Ну, все, я готов! — заявил космический принц.

— Вы хотя бы камзол сверху накиньте, господин Коля! — умолял его гном. — А то ведь срам один, словно в исподнем на королевский прием отправляетесь.

— Вот еще! — презрительно хмыкнул Коля. — Не может российский космонавт одеваться, как Буратино. У нас, между прочим, официальная форма имеется.

Бедный гном задумался, каков же титул загадочного господина Буратино, если даже принц не имеет права копировать фасон его одежды. Но размышления пришлось прервать. В узкое окно башни проник нетерпеливый окрик фанфар, в третий и последний раз созывающих гостей на праздничный пир.

«Промедление смерти подобно», -

прозвучал в голове гнома невесть откуда взявшийся и чуть картавящий голос.

– Обойдёмся без лысых, – машинально огрызнулся вслух Эйнли. – Сам знаю, что пора.

Задержались они еще и потому, что Коля ни в какую не соглашался прийти на день рождения принцессы без подарка. Доводы Эйнли о том, что землянин сам, в каком-то смысле, является подарком, и в дополнительных презентях принцесса не нуждается, возымели не больше действия, чем облако космической пыли, пытающееся преградить дорогу звездолету.

– Нет, у нас в космофлоте так не принято, – упрямо повторял Коля.

Вот только выбор у него оказался небогатым. Подарить принцессе бластер, помимо здравого смысла, мешала еще и служебная инструкция, запрещающая даже на время передавать личное оружие в руки представителей иных цивилизаций. Махмуддинова фляга тоже не годилась – она

же местного производства и вряд ли способна поразить воображение королевской дочери. Оставалось только два варианта – форменная пилотка и нагрудный знак пилота Дальнего флота.

Поразмыслив, Коля пришел к выводу, что процедура прикалывания значка к блузке принцессы, (или что тут обычно носят царственные особы), больше способствует сближению, чем тупое нахлобучивание шапки ей на уши. Коля представил сцену в красках, рельефах и запахах, и сам мгновенно покраснел.

– Помни о детях, Луи! – шепотом приструнил он себя фразой из древнего кинофильма.

Как ни странно, проверенное средство в это раз подействовало слабо. Да, собственно, и раньше не всегда действовало. Так или иначе, но на пир он отправился в несколько приподнятом настроении, недолго, впрочем, продержавшемся.

Спустившись по винтовой лестнице, Коля

с гномом пересекли площадь, заставленную сейчас огромными столами с горами нетронутых угощений для простых горожан. Не тронутых потому, что неумолимые роботы-охранники вместе с живыми стражниками, по каменным лицам которых трудно было догадаться, что они все-таки живые, не подпускали никого к столам до особого сигнала из дворца. И потому как народ уже истомился в ожидании и убедился в бесперспективности попыток несанкционированного проникновения на площадь, Колино появление было встречено с большим энтузиазмом. Из толпы понеслись различные предположения о прошлом и будущем странно одетого незнакомца:

– Глянь-ка, клоуна заморского на забаву нашей принцессе повели!

– Ишь, как вырядился, бесстыдник! Принцесса-то еще не совершеннолетняя, рано ей на такое непотребство глядеть.

– А я слышал, что это принц звездный с небес спустился, чтобы на Настюрцию нашу

полюбоваться.

– Ага, как же! Нешто мы принцев не видали? Если он принц, тогда я – великий дракон.

Выкрики показались Коле обидными. Особенно потому, что доля истины в этом гласе народа все же присутствовала.

– Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие, – пробормотал он себе под нос и поспешил спрятаться среди колонн дворцового парадного входа. Благо, их тут понаставили не меньше, чем у какого-нибудь древнегреческого храма. Коля невольно залюбовался искусной резьбой, изображавшей листья непривычной формы и, наоборот, очень похожие на земных собратьев цветы, но Эйнли предельно сократил его встречу с прекрасным.

– Идемте, принц, дворец я вам завтра покажу, – вежливо сказал он, при этом бесцеремонно подталкивая гостя руками в самую подходящую для толчков часть комбинезона, а затем, после небольшой паузы,

добавил. – Если сегодня все обойдётся.

Напоминание гнома вернуло Колю к действительности, и землянин еще раз повторил про себя легенду, которую они с Эйнли только что сочинили. И когда в дверях к ним подошел королевский церемониймейстер, наряженный в атласный белый костюм в красный горошек, лже-принц готов был без запинки выложить всю свою родословную. Однако этого не потребовалось. Внезапно раздался ушераздирающий визг, и в холл влетело нечто белое, воздушное и стремительное и через мгновение материализовалось в повисшую на шее у гнома девичью фигуру.

– Эйничка, дорогой! – выпалила она на пределе восприятия человеческого уха и, немного снизив частотность, продолжила. – Где же ты пропадал, негодник?

– Ваше высочество...

Гном немного опешил от такого приема, слишком уж не совпадающего с его ожиданиями. А может быть, действительно

едва не задохнулся в объятиях принцессы. И она, видимо, почувствовав неловкость его положения, ослабила хват и спустилась на землю, то есть, на изящный паркетный пол в черно-белую полоску. Не такую, как на земных пешеходных переходах, а скорее уж напоминающую штрих-код, или – при совсем уж разыгравшейся фантазии – чередование черных и белых клавиш у рояля. Только какого-либо строго порядка в их расположении Коля не обнаружил, как не нашел логики и в поступках принцессы. Судя по рассказам Эйнли, его еще утром обещали казнить, а теперь? Ведь не собиралась же она в самом деле задушить гнома собственными руками?

Эйнли похоже, и сам до сих пор пребывал в растерянности, потому что не придумал ничего умнее, как напомнить о принцессе об ее агрессивных планах:

– Но, ваше высочество, вы же сами велели, чтобы я отыскал для вас самого необычного жениха. В противном случае вы обещали...

Произнести роковые слова он не успел. Пожалуй, он и так говорил слишком долго, гораздо дольше, чем могла вытерпеть принцесса.

– Как? Неужели я просила ещё одно жениха? Я и от этих, – она с восхитительной небрежностью повела подбородком в сторону большой залы, – никак не могу отвязаться.

– Знаешь, Эйничка, – доверительно шепнула принцесса, ухватив ученого гнома за локоть, – я иногда становлюсь такая глупая, что просто ужас. Но эти, – еще один кивок, – в сто раз глупее. А самое главное – они все скучные, как мой робот-камердинер. Пойдем скорее запускать фейерверки. Кроме тебя, это ни у кого как следует не получается.

Любой умный человек в подобном случае воспользовался бы ситуацией для прекращения небезопасного разговора, но Эйтли-то был не умным, а ученым, и не человеком, а гномом. И так быстро переключаться на другую волну попросту не умел. Как можно бережнее он накрыл ручонку

принцессы своей тоже не слишком большой ладонью и продолжил:

– Хорошо, ваше высочество. Но позвольте сначала представить вам...

Принцесса проследила направление его взгляда, обернулась и уставилась на Колю с таким удивлением, словно его здесь никогда не стояло и не должно стоять. Причем, кроме удивления, никаких положительных эмоций в ее голубых кукольно-больших глазах не читалось. Ни любопытства, ни ожидания чего-то необычного, только капризное нетерпение насильно отвлеченного от игры ребенка. И Коля сразу понял, что имеет крайне незначительные шансы понравиться ей.

Впрочем, тут не обошлось без взаимности. Принцесса действительно была весьма миловидной девушкой. Воздушные, как... ну, как взбитые сливки, волосы. Нос, словно самой природой предназначенный для того, чтобы его задирать. Губы... нет, ни для чего такого особенного не предназначенные, просто красивые, тонкие, подвижные. Как

принцесса улыбается, Коле пока доводилось видеть только со спины, ну а сейчас ее губы скривила пренебрежительная гримаса. Но не в этом даже дело. Все в облике принцессы – хрупкая, еще не сформировавшаяся фигура, быстрые, порывистые движения, внезапные, насколько мог судить Коля, перепады настроения – всё это производило впечатление ненадежности, непостоянства. После всего пережитого нашему космонавту сейчас требовалась хоть какая-то стабильность и уверенность. А ее рядом с принцессой не могло быть по определению.

Вот и сейчас ей быстро надоело играть в гляделки:

– Ну, и что это за чучело? – спросила она у гнома.

– Это, ваше высочество, тот самый жених, – ответил Эйтли и ободряюще ткнул Колю кулаком туда, куда уже неоднократно пихал по дороге во дворец.

– Э-э... очень приятно, Коля... – представился жених, потом сообразил, что

получилось слишком фамильярно, и прибавил.
– Ночкин... – и после ещё одной паузы, –
принц.

– Да-а? – с непередаваемым сочетанием
сомнения и безразличия протянула принцесса.
– Ну, раз жених, пусть и отправляется к
другим женихам. Они вон там, возле
королевского стола пасутся, – на этот раз она
даже соизволила показать рукой в сторону
открытой двери в большую залу. – А у нас с
тобой, Эйничка, найдутся дела поинтересней.

И Настюрция опять подхватила гнома под
локоть, намереваясь утащить куда-то
последнюю связь Коли с большой землей.
Этого он допустить никак не мог, но не мог и
придумать, как предотвратить катастрофу.

– А как же подарок? – от полной
безнадёжности пробормотал он первое, что
пришло в голову.

– Кому подарок? – не поняла принцесса.
Но зато хотя бы остановилась.

– Вам, – как-то смущённо ответил обычно
бойкий и разговорчивый, но теперь вдруг

растерявшийся космонавт и опять замолчал.

– Ну, и где он? – Настюрция снова начала терять терпение.

– Вот, – Коля вынул из кармана значок и протянул принцессе. Та недоуменно оглянулась на гнома.

– Это знак Гильдии межзвездных путешественников, членом которой является принц Коля, – многозначительно пояснил Эйнли. – А теперь, стало быть, и вы, ваше высочество.

– Вот как? – нахмурила лобик принцесса. – И что мне делать с этой железкой?

– Его следует приколоть на грудь, – начал Коля и вдруг смутился, – то есть, я хотел сказать, на одежду на груди.

И тут принцесса неожиданно улыбнулась.

– А вы, однако, забавный, – произнесла она и задумалась.

Разумеется, думать слишком долго тоже не входило в ее привычки.

– Вот что, – обратилась она спустя несколько мгновений почему-то к Эйнли. – Я

принимаю его подарок. И, пожалуй, стоит объявить... как, вы сказали, его зовут?

– Принц Коля.

– Объявить господина Колю, – вероятно, назвать землянина принцем у нее не повернулся язык, – первым претендентом в женихи. Не всерьез, разумеется, а так, чтобы этих... – теперь уже и без привычного кивка на дверь было понятно, кого она имеет в виду, – ... отвадить. Проводи гостя в зал, Эйнли, и представь папочке. А потом скорее беги в сад фейерверки запускать.

– Слушаюсь, ваше высочество, – поклонился принцессе и без того не слишком высокий гном и взял Колю под руку.

– А подарок? – неожиданно даже для себя самого заупрямился землянин.

– Что, ещё один? – усмехнулась Настюрция.

– Нет... приколоть... на грудь, – снова смутился Коля. Не то чтобы он всё ещё питал иллюзии относительно принцессы, просто привык доводить задуманное до конца. 7

– Ишь, чего захотел! – игриво усмехнулась девушка, вероятно, уже воспринимавшая Колю как старого знакомого. – Без тебя справимся, – она обернулась к двери и громко позвала, – Лаванда!

На зов принцессы тут же выскочила другая девушка, вероятно, горничная. Высокая, черноволосая, одетая чуточку проще, без такого количества кружев и драгоценных камней на платье, но тоже с большим вкусом. К тому же она была немного старше, и фигурой обладала вполне отчетливой. Очень даже неплохой фигурой. И на Колю посмотрела с куда большим интересом в карих, озорных глазах. Но мельком, тут же снова повернувшись к хозяйке.

– Лаванда, душенька, помоги мне прикрепить подарок этого господина к платью, – попросила принцесса и демонстративно повернулась спиной к Коле.

Зато горничная оказалась к нему лицом. Она наклонилась к груди принцессы, гадая, как бы половчее пристроить там значок,

одновременно демонстрируя эффектный
вырез собственного платья. И тут Коля понял,
что в мире все-таки есть стабильность.

Глава 15

Королевский церемониймейстер оказался парнем довольно бесцеремонным и исчез задолго до окончания Колиного разговора с принцессой. Правда, оставил вместо себя механического двойника. Робот, носил такую же боевую раскраску, как и у хозяина, разве что красные горошины на его безукоризненно белом корпусе отличались куда большими размерами. Так ведь и сам он габариты имел соответствующие - на голову выше и в полтора раза шире оригинала. При этом механическая версия церемониймейстера обладала одним несомненным преимуществом – спокойно стояла в сторонке и дожидалась возможности приступить к выполнению непосредственных обязанностей. И когда мотылек по имени Настюрция беспечно упорхнул в сад, увлекая за собой и другую бабочку, намного больше заинтересовавшую нашего любителя энтомологии, робот чинно подошел и вежливо

поинтересовался, в какой форме объявить присутствующим на празднике о прибытии нового гостя.

К тому времени у Коли уже успела выветриться тщательно разработанная гномом версия его августейшей родословной, да и распинаться перед железякой он посчитал ниже достоинства российского космонавта, а потому выпалил первое, что пришло на освободившееся в голове место:

– Коля Ночкин, принц Альдебаранский и великий штурман всея Плеяд.

Робот, разумеется, ничего странного в титуле не обнаружил и, введя гостя в зал, торжественно повторил всю эту околесицу. Странно, что и никто из собравшихся на нее не отреагировал. Все с увлечением поглощали продукты местной кухни - внушительные окорока, приправленные зеленью и густо залитые соусами, не менее крупную рыбу с явно выраженными признаками породы осетровых, а также мелкую птицу, изящно украшенную разнообразными фруктами.

Вероятно, попадались на столах и вегетарианские блюда, но Коля, последний раз перекусивший еще на борту ковра-самолета, обратил на них не больше внимания, чем уделили его собственной персоне. Впрочем, незамеченным он оставался до поры до времени. Покопавшись в блоках памяти, робот решил дополнить информацию о вновь прибывшем госте:

– Первый претендент на руку ее высочества.

Вот теперь на Колю обратили внимание. С десяток пирующих разного возраста и телосложения, в одежде всевозможных цветов и оттенков, но с одинаково мрачными лицами дружно оторвались от еды и неприязненно посмотрели на Колю. Один за другим мрачные личности начали подниматься из-за стола.

«Конкуренты, - догадался первый претендент. - Сейчас начнут с глупостями приставать. Можно было бы, конечно, и размяться, но только не на голодный желудок».

Словно угадав его мысли, к каждому из потенциальных противников тут же подскочило по роботу, вежливо, но настойчиво предложив вернуться на свои места. Сначала Коля принял их за механических стражей порядка, но затем изменил свое мнение. Когда женихи вновь принялись за еду, роботы пристроились у них за спиной и стали прислуживать – подавать новые блюда, уносить пустые тарелки, подливать вина в бокалы.

А несколько секунд спустя точно такой же официант подошел и к самому Коле, усадил за свободное место и в дальнейшем всячески старался ему угодить. Безрезультатно, откровенно говоря. Коля затылком ощущал присутствие робота у себя за спиной. Ему даже казалось, что он слышит холодное, безразличное, но при этом угрожающее дыхание металлического монстра. В общем, чувство голода осталось, но аппетит пропал напрочь. Каковая потеря, впрочем, не спасла Колю от навязчивого механического сервиса.

Роботяга то и дело подставлял ему новые блюда и не успокаивался до тех пор, пока клиент не отщипнет хотя бы кусочек. И когда живой церемониймейстер объявил начало танцевальной программы, Коля чуть не подавился собственной благодарностью. Не беда, что он не знает местных танцев. Хоть бег в мешках, лишь бы позволили, наконец, встать из-за стола. Пусть даже...

М-да, очень похоже, что именно этим «даже» ему в ближайшее время предстояло заняться. Сплоченная группа женихов с весьма очевидными намерениями направлялась в сторону счастливого соперника. И Коля вдруг с тоской подумал, что с набитым желудком выяснять отношения еще неудобней, чем с пустым. То есть, с самим желудком у него отношения были вполне добрососедские, но если пару раз получить кулаком в живот - всякое может случиться.

Космонавт настолько увлекся наблюдением за предполагаемым противником, что не заметил, как с другой

стороны к нему подошел церемонимейстер.

– Принц, вас просят проследовать вон в ту комнату, – бесстрастно сообщил ему придворный. – Разрешите, я вас провожу.

Что ж, это, по крайней мере, знакомая схема. В приличных заведениях не дерутся прямо там же, где едят. Ладно, штурману дальнего флота доводилось побывать и не в таких переделках.

Коля позволил пятнистому Харону взять себя под руку, успев краем глаза заметить, что приставучий робот следует за ним в сопровождении дружной компании женихов. Провожатый довел гостя до массивной деревянной двери, приоткрыл ее и сделал приглашающий жест, демонстративно отойдя в сторону. Правильно, дальнейшее ему видеть по штату не полагается.

Коля вошел в комнату для переговоров легкой походкой, расслабляя мышцы перед нелегкой работой. Обстановка ему в целом понравилась. Мягкий, почти интимный свет, кожаные диваны вдоль стен неброской

расцветки, в углу – джинный кальян. Последний, пожалуй, вряд ли потребуется, а вот диваны весьма кстати. Будет где отлежаться после разговора. Еще бы умывальник догадались поставить – было бы совсем хорошо.

Робот остановился у входа, видимо, не собираясь встречать в человеческие разборки. К удивлению Коли группа поддержки тоже нерешительно потопталась возле дверей, а потом и вовсе исчезла из вида. Передумали? Крайне сомнительно. Скорее уж, пропускают вперед жожака. Посмотрим, что это за зверь.

В комнату решительно шагнул представительный мужчина средних лет и атлетического телосложения и посмотрел на космонавта с подозрительным дружелюбием. Коля ответил профессиональным взглядом лондонского сыщика. Кажется, он видел этого здоровяка среди пирующих. Впрочем, только со спины, так что, возможно, это был кто-то другой. Коротко стриженные черные волосы, почти не тронутые сединой, широкий, чуть

приплюснутый нос и внимательные, глубоко посаженные серые глаза выдают в незнакомце боксера-ветерана, либо сержанта спецназа с двадцатилетним боевым стажем. Добротный, но без особых излишеств камзол свободного покроя в зависимости от обстоятельств может служить как парадной одеждой, так и спортивным костюмом. Держится мужчина уверенно, явно свой человек во дворце. Предположительно, начальник охраны, или что-то в этом роде. Ко всему прочему, незнакомец еще и левша. Мышцы левой руки развиты заметно сильнее правой.

– Чем могу служить? – вежливо спросил Коля, стоя вполоборота к вошедшему и прикрывая плечом подбородок.

– Нас не успели представить друг другу, - с улыбкой сказал мужчина и протянул в приветствии правую руку.

Коля машинально пожал ее, не упуская из виду левую. Однако удар все же оказался неожиданным, но к счастью, словесным.

– Моё имя – Чисбур. Чисбур Второй.

Божьей милостью король, и в наказание за грехи – отец принцессы Настюрции.

– Очень приятно, Коля – пробормотал землянин из глубокого нокдауна.

Нашел время в дедукции упражняться, Шерлок Холмс доморощенный! Хорошо еще, что ничего ляпнуть не успел, пока король не представился.

Добить его сейчас расспросами о том, где и при каких обстоятельствах он познакомился с принцессой, не составляло большого труда. Но король, по всей видимости, предпочитал игровой бокс с отвлекающими тактическими маневрами.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – вежливо, даже как-то участливо предложил он.

– Благодарю вас, – искренне ответил Коля. Хоть какая-то пауза, дающая возможность прийти в себя.

Чисбур уселся вполоборота к нему, прокашлялся и заговорил. Быстро, коротко, по-деловому, не слишком нуждаясь в ответных репликах.

– Значит, так. Настюрия мне в двух словах рассказала о своих планах. Как отец, я не хочу вмешиваться в её личные дела. Желает поразвлечься, подразнить женихов – пожалуйста. Но как монарх, я обязан контролировать ситуацию. И в этом смысле я даже рад вашему появлению. Возможно, оно вынудит других женихов предпринять конкретные шаги. И сделать серьезные предложения.

Коля понимающе кивнул.

– Теперь ваша задача, – продолжил Чисбур. – Пусть это всего лишь розыгрыш, но вы должны играть роль жениха до конца. То есть, до моей команды. Не уклоняться от расспросов, но и не болтать лишнего. Понятно?

– Так точно! – машинально ответил Коля, удивляясь, как быстро он превратился в государственного служащего.

– Хорошо, – одобрил его лаконичность король. – Теперь ещё один момент. В политике Королевства вы, по-видимому, не

разбираетесь?

– Никак нет, – Коля почувствовал себя виноватым. Совсем как курсант-первогодка, который провинился уже тем, что поступил в космическую академию.

– Ладно, я попрошу сенешаля Бан-Зайцля просветить вас.

– Это кто такой?

– Ну, как же? Он вас сюда и привёл.

– А, церемониймейстер – догадался Коля.

– Сенешаль, – поправил король. – Так вот, первым ввязываться в разговоры вам не нужно. Но если уж не повезло, постарайтесь произвести достойное впечатление. А вот к представителю Комитета придется подойти самому.

– Какого-такого комитета? – Коле ужасно не понравилось это слово.

– Добротворительного, – уточнил Чисбур.

Уточнение Коле помогло слабо, но король похоже на эту тему распространяться не хотел.

– Бан-Зайцль объяснит, – отмахнулся он. – Увидите в зале невысокого гнома в черном

камзоле, это и есть представитель. И вот с ним ухо нужно держать в остро. Лучше всего, вообще не касаться того, как вам понравилось Королевство. Расскажите какую-нибудь историю из своей жизни, или из жизни другого монарха. Сумеете?

– Попробую, – нерешительно отозвался Коля.

– Та-ак, – протянул Чисбур. – Звучит, не очень обнадеживающе. Значит, пробуйте прямо сейчас. Ну, начинайте.

Землянин задумался. Он, конечно, прочитал много книг, посмотрел много фильмов и совсем недавно изложил джинну своими словами сюжет «Ромео и Джульетты», но сейчас не мог вспомнить ничего подходящего. В голове вертелся всё тот же одинокий «Маленький принц». Но ведь не станешь же пересказывать «комитетчику» детскую книжку. Хотя, если чуть изменить детали...

– Ну, в общем, так, – со вздохом начал он. – На одной планете жил был принц. Маленький.

То есть, не он, а планета была маленькая. И на ней помещалось только одно королевство. И принц очень заботился о его чистоте. Как утром проснется, так сразу начинает зачищать планету. Но там, понимаете ли, как в сортире... виноват, как в туалете – сколько ни убирай, все равно заводится всякая нечисть – микробы, террористы всякие...

– Стоп! – оборвал его Чисбур. – Про бандитов не надо. Гномы этого не любят. Попробуйте что-нибудь другое.

– Другое? – Коля аристократически почесал затылок. – Ну, тогда так. Один король очень хотел, чтобы все его подданные были законопослушными гражданами. И решил, что для этого нужно принимать такие законы, которые всегда будут выполняться. А еще лучше – узаконить то, что уже происходит. Например, обманывают министры народ – нужно издать указ, разрешающий им это. Берут чиновники взятки – специальным постановлением обязать их брать и дальше. Не платят купцы налоги в казну...

– Достаточно! – поморщился король. – Это тоже не подойдет. Комитет может усмотреть какой-нибудь намек на свою работу. А нам ни к чему портить с ним отношения.

– Ну, а если так?.. – разошелся Коля.

– Не стоит, – прекратил его мучения Чисбур. – Обойдемся без самодеятельности. Вечером Бан-Зайцль принесет вам кое-какую литературу, почитаете, запомните и своими словами перескажете. А сегодня постарайтесь не попадаться на глаза представителю Комитета. Идеальный вариант, если вы сейчас отправитесь танцевать. Тут, знаете ли, не до серьезных разговоров. Все ясно?

– Все.

– Тогда идите.

Коля с готовностью поднялся с дивана. Разговор с королем изрядно его вымотал. Но любая пытка когда-нибудь заканчивается.

– И последний вопрос, – вдруг остановил его Чисбур.

Землянин обреченно вернулся на исходную позицию.

Зато король явно оживился. Глаза его возбужденно заблестели, руки лихорадочно забегали по карманам камзола и, наконец, вытащили наружу аккуратно сложенный кусок пергамента.

– На кого собираетесь ставить, Коля?

– Простите, ваше величество?

– Чисбур, просто Чисбур, - поправил король. - Я спрашиваю, на кого из участников рыцарского турнира вы будете делать ставку?

Странно, в начале разговора король вовсе не был склонен к фамильярности.

– Ещё раз простите, Чисбур, но я не собираюсь смотреть турнир.

– Не пытайтесь меня обмануть, Коля, – шутливо погрозил пальцем король. – У меня, благодаря дочери, большая практика в этом деле. Судите сами, жениться на принцессе, по-видимому, не входит в ваши планы. Так?

Коле не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

– Ни политика, ни коммерция вас тоже не интересует, – Чисбур Второй продолжал

использовать Колин дедуктивный метод. — Остаётся только турнир. Вы, вероятно, большой любитель рыцарских боев, если решились на столь дальнее путешествие?

— Э-э... да... в некотором роде, — уклончиво ответил землянин.

— То-то же! — довольно усмехнулся король. — А значит, не откажетесь и сделать ставку. Мы тут с министрами скинулись по сто золотых.

Чисбур бережно развернул пергамент и с заговорщицким видом протянул его Коле. Ничего интересного в документе не оказалось. Несколько рядов букв и цифр, весьма напоминающих таблицу какого-нибудь первенства Космофлота по волейболу. Но для короля, по-видимому, они были очень важны.

— Сумма небольшая, — продолжал Чисбур. — Можно сказать, играем на интерес. Не желаете присоединиться?

Король в явном волнении ожидал ответа. Наклонил корпус вперед, нервно потирал руки и облизывал губы. Коля на самом деле не

любил тотализаторы. К тому же он не имел ни малейшего понятия о формуле турнира и составе участников. В конце концов, у него просто-напросто не было лишней сотни золотых. Даже не лишней, и то не было. Но огорчать короля безразличием к его хобби, землянин не рискнул.

— Заманчивое предложение, — Коля постарался изобразить заинтересованность. — Но сначала мне нужно всё обдумать, взвесить...

— Конечно, конечно — обрадовался король. — Я вас не тороплю. И раз уж так, позвольте дать вам совет: не ставьте на барона Черча. Он, безусловно, большой мастер, но в последнее время ведет себя как-то странно, как будто победа в турнире его абсолютно не интересует.

— Мне тоже так показалось, — с видом знатока согласился Коля. — Ну, а кого вы сами считаете фаворитом, Чисбур?

— Экий хитрец! — король снова погрозил пальцем, что, кстати, при его габаритах

смотрелось весьма впечатляюще. — Может, вы для того и набивались мне в родственники, чтобы я подсказал вам, кто выиграет турнир?

— Да я... — невольно начал оправдываться Коля.

— Ладно-ладно, шучу. Но победителя и в самом деле угадать затруднительно. Если бы молодой граф Энимор участвовал, то, скорее всего, он бы и победил. Но с тех пор, как заболел его отец, этот доблестный рыцарь уже больше года не появляется на турнирах. Вот и сейчас его что-то не видно. Жаль, конечно, но тем интересней получится соперничество.

— А те джентльмены, что недавно проходили мимо нас, они тоже будут драться? — спросил Коля как бы между прочим.

— Женихи-то? — скривил губы король. — Вряд ли. Ещё ни одному иноземцу не удалось выиграть хотя бы первый поединок. Думаю, и они перед принцессой позориться не станут. — Чисбур замолчал и вдруг хитро прищурился. — Или вы не об этом спрашиваете?

Коля очень надеялся, что сохранил

невозмутимое выражение и здоровый цвет лица.

– Не беспокойтесь, я распоряжусь, чтобы они вам не докучали. А вы, Коля, идите развлекайтесь. И не забудьте хотя бы пару раз пригласить на танец свою невесту!

Его величество опять поднял указательный палец, но вовремя вспомнил, что уже дважды его использовал, и в итоге ограничился дружеским шлепком по плечу потенциального зятя. Коле, впрочем, хватило и этого.

Потирая плечо, он направился в сторону танцевальной залы, откуда доносились звуки вполне приличной детской польки. Что ж, пожалуй, здесь он лицом в грязь тоже не ударит. В конце концов, танцы гуманоидных рас особым разнообразием не должны отличаться. Два притопа, три прихлопа, либо наоборот – три подпрыга, два присеста. Как-нибудь разберемся.

Однако одного обстоятельства он все же не учел. Услужливый робот и теперь увязался за ним следом. И снова испортил все настроение.

Коля побродил немного вдоль стенки, со скучающим видом разглядывая танцующих, но вскоре выбрался в коридор позади залы. Робот следовал за ним по пятам. Нет, нужно немедленно избавляться от хвоста, или он за себя не ручается.

– Послушайте, милая девушка! – окликнул Коля пробежавшую мимо горничную принцессы.

Та остановилась с выражением вежливого внимания на лице и едва уловимой насмешливой искоркой в карих глазах.

– Мадмуазель Лаванда... – начал Коля, но горничная тут же перебила его.

– Надо же, принц, вы настолько без ума от принцессы, что даже сразу запоминаете имена ее служанок!

В голосе девушки ясно слышался упрек, но абсолютно не ясно, в чем именно она его упрекала – в том, что он любезничает со служанкой своей невесты или...

Коле почему-то очень хотелось, чтобы «или». И он, черт возьми, еще не забыл

холостяцкие годы в космической академии.

– Поверьте, Лаванда, я бы запомнил ваше имя даже из тысячи других.

– Это почему же? – кокетливо улыбнулась горничная. – Потому что оно такое смешное?

– Нет, потому что оно ваше.

Вопреки ожиданиям, девушка вдруг нахмурилась.

– Ах, как повезло принцессе, – сказала она, старательно изображая равнодушие. – Ее жених так здорово умеет придумывать комплименты.

– Лучше всего комплименты получаются тогда, – с хорошо отработанной искренностью ответил он, – когда ничего не нужно придумывать.

– А что? – Искорки в глазах девушки превратились в маленьких чертиков. – И так и эдак приходилось?

– Да уж, приходилось, – виновато развёл руками Коля.

Рассмеялись они уже вместе.

– Вы для того и остановили меня, чтобы в

этом признаться? – сквозь смех спросила девушка.

– Нет... то есть, да... то есть, нет. Я хотел спросить, не согласить ли вы прогуляться со мной по саду, подышать свежим воздухом.

– Видите ли, ваше высочество, – горничная исполнила полушутливый книксен, – у нас не принято дышать воздухом в первый же вечер знакомства.

– А не в первый? – тем же полусерьезным тоном поинтересовался Коля.

– А вы полагаете, будет еще и второй? – на этот раз вопрос получился не слишком весёлым.

– Я надеюсь на это. Вы мне очень нравитесь, Лаванда.

– А как же принцесса? – она словно бы пыталась защититься этим вопросом.

– Но вы же слышали наш разговор! – умоляюще посмотрел на нее Коля. – Мы помолвлены не всерьез. Это шутка, игра.

– Да, – вздохнула девушка. – Я заметила, что мужчины всё на свете стараются

превратить в игру.

— Возможно, — не стал отпираться Коля. — Но настоящие мужчины всегда играют по-честному.

Лаванда пристально посмотрела на него, потом отвернулась и произнесла куда-то в сторону:

— И вы хотите, чтобы я поверила, будто бы принц с далекой звезды может увлечься обыкновенной служанкой?

И тут Коля понял, что теперь нужно либо извиниться и уйти, либо говорить только правду.

— Принц, наверное, не может, — чуть слышно прошептал он.

Лаванда ахнула и прикрыла рот ладошкой. Несколько мгновений она растерянно смотрела на него, но потом нашла выход из затруднительного положения.

— Ой, я совсем забыла! Меня же принцесса звала.

Она уже хотела убежать, когда Коля мягко, но решительно взял ее за руку.

– Ну, так как же, Лаванда?

– Нет... не знаю... не сейчас... Мне нужно идти, – бормотала девушка, прячась от его взгляда.

Коля тоже не знал, как ему поступить. В конце концов, он официальный жених принцессы и сейчас находится во дворце, так что не стоит привлекать к себе лишнего внимания. И бравый космонавт с неохотой отпустил руку горничной. И вовремя. Из-за угла появился церемониймейстер, которого здесь предпочитали именовать сенешалем.

– У вас какие-то затруднения, принц? – спросил он с профессиональной вежливой улыбкой на тонких губах.

Коля оглянулся на убегающую Лаванду и очень кстати наткнулся взглядом на осточертевшего ему робота.

– Да-да, – торопливо ответил он. – Я как раз спрашивал мадмуазель, не знает ли она, как мне избавиться от этой кучи железа.

– Ах, вот оно что! – ещё шире улыбнулся сенешаль. – Так вам следовало сразу

обратиться ко мне, а не отвлекать прислугу.

Он достал из кармана камзола маленькую коробочку, напоминающую земной пульт управления домашней автоматикой.

Оказалось, что это и в самом деле нечто похожее. Сенешаль нажал на одну из кнопок и бережно положил пульт на место.

– Нет ничего проще, – самодовольно сказал он, но затем подумал, что жених принцессы может обидеться, и извиняющимся тоном прибавил. – Вы тоже скоро научитесь с ним обращаться, господин Коля.

– Спасибо, я постараюсь, – ответил землянин и поспешил раскланяться.

Поворачивая за угол, он с удовлетворением отметил, что сенешаль направился по своим делам, а робот так и не сдвинулся с места. С одной проблемой Коля вроде бы справился. С другими – пока нет. Но среди них нашлась одна очень даже приятная

Глава 16

– Эй, братан, тормозни-ка на минутку.
Надо кое-что перетереть.

Коля остановился в замешательстве.
Стоило на минутку выйти в одиночестве в
дворцовый сад, не будем уточнять, зачем, как
тут же господа женихи вспомнили о нем и
напомнили о себе. Намерения парней не
оставляли никаких сомнений – Колю
собирались бить. Это в лучшем случае.
Выражения лиц у них были самые, что ни на
есть, злодейские.

Бравый космонавт решил, что не уронит
честь флота.

– Ну? – сказал он.

– Не нукай, мы не лошади, – отозвался
стоящий впереди высокий худой барон. Судя
по его наглой морде, он был в компании
главным.

– Короче, чего надо? – уточнил вопрос
Коля. – Что-то не нравится?

– Нам не нравится в тебе все.

– Аналогично. И что дальше?

– А дальше вот что. Нам очень не нравится твое присутствие в замке. Тебе не кажется, что ты лишний на этом празднике жизни?

– Нет, не кажется.

– А вот мы уверены, что это так. Ты, парень, своим присутствием нам здесь здорово мешаешь.

– И чем же я так вам помешал?

– А ты и не догадываешься!

– Не догадываюсь.

– Ну, тогда придется тебе объяснить, если ты такой бестолковый. Принцесса должна выйти замуж за одного из нас. И ты в этом списке лишний. Теперь понял?

Ситуация стала проясняться. Парни приняли Колю за конкурента и решили от него избавиться. Метод для этого они выбрали самый традиционный – нет человека, нет и проблемы.

– Стоп, мужики, – как можно более миролюбиво сказал Коля. – В этом деле я вам не конкурент. С принцессой у меня чисто дружеские отношения.

– Ага, – хохотнул тощий барон. – Особенно вечером в спальне. Такой дружеский пистончик. Перепихнулись и разошлись друзьями.

Землянин укоризненно скосил глаза на свой кулон-переводчик. Но тот даже гранью не моргнул. Мол, я тут ни при чем, в твоей же, между прочим, голове все эти слова выкопал.

– Да не было у меня с ней ничего, – Коля пытался спустить ситуацию на тормозах. – Не нужна она мне. И вообще, у меня дома жена и сын.

Неудачливые женихи переглянулись, и главарь продолжил.

– Говоришь, жена и сын? Так чего же ты нам девчонку портишь? Решил на халяву попользоваться, а нам потом на ней жениться?

Коля начал заводиться. Одно дело, если наезжают на него, а другое, когда похабщину говорят про девушку. Он принял самую свою гордую позу.

– Немедленно прекратите ваши гнусные намеки!

Бароны покатывались со смеху.

– Ой не могу, напужал!

– Держите меня, я сейчас от страха описуюсь!

– Ой, боюсь, боюсь!

Коля попытался остановить приступ веселья, но грубияны разошлись вовсю.

– Он нам грозит, парни!

– Наверное он хочет сделать нам ататашки!

Похамив таким образом еще минут пять, они, как по команде, успокоились. Видимо, полностью израсходовали запас шуток. Теперь бароны были серьезны, как зять на похоронах любимой тещи.

– Ну, все, братан. Поприкалывались, потрендели. А теперь реальный базар, – сообщил ему высокий.

С этими неаристократическими словами, бароны достали из ножен длинные мечи и выстроились в боевой порядок. Судя по их слаженным действиям, драться они умели и любили.

– Последний раз предлагаю договориться

по-хорошему, – обратился к нему тощий. – Если ты пообещаешь сегодня же убраться из замка и никогда больше туда не возвращаться, мы отпустим тебя.

Коля отступил на шаг и обнаружил себя прижатым спиной к дереву. Рука скользнула к поясу и нащупала бластер. Он выхватил оружие из кобуры и навел на приближающихся противников.

– Ни с места, или я сожгу вас!

Драчуны остановились. Они не выглядели испуганными, а лишь удивленными.

И в самом деле, в сравнении с их мечами, бластер выглядел детской игрушкой, и не внушал никакого почтения потенциальным врагам.

– Я не понял, ты вот этим нам грозишь? – спросил тощий, показывая на бластер.

Вместо ответа Коля направил ствол на куст орешника и нажал на спуск. Куст вспыхнул нестерпимо ярким белым пламенем, и через несколько секунд на его месте чернел лишь ровный круг опаленной земли, покрытой

тонким ровным слоем пепла.

Демонстрация свержения неожиданно окончилась полным Колиным фиаско. Вместо ожидаемого страха или хотя бы удивления, Коля обнаружил на лицах баронетов откровенное презрение.

Тощий предводитель взглянул на Колю и сплюнул сквозь зубы.

– Так ты, выходит, тоже из местных. Прячешься за магией, а сам по себе ничего и не стоишь. Не бойсь, мы тебя не тронем, себе дороже.

Парни зашевелились, строй распался. Молодые бароны, повернулись спиной к Коле. Бесполезные мечи они засунули в ножны. Кто-то хохотнул.

– Парни, а ведь он говорил правду. У него ничего с принцессой быть не могло.

– Это почему? – спросил другой.

– Да ведь им нельзя друг с дружкой трахаться. С крестьянками балуйся сколько влезет, а благородных барышень – ни-ни. Низзя! Они через это уже давно импотентами

стали.

Бароны заржали.

Коля недоуменно смотрел на них.

Постепенно до него дошел смысл происходящего. Увидев вспыхнувшее и сгоревшее без всякой видимой причины деревцо, драчуны решили, что это магия. Привыкнув, что в этих местах магия охраняет местных жителей от любого покушения на жизнь и здоровье, бароны пришли к выводу, что и Коля включен в категорию неприкасаемых. А раз так, то связываться с ним не имеет никакого смысла.

Женихи, успокоившись, вновь повернулись к Коле, решив насмешками наверстать упущенную возможность проучить недруга физически. От их плоских шуток космонавт взбеленился окончательно.

Коля сунул бесполезный бластер обратно в кобуру. В нем разыграла гордость. Более хладнокровный человек, на его месте, воспользовался бы сложившейся ситуацией, чтобы мирно разойтись с превосходящими

силами противника.

Но Коля стерпеть подобного оскорбления не сумел. Российский флот никогда не прятался от опасности. А уж набить морду иностранцам в портовой таверне – от такого удовольствия не отказывался ни один российский моряк со времен Петра Первого. А чем, скажите, современный космонавт хуже петровского матроса?

– Вы, подонки! – медленно и с чувством сказал Коля. – Если вы боитесь моего оружия, я готов драться с вами безоружным, как полагается настоящему мужчине.

Бароны застыли на месте. Тощий предводитель подавился очередной шуткой.

– Не понял, – процедил он сквозь зубы. – Ты хочешь сказать, что умеешь драться?

– А вот подойди ко мне поближе и проверь, – предложил Коля, разминая кисти и предплечья.

– Врешь ты все, – по-прежнему недоверчиво, сказал тощий. – Я подойду, а ты нас шарахнешь магией и был таков.

– Никакой магии, – пообещал Коля. – Я и так с вами справлюсь, вы еще не знаете, как дерутся в российском флоте.

Тощий задумчиво почесал в затылке.

– Выходит это дерево, которое ты спалил... – неуверенно начал он.

– Это только оружие, и никакой магии, – продолжил за него Коля. – Заклинание эльфов на меня не распространяется. Я могу драться, и меня можно убить. Правда, это довольно трудно, – добавил он с усмешкой.

Баронеты отошли на некоторое расстояние и, собравшись в кружок, принялись совещаться. Коля решил воспользоваться неожиданной передышкой.

Он нащупал висевшую на поясе флягу с водой и отпил из нее глоток. Вкус у жидкости был очень странный, как минимум, это была не вода. Удивленный, Коля тут же перестал пить, отнял флягу от губ и рассмотрел ее. Оказалось, что это была не привычная походная баклажка с водой, она по-прежнему висела на его поясе, только с левой стороны. А

в руке Коля держал другую, богато украшенную золотом и драгоценными камнями. Подарок джинна Махмуддин-аглая. В этой фляге находился вигрин.

Джинн посоветовал никогда не расставаться с драгоценной флягой. И Коля повесил ее на пояс, рядом с бластером. А походную, с водой, перевесил на левую сторону. Теперь же, в пылу конфликта, он совершенно позабыл об этом и машинально хватил вигрина вместо воды.

Коля ужаснулся. Что же теперь с ним будет? Он никогда не слышал, чтобы кто-то сумел безнаказанно даже просто прикоснуться к вигрину, не то чтобы его пить. Коля прислушался к организму. Что-то там явно происходило, но никаких болезненных ощущений пока не было.

А, где наша ни пропадала, решил Коля. Чего только ему не доводилось пить за время службы. Авось, закаленный организм справится и с вигрином. Коля тщательно завернул пробку на драгоценной фляжке и

повесил ее обратно на пояс. Затем поднял взгляд на женихов.

И вовремя. Те пришли к решению. Из группы вперед выдвинулся все тот же тощий барон. Тон его речи был совсем другой.

— Благородный рыцарь, мы готовы драться с вами.

Коля довольно кивнул.

— Ну вот, это совсем другое дело. Так бы и начали с самого начала. А то «братан», «фильтруй базар»!

— Я надеюсь, что благородный дон поймет нас. Теперь мы видим, что вы действительно пришелец со звезд.

Баронет сделал небольшой поклон в сторону Коли.

— Однако это не меняет сути дела. Рука принцессы, по древнему обычаю, принадлежит одному из нас. И мы будем защищать это право. Я готов сразиться с вами в честном бою, как равный с равным, — продолжил барон.

Коля почувствовал, как внутри, из глубин

желудка, поднимается теплая волна. Выпитый вигрин давал о себе знать.

– Так в чем же заминка, поехали!

– Но, благородный дон, вы должны понять, что мы не можем сражаться против вашего оружия. Колдовство это или непостижимая техника обитателей других звезд – значения не имеет. У вас слишком большое преимущество передо мной, чтобы нашу схватку можно было назвать честным поединком.

Теплая волна охватила Колю целиком. По всему телу пробежала дрожь, чувства обострились, мышцы налились силой. Не задумываясь о последствиях, Коля отстегнул от пояса кобуру и протянул ее тощему.

– Я справлюсь с тобой и без него.

Тощий, видимо, только этого и ждал. С хищной гримасой он вырвал бластер из рук и, не оборачиваясь, швырнул его за спину. Один из сообщников подобрал оружие и отбежал на безопасное расстояние.

Коля принял боевую стойку.

– Ну, давайте, подходите по одному! –

предложил он.

Однако бароны не торопились бросаться в рукопашную. Недобро ухмыляясь, они образовали круг вокруг безоружного космонавта. Снова заблестели на солнце обнаженные клинки.

– Ты не въехал, – опять перейдя на «ты», сообщил ему тощий предводитель. – Мы не позволим никакому проходимцу отбить у нас принцессу. Ты умрешь, и одной проблемой у нас станет меньше.

Коля понял, что его по дешевке купили. Но отступить было поздно. Он приготовился к драке. Все тело дрожало от возбуждения, он чувствовал, как кровь забурлила и принялась стремительно носиться по всему телу.

– Сейчас вы узнаете, как умирает российский флот! – крикнул Коля.

За его спиной встал длинный ряд предков, космонавтов и моряков, и все они одобрительно кивали головами. Задай им жару, Коля, – говорили они.

Коля не собирался подводить

соотечественников. Он гордо выпрямился и выкрикнул противникам боевой клич:

– Я вас научу родину любить! Вы у меня будете голожопыми по деревьям прыгать!

И замер в удивлении.

Вместе с последними угрозами из его рта выплыли два небольших, плотных розоватых облака. Коля, чей мозг работал с удивительной ясностью, вспомнил, что точно такое он видел у джинна во дворце, когда тот творил железо. Эти облачка были не что иное, как испаривший вигрин.

Окружившие Колю бароны остановились с поднятыми мечами. Облака разрастались и наступали на высокородных хулиганов. Те пятились, а непонятные сгустки тумана продолжали теснить их. Наконец, бароны сгрудились на краю поляны. Сгустки тоже остановились, и покачивались в воздухе перед ними.

Коля разглядел, что на одном из облаков крупными, чуть колеблющимися буквами написано «Любовь к родине». Второе, без

надписи, осталось чуть позади – видимо, ожидало своей очереди.

Тем временем первое облако начало пухнуть на глазах. Достигнув размеров упитанного бегемота, оно опустилось на траву. Из розового тумана вышел человек в черной мантии и такой же черной бакалаврской шапочке. Он протянул руку за спину и вытащил из облака стенд, увешанный какими-то графиками и диаграммами.

Человек в мантии нудным голосом обратился к остолбеневшим от изумления баронам.

– Любовь к родине является неотъемлемым правом и священной обязанностью жителей нашего королевства. Следуя последним мудрым решениям правительства и лично дорогого господина Чисбура Диодоровича Второго, под руководством всеми любимого дворянства трудящиеся Королевства добились небывалых успехов в развитии и процветании народного хозяйства. Чувство глубокого удовлетворения

внушает тот факт, что свободное фермерство и ремесленный класс подошло к знаменательной дате с новыми трудовыми победами.

Лектор говорил с унылым видом человека, читающего подобную лекцию минимум в сотый раз. При этом он беспрерывно тыкал в стенд за спиной невесть откуда взявшейся указкой.

Бароны, как замороженные, слушали данные о последних достижениях прогрессивного крестьянства в деле опороса яровых и севооборота крупного рогатого скота. Данные о рекордном урожае озимых, полученном от свиноматок-производителей, привели их в состояние благоговейного трепета. Они забыли обо всем на свете и, раскрыв рты, впитывали статистические данные и патриотические лозунги, которыми в изобилии снабжал их лектор.

Коля, пораженный не менее других слушателей, наблюдал за зрелищем со стороны. Он начал подозревать, что все это

связано с только что выпитым вигрином. Он ведь пообещал баронам «научить их любить родину». Вот они и учатся.

Интересно, подумал Коля, а что насчет второго обещания? Того, которое о прыжках по деревьям?

Как бы в ответ на его мысли, лектор прервался на середине очередного длинного предложения и устало сказал:

– На этом считаю наше занятие оконченным.

Он повернулся и скрылся в тумане. Минутой позже оттуда появилась его рука, и утянула за собой забытый стенд. Выполнив свою функцию, облако растаяло.

Теперь наступила очередь второго облака. Оно поднялось над землей и распалось на шесть маленьких, по числу баронов. Каждое из образовавшихся облачков затвердело и сформировалось в огромный мультяшный молоток. Молотки поплыли по воздуху и остановились точно над головами подопечных, по-прежнему стоявших без

движения, обдумывая бесценную информацию, полученную во время лекции.

Откуда-то сверху раздалась негромкая команда «раз-два-три!». Молотки синхронно обрушились на головы парней, и тут же растаяли в воздухе. По поляне пронесся негромкий звон. Внешне бароны не пострадали. Их головы остались целыми и невредимыми, без видимых следов удара.

Однако поведение несостоявшихся драчунов изменилось коренным образом. Они очнулись от гипнотического действия лекции, и стали беспокойно оглядываться по сторонам. Затем парни принялись подпрыгивать на месте, словно каучуковые мячики. При этом то один, то другой, озабоченно ощупывал себя сзади, в том месте, где кончается спина. Следует отметить странный факт, что все это бароны проделывали, не издав ни одного звука.

В полном молчании парни подлетали все выше и выше, пока, наконец, не стали допрыгивать до первых веток деревьев, под

которыми стояли. Там они цеплялись за ветку одной рукой и некоторое время в задумчивости висели. Второй рукой незадачливые бароны прикрывали прореху в задней части своих роскошных бархатных штанов. Их напряженные красные лица показывали, что при внешней легкости, эти прыжки даются им с большим трудом.

Постепенно, ситуация менялась. Теперь бароны уже не падали с деревьев на землю, а, раскачавшись, перепрыгивали с ветки на ветку, ловко орудуя обеими руками. О прорехе на штанах они уже не вспоминали, сосредоточив все усилия на том, чтобы не сорваться и не упасть.

Коля в полном восторге наблюдал за развернувшимся действием. Он громко хвалил шустрых и неодобрительными криками подбадривал отстающих.

Тощий предводитель и тут проявил себя. Во время одного особо удачного прыжка, он сорвал с дерева большое красное яблоко, которое тут же начал жевать, не переставая

двигаться. Другой барон, тот самый, что подобрал Колин бластер, проявил особую прыть. Раскачиваясь на одной руке, он начал ловко перепрыгивать с ветки на ветку, постепенно удаляясь в лесную чащу, и унося с собой Колин бластер.

Этого Коля допустить не мог. Набрав в грудь побольше воздуха, он громко крикнул:

– Прекратить нарушать безобразие! Хватит прыгать, как макаки во время случки! Все вниз!

На этот раз из его рта выскользнуло совсем небольшое, почти невидимое облачко. Оно быстро подлетело к прыгающим в полном молчании по веткам аристократам, на миг окутало их непрозрачной пеленой, и тут же исчезло.

Бароны, как перезревшие груши, посыпались на землю. Коля невозмутимо наблюдал, как со стонами, охая, они поднимались и ощупывали себя.

– Вот, что значит грамотно и вовремя проведенная политвоспитательная работа, –

пробормотал он. – Вернусь на Землю, поблагодарю политрука.

Затем Коля вспомнил про бластер.

– Эй, ты, убогий, ко мне! – скомандовал он, обращаясь к укравшему бластер барону. – Верни мое оружие!

Тот бегом пересек поляну, держа кобуру с бластером на вытянутой руке. Добежав до Коли, он с поклоном вручил ее законному владельцу. Затем повернулся и также бегом вернулся на место. Парни сбились в кучу, и с нескрываемым ужасом глядели на Колю. Даже с другого конца поляны космонавт видел, как их бьет крупная дрожь.

– Ну, вот, совсем другое дело, – удовлетворенно констатировал Коля. – А теперь быстренько успокоились, построились и, с песней, дунули отсюда. Чтобы духу вашего больше в замке не было!

Баронеты послушно построились парами, и зашагали прямо в чащу. Тощий предводитель скомандовал «запевай!», и первым заорал строевую песню:

– Путь дале-о-к у нас с тобою.

Бароны дружно подхватили:

– Веселей, братан, гляди!

На этот раз Коля не особенно удивился. Он по опыту знал, что армейская поэзия во всех обитаемых мирах не отличается большим разнообразием. Землянин расстегнул кобуру и достал бластер. Внимательно осмотрел, убедился, что оружие в порядке, вернул его на место, и приладил кобуру обратно к поясу. Посмотрел вслед удалившейся компании. Хулиганов уже не было видно. На том месте, где они строем вломились в чащу, еще шевелились кусты, и беспокойно перекрикивались встревоженные птицы. А из-за деревьев доносилось залихватское:

– Бароны, в путь, в путь, в путь!

Глава 17

Коля не считал себя знатоком рыцарских

обычаев, но элементарные знания по истории средневековья он в школе получил. В целом картина турнира соответствовала его ожиданиям. Огромная площадка, километрах в трех от дворца, размером ничуть не уступала футбольному полю. Трибуна для знатных гостей с королевской ложей посередине была обита пурпурным бархатом и украшена знамёнами с гербом Королевства.

Разноцветные палатки участников турнира расположены строго напротив трибуны по другую сторону от поля боя. Несметное количество простых зрителей, облепивших площадку со всех сторон, с трудом едва сдерживали грубо сколоченные перила вокруг ристалища.

Впрочем, грубость плотницкой работы не бросалась в глаза, потому что большая часть перил была завешена рекламными плакатами из ярких кусков материи с довольно корявыми надписями готическим шрифтом. Казалось, что их выводили теми же самыми топорами, которыми пользовались плотники. Колиных

познаний в туземном языке оказалось недостаточно, чтобы разобрать хоть слово, а кулон-переводчик, увы, читать вслух не умел. Пришлось обратиться за помощью к королевскому сенешалю господину Бан-Зайцлю.

Поскольку турнир ещё не начался, тот охотно помог чужеземцу:

«Аптека Ушли Фармацельса. Средства для снижения веса. У нас даже джинны худеют»;

«Ливви Шерстилл напишет серенаду для дамы вашего сердца, восстановит вашу родословную и заполнит налоговую декларацию»;

«Дурин Древоплит. Тестирование и апгрейд рыцарского вооружения».

Последнее объявление показалось Коле странным. Он с сомнением посмотрел сначала на сенешаля, потом на свой кулон, но так и не определил, кто из них ошибся, и на всякий случай решил больше никого ни о чем не спрашивать.

И он бы так и поступил, если бы

представление участников снова не привело его в полное недоумение. Под звуки фанфар герольды объявляли имена прославленных рыцарей, те с достоинством подходили к трибуне и галантно раскланивались, не забывая при этом демонстрировать достоинства своего туалета.

Именно их одежды и смутили Колю. Он ожидал увидеть рыцарские доспехи, а не нарядные шелковые камзолы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Все равно, как если бы боксеры вышли на ринг в концертных фраках с длинными фалдами. Зрелище, конечно, впечатляющее, но немного несуразное. Неудивительно, что Коля не сдержался и снова обратился к господину Бан-Зайцлю с вопросом.

— А когда они будут переодеваться в доспехи?

— В доспехи? — переспросил сенешаль. — А зачем?

— Ну, как же! — удивился в ответ Коля. — Они же могут получить увечья во время

сражения.

Господин Бан-Зайцль задумался, как будто такая мысль никому в королевстве ни разу не приходила в голову, и вдруг просиял понимающей улыбкой.

– Да, действительно, иногда происходят такие трагические случайности, но господа рыцари считают, что излишняя осторожность недостойна настоящего аристократа. К тому же доспехи слишком громоздки и мешают ведению боя.

Однако вытянувшееся от изумления лицо гостя подсказало ему, что объяснений недостаточно.

– Поверьте, господин Коля, вам не стоит так волноваться. На самом деле рыцари подвергаются не намного большей опасности, чем зрители.

Коля вспомнил, как в детстве приятель, затащивший его в хоккейную секцию, тоже уверял, что ничего страшного с ним на площадке произойти попросту не может. А потом объяснял, что он не виноват, что только

такому придурку, как Коля, могли рассечь коньком бровь. И действительно, кто мог знать, что воздушная подушка, смягчающая удары об борт, рассчитана на хоккеистов массой от сорока килограммов и выше, а более легкие объекты за людей не считает и не включается. Что генератор защитного поля, вмонтированный в шлем, вырубится как раз при ударе головой в борт. Что лезвие конька автоматически убирается в пластиковый корпус лишь в том случае, когда нога поднята выше двадцати сантиметров от уровня льда. В общем, с тех пор Коля бывал на хоккее не чаще, чем на рыцарских турнирах.

Тем временем герольды дали сигнал к первому поединку, и под приветственные крики публики, временами заглушавшие звуки фанфар, два самых нарядных рыцаря вышли в центр ристалища. Тут Коля понял свою ошибку. За три дня проживания в королевском дворце он настолько привык к механическим камердинерам, что сейчас просто не заметил стоящих за спинами хозяев роботов.

То есть, не то чтобы совсем не заметил. Наоборот, их ярко раскрашенные грудные пластины прямо-таки бросалась в глаза. Один из роботов сиял красно-зелёной эмалью, другой – желто-синей. Причем, только по расцветке и можно было отличить друг от друга, как близнецов, одетых в одежду одинакового покроя, но разного цвета. Пышные плюмажи из перьев неизвестной Коле птицы, украшавшие головы роботов, не были выдержаны в какой-то строгой цветовой гамме. Зато узор на них был такой красоты, что любой павлин повесился бы от зависти.

В довершение всего роботы были вооружены мечами и щитами весьма внушительного вида и размера. Но Коля решил, что они просто держат хозяйское оружие, пока господа зрители раскланиваются перед зрителями. Почему бы, в самом деле, камердинеру не быть еще и оруженосцем? Однако роботы как-то не спешили отдавать мечи и щиты хозяевам, а наоборот, приблизились друг к другу с явно

недружелюбными намерениями.

– Так это что получается – сражаться будут роботы? – удивленно пробормотал Коля.

Расслышавший его слова сенешаль ничего не ответил, но удостоил гостя сочувствующим взглядом, каким уже неоднократно смотрел на землянина достойный джинн Махмуддин–аглай.

«Ах, да! – запоздало сообразил Коля. – Мне же все уши прожужжали про эльфийское заклятие. Но ведь тут же никто не собирается никого убивать. Это спорт, дружеское соревнование».

Внезапно зачесавшийся шрам на левой брови, похоже, не захотел с ним соглашаться. Поразмыслив еще немного, несостоявшийся хоккеист Ночкин признал свою неправоту. Если верить одной древней кинокомедии, даже шахматы – спорт небезопасный, можно случайно доской по ушам получить. Так что, пусть уж лучше роботы дерутся – у них головы железные

Пока Коля спорил со своим шрамом,

схватка уже началась. Началась, как и положено, с разведки. Механические бойцы медленно кружили один против другого, время от времени меняя направление, нанося быстрые одиночные удары, тут же отскакивая и вновь принимаясь водить бесконечные хороводы.

Казалось бы, роскошные плюмажи из разноцветных перьев, украшавшие головы бойцов, должны мешать им, ограничивать свободу размахивания мечом. Однако те никаких видимых неудобств не испытывали. Наоборот, Коле показалось, будто большинство атак направлено как раз на эти украшения.

Помявшись немного, он все-таки поделился своими подозрениями с Бан-Зайцлем. И сенешаль на этот раз встретил Колин вопрос одобрительно.

— А как же! — улыбнулся он. — Ведь между перьев установлена приемная антенна. Если перерубить ее, робот будет действовать только по заложенной программе, и в нее уже не

внесешь никаких изменений.

Слава богу, звездолетчики не краснеют — утратили такую способность в результате длительных тренировок вестибулярного аппарата и кровеносной системы, а то бы Коля сегодня только этим и занимался. Ведь видел же, что сами рыцари не стоят без дела и не глазеют по сторонам, а дружно достали из-за пояса такие же металлические коробочки, какую уже демонстрировал гостю во время праздничного пира сам сенешаль, уткнулись в них носами и быстро-быстро нажимают на разноцветные кнопки, лишь изредка бросая взгляд на дерущихся роботов.

Любой невежественный дикарь конца двадцатого века признал бы в этих приборах пульта дистанционного управления, но Коля не был настолько примитивен и успел позабыть все странности, замеченные им во дворце. И сейчас догадался только после подсказки сенешаля. Его мнение о мыслительных способностях рыцарей тут же достигло рекордной высоты. Стало быть, они

тут и в программировании что-то понимают? Ничего себе средневековье!

А сами рыцари заработали кнопками еще активнее, и роботы теперь уже проводили серийные атаки из множества самых разнообразных ударов и отвлекающих маневров. Но успеха ни тот, ни другой не достигли. Больше всего их схватка напоминала поединок мастеров кун-фу из старинного гонконгского боевика – мелькают руки, ноги, колющие и режущие предметы, но оба бойца остаются целыми и невредимыми. А если учесть, что они еще и железные, то поединок может тянуться бесконечно.

Однако бой казался скучным и безрезультатным только неискушенному землянину. Публика, особенно, простолюдины, ревела от восторга, и даже убеленные сединами ветераны позволяли себе скупые проявления эмоций.

В судейской ложе сидело несколько важных пожилых мужчин, аристократической внешности. Они внимательно следили за

действиями роботов, время от времени делая пометки в лежавших перед ними протоколах.

За спинами судей стояла пара молодых человек, одетых скромно и неброско. У них в руках были пульта, точно такие же, как и у рыцарей. Молодые люди, не отрываясь, глядели на экраны своих пультов. Не обращая внимания на окружающих, они негромко переговаривались между собой, нажимая на клавиши. Эта пара производила настолько странное впечатление, что Коля не удержался и спросил о них сенешаля.

— Они отслеживают программы, которые выполняют роботы, — ответил тот.

— А разве посторонним можно это делать?

— Официально — нет, — слегка смутившись, признался сенешаль. — Но, видите ли, в чем дело, уважаемый Коля, мы по возможности стараемся закрывать глаза на это мелкое нарушение правил. Как вы, вероятно, успели заметить, практически все роботы — одной модели. И боевые качества у них одинаковы. В турнире побеждает тот рыцарь, который

лучше управляет своим роботом, составляет самую лучшую программу. И никто, даже Его Величество, не в праве заставить победителя раскрыть его секреты. Но тут, – Бан-Зайцль обернулся, убедился, что никто к его словам не прислушивается, и продолжил. – Тут уже вмешиваются интересы государства. Ведь, случись война, тем же самым роботам придется защищать королевство от вражеского нападения. И мы заинтересованы в том, чтобы господа рыцари были в курсе всех новинок программирования.

– Значит, эти люди...

Коля ещё не успел толком сформулировать промелькнувшую мысль, но сенешаль помог ему.

– Именно так, уважаемый Коля!

Официально они не состоят на королевской службе, но действуют с ведома и одобрения Его Величества. Они высматривают новинки в программах, и за чисто символическую плату знакомят с ними всех интересующихся. А интересуются, конечно же, все. Никто не

хочет оказаться посмешищем на следующем турнире.

— Мудрое решение, — не мог не признать Коля. — А вы сами тоже пользуетесь их услугами?

— Увы, мой молодой друг! — В голосе Бан-Зайцля звучала неподдельная грусть. — Государственные дела не позволяют мне регулярно следить за турнирами. А благородное искусство программирования развивается так стремительно, что стоит сделать перерыв хотя бы на пару лет, и вернуться на прежний уровень уже почти невозможно.

Королевский сенешаль и космонавт-землянин вздохнули практически одновременно. Проблема явно носила общегалактический характер. И Коля, дабы не бередить раны пожилого аристократа, сделал вид, будто увлечен происходящим на ристалище.

Там и в самом деле намечались некоторые изменения. Рисунок танца стал более

однообразным. Если раньше роботы поочередно кружили один вокруг другого, как токующие тетерева-косачи, то теперь токовал лишь жёлто-синий. А красно-зеленый скорее изображал самку, вяло отбивающуюся от его ухаживаний. Которые с каждой минутой становились все настойчивее.

Господин Бан-Зацль, проследив за очередной серией ударов, сокрушенно показал головой:

– Нет, Лэнси долго не продержаться. С тех пор, как ему пробили гидравлику правого плеча на Дамблдонском турнире, он уже не тот. Цилиндры подтекают, и поршни не держат удар. Даже отсюда видно.

Действительно, корпус красно-зеленого робота подозрительно поблескивал в районе правого плеча.

– Другой бы на месте Черча давно купил нового робота, – продолжал рассуждать сенешаль. – Но барон – воплощение рыцарства. Не могу, говорит, бросить в беде верного слугу, я ведь с ним столько турниров

выиграл. Вот и мучается теперь, ремонтирует после каждого поединка, даже гномов к себе в замок привозил. Но и они ничем не помогли. Полностью восстановить робота можно только в фабричных условиях, да и то — никакой гарантии. Жаль Лэнси, славный был боец, да и сам барон от всех этих расстройств заметно сдал.

Соперник барона, герцог да Вишли, по всей видимости, не страдал от избытка благородства. То ли заранее зная о дефекте бедняги Лэнси, то ли определив слабое место по ходу сражения, он перепрограммировал своего робота на бесконечное повторение нехитрой комбинации отвлекающего маневра и примитивного, но мощного рубящего удара сверху.

В прежние времена барон Черч и не мечтал бы о лучшем подарке. Ведь робот, однажды удачно защитившийся от атаки, уже никогда не оплошает при ее повторном применении. Но ослабевшие поршни Лэнси все медленней поднимали меч для защиты, и

сама рука после удара прогибалась все сильнее. Еще десяток—другой таких атак, (а робота спешить некуда), и желто—синий сразит противника.

Барон понимал безнадежность ситуации, уж во всяком случае, не хуже Коли. При первой же возможности, он отдал роботу команду перехватить меч в левую руку и самому перейти в наступление. Надо отдать должное Лэнси, перестроился он мгновенно. Чего никак не скажешь про его оппонента. Желто—синий продолжал действовать по обычной программе и защищался так, будто его атаковали правой рукой. А левую он, естественно, блокировать не сумел. К счастью для него, сенсоры движения сработали независимо от основной программы, и голова желто—синего с громким шипением втянулась в плечи, спасаясь он стремительно приближавшегося лезвия. Однако спрятанная в плюмаже приемная антенна осталась беззащитной.

Разноцветные перья медленно и печально

упали под ноги робота и погребли под собой обрубков антенны. Раздосадованный виконт еще какое-то время яростно колотил по клавишам, а затем с силой швырнул пульт на землю. Под рев трибун со стороны судейского столика на ристалище вышел герольд и трижды протрубил в рог.

– Схватка окончена? – предположил Коля.

– Ни коим образом, уважаемый Коля! – возразил Бан-Зайцль. – Как раз сейчас и начнётся самое интересное. В памяти хорошо подготовленного робота хранится огромное количество атакующих и защитных приемов. Самостоятельно выбирать вариант атаки он не обучен, но обороняться может бесконечно долго. И барон должен за десять минут найти такую комбинацию, которая поставила бы робота противника в тупик. В противном случае судьи объявят ничью.

– Но как же он успеет?

– А вот в этом и заключается рыцарское искусство, – важно заявил сенешаль. – И будьте уверены, барон быстро определит

слабое место в подготовке противника. Или, в крайнем случае, придумает новую комбинацию. Вот увидите, как он сейчас развернется!

Подтверждая слова Бан-Зайцля, красно-зеленый робот тут же провел несколько мощных атак с пируэтами, уклонами и быстрыми выпадами. Желто-синий противник держался стойко, но даже на глаз было заметно, как он запаздывает с принятием решения. Пару раз ему уже досталось, но вскользь, без видимых повреждений. И в ожидании решающего удара зрители загомонили пуще прежнего. Правда, на Колин непрофессиональный взгляд, их комментарии имели мало общего с происходящим на ристалище.

— Я же говорил, что эта новая модель никуда не годится, — кричал юноша с верхнего ряда. — Разработчики объявили, что у нее чуть ли не вдвое больше памяти, но оказалось, что весь дополнительный объем уже занят операционной системой.

– Вот-вот! – соглашался почтенный ветеран с нижнего. – Новые версии только жрут системные ресурсы. Даже у моего трехсотого Палантира быстродействие было выше!

– Это который на перфоленте работал? – донесся слева чей-то ехидный вопрос.

– Да не в процессоре дело! – пробасил великан справа. – Графические интерфейсы – это забава для подростков. С пульта надо вводить текстовые команды, а не в картинки играть.

– Настоящий рыцарь должен программировать только на Ассемблере!

– Говорят, победитель Лимбийского турнира вообще сразу составлял программу в машинном коде, – поддержали его с галерки.

Коля почувствовал себя чужим на этом празднике и решил больше не отвлекаться на реплики, а смотреть только на поле боя. И вовремя. Робот барона, имитируя удар слева и сверху, пробрался в тыл противника, уклонился от ответной атаки, развернулся в

обратную движению сторону, присел и ловко подсек мечом правую ногу противника. Видимо, он задел при этом какую-то важную трубку. Густо-коричневая жидкость из поврежденного сустава струей хлынула под ноги дерущимся. Лэнси по команде барона сразу отпрыгнул в сторону, не прекращая при этом атакующих действий. А его соперник, лишенный подсказок хозяина, продолжал топтаться на опасном участке площадки и, в конце концов, поскользнулся и грузно завалился набок.

Судьи тут же дали команду остановить поединок. Но пока герольды поднимали свои фанфары, пока барон Черч вводил команду, Лэнси успел подскочить к поверженному врагу и вонзить меч прямо в шов его нагрудной пластины. Послышался скрежет металла, потом какой-то треск и шипение, из раны посыпались искры. До трибун донесся запах горячей изоляции.

— Вот видите! — возбужденно крикнул Бан-Зайцль. — Я был уверен, что Черч справится.

Все-таки двенадцать выигранных турниров Большого Шлема чего-нибудь да стоят. Лет пять назад он вообще занимал первое место во всех рейтингах. Да и сейчас, если бы Лэнси был в порядке...

Коля не разделял восторгов сенешаля. Ему было жалко робота. Если коротнуло центральную цепь, то и процессор должен сгореть. А наши астролетчики всегда бережно относились к технике, понимая, что новой в случае чего дожидаться придется долго.

Но искусство барона Коля оценил по достоинству. В следующих поединках, а турнир проводился по кубковой системе, он собирался болеть именно за Лэнси. Он так бы и поступил, если бы буквально через пару минут герольды не объявили о том, что барон Черч снимается с соревнований ввиду неисправности своего робота.

Где-то через полчаса Коле надоело наблюдать за этим танцем с саблями. Не считая небольших расхождений, либретто у

всех участников турнира оставалось неизменным. А оценить по достоинству мастерство исполнителей он мог лишь в том случае, если бы: а – понимал, какой сложный прием они сейчас проводили; бэ – знал, какую навороченную программу для этого понадобилось сочинить; и вэ – если бы хотя бы успевал рассмотреть сам прием. Но до замедленного повтора на большом экране в этом мире еще никто не додумался, а роботы действовали с такой быстротой и точностью движений, что иногда Коля видел только конечный результат атаки – срубленную антенну или сбитого с ног противника. Более привычные к такому зрелищу аборигены что-то, видимо, все-таки различали, но обсуждали в первую очередь вопросы программного обеспечения боя, а не само размахивание мечами. И сенешаль, не менее других увлеченный событиями на ристалище, вскоре обратил внимание на заскучавшего гостя.

– Вы устали, мой юный друг? – участливо спросил он. – Это, наверное, с непривычки.

Боюсь, у вас не хватит сил дожидаться решающего боя, а он состоится ближе к ужину. Может быть, вы пока прогуляетесь, осмотрите окрестности? А я попробую подыскать для вас сопровождающего. Да, вот, к примеру, барон Черч наверняка не откажется составить вам компанию. Барон, разрешите вас отвлечь?

Черч в это время беседовал на трибуне с двумя подругами своей юности. А если учесть, как давно закончилась эта юность, то вряд ли беседа доставляла рыцарю особое удовольствие. Но Бан-Зайцль не для красного словца назвал барона воплощением рыцарства, примером для молодежи. Если бы ситуация требовала, Черч продержался бы и час, и два, все это время оставаясь безукоризненно галантным кавалером. Но раз уж появилась возможность вежливо откланяться, он не стал искушать судьбу.

– Ну, какого мола ты так разорался, Бан-Зайцль? – дружески поприветствовал он сенешаля. – Неужели королевские хроникеры,

дескать их в подмышку, опять пытаются записать ту старую историю с Лохлесского турнира?

Рыцарское достоинство не позволяло барону употреблять в речи площадные ругательства, однако горячий темперамент настойчиво того требовал. И Черч нашел изысканный выход из сложного положения: заменял неподобающие его рангу слова на абсолютно нейтральные – мол, дескать, якобы и их производные. Во всяком случае, так они звучали в переводе Колиного кулона. А сенешаль и вовсе не находил в речах своего старинного приятеля ничего необычного.

– Нет, Черч, господин Коля не хроникер, а гость из далекой страны. Такой далекой, что даже джинны о ней ничего не знают.

– Надо же! – в голубых глазах светловолосого барона отразилось искреннее удивление. – Гость, якобы. А с виду – человек как человек.

– Да он и есть человек, только не здешний, – невозмутимо продолжал Бан-Зайцль. –

Господин Коля никогда раньше не был на турнире, и для первого раза уже набрал достаточно впечатлений. В общем, ему не помешало бы немного прогуляться. И был бы вам очень признателен, барон, если бы вы сопровождали нашего гостя.

– Имярек вопрос, – ослепительно улыбнулся в ответ Черч. Потом подумал, что чужеземцу трудно оценить образность его языка, и пояснил. – С удовольствием, господин Коля. Или, может быть, вы предпочитаете, чтобы к вам обращались как-то иначе.

Коля только накануне избавился от обращения «принц», убедив короля, что благородному дону не пристало бахвалиться титулом, полученным в другой стране. На что Чисбур тут же предложил по окончании турнира посвятить дорогого гостя в рыцари. А до той поры Колю решено было называть «господином». Но и эта приставка уже успела ему порядком надоесть. Да и сомнения она тоже вызывала немалые. Вроде бы и

уважительная, но даже не сведущему в геральдических тонкостях космонавту понятно, что это ниже рангом, чем барон, граф или тот же виконт. А перевести звание «пилот второго класса Дальнего космического флота» вряд ли сумел бы даже волшебный кулон Махмуддин-аглая. Пусть уж лучше обращаются просто по имени.

– Зовите меня Ником, барон. – Коля решил, что к данному случаю лучше подойдёт американизированный вариант. Потом вдруг спохватился, не спросит ли продвинутый пользователь Черч, какой у него ник, и быстро добавил. – Или просто Колей. И если не возражаете, перейдём на ты.

Однако барон не среагировал на слэнговое словечко. Вероятно, чатиться в сети среди местных аристократов не было принято. А может, до самой сети дело пока ещё не дошло.

– Вот это правильно! – обрадовался барон. – Сразу видно настоящего рыцаря, а не придворного лизоблюда. А ты называй меня Черчи.

– Договорились, Черчи. А куда мы пойдём?

– Не переживай, Коля, тебе понравится. – Барон хлопнул нового приятеля по плечу. Ничего себе хлопок получился, увесистый, рыцарский. Как будто он сам всю жизнь мечом промахал, а не нажимал на кнопки пульта. – Я покажу тебе изнанку турнира, его утробу. Будет что рассказать своим соплеменникам-гостям.

– Звучит заманчиво, – признался Коля.

Они опрощались с Бан-Зайцлем и направились вокруг ристалища в сторону палаток участников турнира.

– А про какую это историю ты говорил сенешалю? – любопытствовал Коля.

– Было дело, – усмехнулся Черч. – Лет двадцать назад. Я тогда только начинал. И вот однажды, на Лохлесском турнире для чайников заклинило у меня на пульте кнопку ввода. А я как раз отдал Лэнси команду атаковать. Вот он и махал мечом до тех пор, пока не размолячил в щепки всю малую

трибуну. Хорошо ещё, что вигрин вовремя закончился, а то он и королевской ложи добрался бы. Но меня все равно на следующий турнир допускать не хотели, да и потом еще долго называли грозой трибун.

— А что такое турнир для чайников? — продолжал допытываться землянин.

— Хочешь взглянуть? Пойдем, покажу. Здесь тоже такой проводится.

Барон резко развернулся и зашагал в обратную сторону. Оказалось, что за главной трибуной есть еще одна, поменьше. И второе ристалище, тоже более скромного размера. Там вообще все было скромно. И одежды участников не такие пышные, и роботы не раскрашены, и герольды без фанфар. Да и зрителей собралось немного.

Зато шум здесь стоял невообразимый. Впрочем, даже и не шум. Грохот, лязг, скрежет — или как еще можно назвать звуки, образующиеся при соударении металлических предметов. Слово соударение Коле не очень понравилось, но подобрать более точное он

так и не сумел. Возможно, потому что был ошарашен и оглушен, едва подойдя к трибуне.

Огромное поле перед ней, намного большее, чем на главном турнире, флажками разгородили на десять или двенадцать узких полос. По краям этих дорожек стояли наготове роботы, вооруженные длинными копьями и маленькими круглыми щитами. По сигналу судей механические монстры во всю мощь своих поршней неслись навстречу друг другу и с грохотом сталкивались прямо напротив трибуны. Затем рыцари с помощью живых слуг и оруженосцев подбирали останки бойцов и уносили в палатки, а судьи тем временем называли победителя.

Поначалу Коля подумал, что побеждает тот робот, который при столкновении получил меньше повреждений. Но потом заметил, что они еще и пытаются на бегу поразить противника копьем. Не всем это удавалось, некоторые и не пытались атаковать. Но тут на помощь судьям приходили какие-то дополнительные показатели. Возможно,

скорость бега, а может быть, и в самом деле, характер повреждений. Коля хотел уточнить у барона, но в таком шуме не слышал даже собственного вопроса, не то что объяснений.

Иногда кто-то из роботов вдруг притормаживал, словно бы пугался удара. Но при этом его хозяин начинал усиленно колотить по кнопкам пульта, и наблюдательный космонавт почти сразу догадался, что произошел какой-то сбой в программе или управлении. Впрочем, проблемы соперника никого не волновали, исправный робот врезался в него со всей дури и обычно таким образом выигрывал поединок.

Сложности с определением победителя возникли лишь однажды, когда остановились оба робота. Судьи долго совещались, а потом отправили бойцов на исходные позиции, чтобы те разогнались заново. Однако напрасно два щуплых паренька теребили свои пульты. Ни тот, ни другой робот так и не сдвинулись места.

Тут Коля решил, что с него достаточно и

знаками показал барону – пошли отсюда.

– Ну, как? – поинтересовался Черч, когда они отошли на достаточное для начала разговора расстояние. – Тебе понравилось?

– Даже не знаю, – признался Коля. – Расскажи лучше, что все это означает?

С одной стороны увиденное даже больше походило на традиционный рыцарский турнир, каким его представлял себе землянин. Не хватало только лошадей и прекрасных дам. Последние, понятное дело, наблюдали за главным турниром. А первых, вероятно, просто жалели хозяева. Коля мог лишь приблизительно оценить вес боевого робота, но в любом случае получалось в полтора, если не в два раза больше, чем весит рыцарь в полном доспехе. Попробуй-ка, поноси на себе такую тяжесть! Тогда уж и кони им тоже требуются железные. Кстати сказать, самому землянину сталкивающиеся груды металла как раз больше всего и напомнили испытания автомобилей на прочность. Но так обычно поступают с новыми, экспериментальными

образцами, а не в массовом порядке.

— Зачем они так бьются, Черчи?

— Понимаешь, Коля, на турнире выступают только самые знатные, заслуженные рыцари.

А их сыновьям, к примеру, еще нужно научиться управлять роботом, набраться опыта, добиться посвящения в рыцари...

— Да это как раз понятно, — перебил его землянин. — Но ведь они же там не учатся, а ерундой занимаются.

Барон остановился и с удивлением посмотрел на спутника.

— Ну, ты даёшь, Коля! Задескись сказал, в самую точку. А чего ж тогда Бан-Зайцль болтает, что ты первый раз на турнир попал? Опять старик все напутал, мол ему в забрало!

— Нет, он просто не знал. — Коля поспешил вступить за бедного сенешаля. Как бы ни выглядел на самом деле таинственный мол, в забрале ему явно было не место. — У нас на родине проводят что-то похожее на ваши турниры. Попроще, конечно, и без роботов, но суть-то одна.

– Суть, может, и одна, – согласился барон.
– Только деньги разные. Настоящий боевой робот – дорогое удовольствие. В небогатых дворянских семьях их вообще передают по наследству от отца к старшему сыну. А младшим что делать?

– Ну, можно взять на прокат, – предположил Коля.

– Можно, но хорошего робота тебе никто не предложит, подсунут какую-нибудь рухлядь времен Второй Эльфийской войны. А цену заломят такую, что дешевле получится нового купить, чем три раза одалживать. В общем, каждый выкручивается, как умеет. Кому-то повезло в чулане дедушкиного робота найти, кто-то сам из запчастей собирает. И с этими самоделками на турнир приезжает.

– Так ведь они ж никогда настоящего робота не победят!

– Правильно, не победят. Поэтому их на главный турнир и не пускают, а на заднем дворе – пускай бьются. По упрощенным правилам. Ну, да ты сам все видел.

– Видел, только не понял, зачем им все это?

– Как зачем? – удивился Черч. – А рыцарские привилегии? Их только на таких турнирах получить и можно. Да и тем, что уже посвящен в рыцари, нужно раз в год на ристалище появляться. А то ведь недолго и дворянства лишиться. А кому ж охота на старости лет в ремесленники или крестьяне загреметь?

– Значит, они только для галочки дерутся? – догадался землянин. – Типа, главное не победа, а участие?

– Как ты сказал, Коля? – вдруг забеспокоился барон. – Типа? Это что означает?

Коля смутился. Несколько лет назад весь состав космофлота в принудительном порядке записали в Добровольное общество по борьбе за чистоту русского языка. И с тех пор у него в членской книжке не появилось ни одного замечания. А на этой планете он уже не в первый раз срывается. Хорошо еще, что никто

из коллег не слышал.

— Ну, типа — это значит как бы, вроде бы, якобы, — начал он объяснять.

— А-а, — обрадовался Черч, — дескать! Понятно. Надо бы запомнить, а то ругательств мало — не развернешься.

Коля смутился еще сильнее. Теперь его признают виновным и в засорении инопланетных языков. Хотя, сначала он еще должен добраться домой. А до той поры, как говорится, либо ишак, либо эмир, либо... Нет, не стоит об этом. Лучше уж барона послушать.

— Ты всё правильно понял, Коля, — продолжал Черч. — Главное здесь — чтобы судьи зафиксировали, что ты участвовал в турнире и провел хотя бы один поединок. И чтобы твой робот не типанулся до столкновения. Тогда бой не засчитывается. У тех бедолаг, чьи роботы остановились на полдороге, могут быть неприятности. Хорошо если до вечера они успеют купить нужные запчасти и отремонтировать робота. А иначе — суд чести. Турнир-то в этом году последний.

– А где ж их купить, эти запчасти?

Землянин не мог не посочувствовать несчастным рыцарям. Они ж не виноваты, что у них тут такой же бардак, как в колином родном космофлоте. А барон не мог не посочувствовать Коле, задающему такие наивные вопросы.

– Так ты что, и на базаре не был? – удивился Черч. – Чем же ты здесь тогда занимался?

– Да что я там не видел, на вашем базаре? – неожиданно даже для себя самого обиделся Коля. – Нашел, чем удивить! Да я, если хочешь знать, три раза на центральном складе космодрома был. Я его, можно сказать, вдоль и поперек исходил, и такого так насмотрелся...

– Космодром? – переспросил барон. – Должно быть, из гномов? Да, не спору, встречаются среди них богатые мужики. Но и на нашем рынке, Коля, тоже стоит побывать, поверь мне на слово. Там не только запчасти, целую армию роботов можно купить, лишь бы

денег хватило.

– Да на фига мне твои роботы? Я ж не рыцарь?

– Тоже не проблема. Если хочешь, я тебе быстро графский титул организую, с дипломом государственного образца. Правда, здесь, на турнире, его лучше не показывать – сразу разоблачат, но для домашнего пользования сгодится.

- Да не хочу я быть графом! – продолжал кипятиться Коля, уже позабывший, что ему в скором времени предстоит церемония посвящения в рыцари. – Я – космонавт, пилот второго класса, понял?

– Ну, ты это... извини, Коля, - примирительно проворчал Черч. – Откуда ж мне было знать? Сказал бы сразу, что не при деньгах, я бы и не заикался. Ладно, пойдем, хотя бы просто посмотришь на это чудо.

Коля, уже привыкший сдерживать свои эмоции, умудрился и в это раз не рассмеяться. Тем более что в принципе барон был не так уж и не прав. И они отправились изучать

особенности местного рынка.

Располагался он сразу же за палатками участников турнира, и палаток здесь оказалось раз в десять больше. Еще бы, ведь рынок, по словам барона, путешествовал от замка к замку вслед за турнирами, и обслуживал в основном самих рыцарей. И сейчас на каждом квадратном метре его бурлила жизнь. Гномы, загримированные под людей, люди, загримированные под гномов, а также совсем неопознанные личности бегали взад-вперед с кучей металлического лома в руках, трясли друг перед другом какими-то бумагами, кошельками и странными предметами, одновременно напоминающими художественную чеканку, древние глиняные письма и современные микросхемы.

Коля остановился в нерешительности. Сочетание восточного базара с внутренним двором завода по переработке вторсырья произвело на астронавта неизгладимое впечатление. Он просто озирался по сторонам, время от времени бормоча извинения, когда

очередной ужасно занятой посетитель рынка со всего размаху налетал на него, почти как роботы с турнира для чайников.

К тому же барон, проворчав что-то, наподобие: «тут мне один гном новенький гидроусилитель предлагал», мгновенно растворился в толпе и оставил Колю в беспомощном состоянии посреди бушующего моря коммерции.

Впрочем, ненадолго. В общей суете Коля даже не сразу понял, что трое дюжих молодцов быстро и довольно слаженно заталкивают его в узкую щель между двумя палатками. И только оказавшись зажатым со всех сторон, догадался спросить, в чем дело.

Один из троицы, типичный полукровка, унаследовавший от предков-людей высокий рост, а от гномов — широкие плечи и кривоватые ноги, любезно согласился дать объяснения:

— Слушай, мужик! — оскалился он, сверкнув золотыми передними зубами. — Ходят слухи, будто бы ты продал джиннам какой-то

принципиально новый продукт?

— А вам-то какое дело? — вежливо поинтересовался Коля.

— Нам до всего есть дело, — объяснил золотозубый. — Мы, видишь ли, работаем на Большую Семерку...

— Чего-о?

— Только не говори мне, что никогда не слышал, про Семерых Гномов! — ухмыльнулся полукровка.

— Ну, слышал кое-что, — сдерживая смех, признался Коля.

— Так вот, — важно заявил золотозубый. — На самом деле, они ещё круче, чем тебе рассказывали. На этом рынке все подчиняются Семерке. А если какой-то умник, вроде тебя, захочет торговать сам по себе, то надолго он не задержится. Ни на рынке, ни вообще на этом свете.

— Да не собираюсь я ничем торговать, — немного нервно ответил Коля. — И джинам я свою приставку просто подарил.

Видимо, такой вариант рекетиры в расчет

не принимали. Они долго перешептывались, а потом вдруг куда-то засобирались. Только полукровка на ходу бросил:

– Ну, живи, коли так. Но помни – мы тебе предупредили.

Землянин не успел придумать достойный ответ, как перед ним материализовался из воздуха барон Черч.

– Чего от тебя хотели эти люди, Коля? – обеспокоено спросил он.

Космонавт решил пока не посвящать рыцаря в подробности разговора.

– Да так, спрашивали, чем я интересуюсь.

– А-а, – разочарованно протянул барон. – Тогда ладно. А то я думал... Знаешь, тут полно всяких типорасов. Но, ежели что – сразу мне говори. Я с ними разберусь.

Коля поблагодарил Черча и сказал, что пока его помощь не требуется. Но гулять дальше по рынку землянину как-то сразу расхотелось.

Глава 18

Церемония посвящения Коли в рыцари завершалась. Поскольку свободных вакансий графов, герцогов и даже баронов в Корлевстве не отказалось, землянину достался титул виконта. Он принес присягу на верность королю, пообещал ничего не замышлять против верховной власти, всеми средствами защищать Королевство от врагов и регулярно платить налоги. Барон Черч, исполнивший роль своеобразного крестного отца, обязанного поручиться за вновь посвящаемого, тут же шепнул Коле на ухо, что последний пункт клятвы – чистая формальность. Никому и в голову не придет проверять налоговую декларацию благородного дона. Пополнять королевскую казну – удел простолюдинов.

Землянин кивнул в знак благодарности, но про себя подумал, что его больше волнуют первые пункты. Считается ли преступным умыслом намерение при первом удобном

случае улизнуть из Королевства? И как в этом случае Коля будет защищать его от врагов? А уж где заполнить декларацию, он как-нибудь найдёт. Было бы с чего эти налоги выплачивать.

От тревожных мыслей космонавта-рыцаря отвлек могучий голос Чисбура, повелевающий преклонить колена. Коля исполнил королевскую волю, несильно получил церемониальным мечом по лбу, пяткам и другим выступающим частям тела, и был, наконец, отпущен в отведенные для него покои. Крестный отец Черч сопровождал его, загадочно улыбаясь.

Когда они остались одни, Коля вопросительно взглянул на барона.

– Осталось что-то еще?

– Да. Поскольку теперь ты официально находишься в звании дворянина, то тебе положено иметь при себе камердинера.

– Робота?

– Нет, молота, – жизнерадостно пошутил барон.

Коля замялся.

– Но это же огромные деньги. Я не в состоянии купить его.

– Не переживай. Король подарил тебе одного из своих, и попросил меня вручить его тебе и проинструктировать, как с ним обращаться.

Черч покопался в карманах камзола, и выудил на свет небольшой пульт, похожий на его собственный, висевший в кобуре на поясе. Он привычно пробежал пальцами по клавишам, затем ткнул пальцем в экран.

Дверь открылась, и в комнату неслышно вошел новенький робот. Коле мысленно добавил «молоденький», таким чистеньким и смущенным тот выглядел.

– Здравствуйте, хозяин, – негромким приятным голосом произнес робот. – Начиная процедуру инициализации. Назовите, пожалуйста, ваше имя.

– Э-э, Коля, – растерявшись произнес землянин.

– Повторяю. Имя хозяина «Ээколя».

Пожалуйста, подтвердите или назовите другой вариант.

– Нет, нет, без «э-э» – поспешил исправиться новоиспеченный виконт. – Просто Коля.

Внутри робота что-то щелкнуло.

– Повторяю. «Простоколя». Здравствуйте, господин Простоколя. Пожалуйста, подтвердите правильность.

– Да нет, ты не понял. Меня зовут Коля.

Робот озадаченно уставился на будущего хозяина. Что-то шло явно не так. Землянин растерянно обернулся Черча и обнаружил, что тот беззвучно смеется.

Коля обиделся.

– Что за тупицу ты мне привел?

– Не переживай, Потом эта дескать станет сговорчивее. А сейчас необходимо пройти процедуру инициализации. В это время он примет от тебя только самые простые ответы. Скажи ему «отмена», пока он не загорелся от напряжения.

Коля вновь обернулся к роботу. Поза

последнего показывала крайнюю степень озадаченности.

– Отмена предыдущего ответа. Начни процедуру заново.

Робот, казалось, облегченно вздохнул. Внутри него опять что-то щелкнуло и он начал процедуру знакомства заново.

Коля быстро представился. Затем робот вслух перечислил все дворянские звания и попросил Колю выбрать соответствующее. На этом процедура закончилась.

– Здравствуйте, господин виконт Коля Ночкин. Я рад служить вам.

Виконт облегченно вздохнул, но, как оказалось, слишком рано. Невозмутимый робот продолжил.

– Начинаю процедуру персонификации хозяина.

Коля обернулся к Черчу.

– А это что еще за зверь?

Барон лукаво усмехнулся.

– Сейчас узнаешь. Он задаст тебе несколько вопросов, чтобы знать, как тебе

прислуживать. А я выйду и подожду за дверью. Когда закончите, позови меня.

Черч быстро вышел, оставив землянина один на один с роботом. Коля зябко поежился – что там еще придумали местные гномы.

– Если вы готовы, хозяин, то я попрошу вас ответить на ряд вопросов, имеющих личный характер. Компания «Мингли и Фингли» гарантирует полную конфиденциальность полученной информации. Ваши ответы необходимы для того, чтобы я выбрал оптимальную модель поведения, наиболее полно удовлетворяющую вашей психологической карте.

После этого Коля провел полчаса, отвечая на всевозможные вопросы робота. Кто бы ни составлял этот опросник, он имел ярко выраженные садистские наклонности. Из него вышел бы замечательный средневековый инквизитор.

Коля подробно описал свои гастрономические пристрастия, вкусы и предпочтения в одежде. Указал примерный

распорядок дня. Ответил на вопросы, связанные с количеством и длительностью естественных отправлений.

Минут десять робот невозмутимо расспрашивал землянина о вредных привычках и непристойных действиях, которыми тот тешит себя наедине. При этом робот невозмутимо уточнял, какую именно помощь он может оказать при этом хозяину.

Когда выяснилось, что ковырять в носу Коля предпочитает самостоятельно, робот даже обиделся, но в данном вопросе виконт проявил непоколебимую, истинно рыцарскую твердость. На этом опрос был закончен.

— Благодарю, хозяин. Полученная информация передана в координационный центр компании и поможет улучшить качество обслуживания клиентов.

Коля побагровел.

— Мало того, что ты полчаса надо мной издевался, так ты еще и передал в компанию все мои ответы?

Робот невозмутимо молчал и ни на что не

реагировал. Просто стоял, словно металлическая статуя. В это время в комнату зашел Черч.

— О, мол-перемол, кажется, я вовремя. Ты еще не подрался с ним?

— Только-только собрался, — ответил разъяренный Коля.

— Не переживай, это стандартная процедура. Видишь, он опять вырубился. Фактически вопросы задавал не он, а инициализирующая программа. Сейчас базовый пакет программ закончит инсталляцию, и он будет готов к работе. Вот, держи пульт.

Коля подождал, пока уляжется сердцебиение, и внимательно рассмотрел пульт. Он был значительно меньше тех, которые Коля видел у рыцарей. Клавиатура на пульте имелась, но была закрыта прозрачной крышечкой, и явно не предназначалась для постоянного употребления. Основную часть пульта занимал экран, на котором виднелись стилизованные изображения робота,

выполняющего определенные действия.

– Как видишь, – начал инструктаж Черч, при переходе на любимую тему сразу забывший о своих любимых же словечках, – управление упрощено до предела. Голосовой интерфейс у него примитивный, команды в основном подаются через пульт. Достаточно нажать на нужную пиктограмму, и робот выполнит команду. Вот смотри: это – команда «одеваться», это – «кофе в постель».

– Разберусь, не маленький, – проворчал Коля, разглядывая картинки на экране.

А сам подумал, что ни в коем случае не станет экспериментировать со второй кнопкой. Ужасно не хотелось бы однажды утром проснуться в кровати, залитой горячим кофе. Вот действие первой кнопки еще можно попытаться проверить.

– Так что же, мне теперь следует одеваться с его помощью?

– Лучше не стоит. Или рукав оторвет, или руку тебе вывихнет. Это очень примитивная, массовая модель. Девяносто процентов

вычислительной мощности у него уходит на то, чтобы сохранять равновесие. Пусть просто ходит за тобой, чтобы все знали о твоём дворянстве.

Коля молчал. Он с ужасом смотрел на картинку, изображавшую робота с бритвой в руках. Его передернуло, и он мысленно дал зарок, что бриться с помощью робота-камердинера не рискнет никогда.

Потом Коля вспомнил о другом.

– Слушай, а ведь у тебя совсем другой пульт. И у всех рыцарей тоже.

– Эка, куда хватил. Ты что, хочешь себе боевой пульт? Ты с ним не справишься, да и не нужен он тебе.

– Ну, дай хоть посмотреть, раз уж зашел разговор. В конце концов, я имел дело с гораздо более сложными устройствами, – сказал уязвленный космонавт.

Черч пожал плечами и достал из кобуры свой пульт, щелкнул предохранителем и протянул Коле. Тот осторожно принял прибор и стал его рассматривать.

Сразу видно, что пультом пользуются часто. Кожаный чехол по углам засален до блеска, а надписи на некоторых клавишах почти стерлись от многократных нажатий. Экран у пульта небольшой, черно-белый, и работает в текстовом режиме. Зато клавиатура большая и удобная. Кроме букв и цифр имеется десятка два дополнительных клавиш. Обозначения на них ничего не сказали Коле, и он вернул пульт хозяину.

– Да, пожалуй, без инструкции я не разберусь, – печально сказал он.

– Не удивляйся. Работа на боевом пульте – особое искусство, и обучают ему с детства. Кроме того, это не просто пульт.

Черч открыл незаметную крышечку сбоку и достал темно-красный кристалл.

– Кристаллический вигрин? – спросил Коля, вспомнив разговоры с джинном.

– Да, – удивленно ответил барон. – Ты и это уже знаешь?

– Махмуддин рассказывал, что гномы добывают его в своих горах. Однако джинн

говорил, что от него мало проку.

– Джинн! – презрительно протянул Черч. –
Якоб с лестницы, да что они понимают в
гномьей магии!

– Это блок питания? – высказал догадку
Коля.

– Нет, пульт работает на жидком вигрине,
как и сами роботы. Но кристаллический
вигрин может хранить программы.

– Внешний носитель?

– Угу. Дело в том, что роботы не
предназначены для дополнительного
программирования. У них вся память занята
базовым набором программ, и их нельзя ни
изменить, ни дополнить. А для турниров, сам
понимаешь, этого недостаточно. Мы делаем
так называемые домашние заготовки с новыми
боевыми программами, и записываем на такие
кристаллы. Потом, во время боя мы
транслируем все это роботу. Именно в таких
заготовках и заключается рыцарское
искусство. Обычно в турнире побеждает тот,
кто придумает самую эффективную и

неожиданную программу.

– Я видел, что рыцари на турнире все время что-то печатали на своих пультах. Сенешаль говорил, что таким образом они вводят программы для роботов. Мне тогда это показалось сомнительным, но я не стал спорить.

– Бан-Зайцль отстал от жизни. В современном программировании он не разбирается. Во время боя невозможно написать хоть мало-мальски стоящую программу. Мы успеваем только указать необходимое действие и перечислить программные модули, которые следует задействовать. А когда их недостаточно, то передаем с пульта домашние заготовки. Вот тогда и начинается самое интересное в схватке.

– Я понял. Не говоря уже об объеме, который надо напечатать, турнирное поле не лучшее место для спокойного вдумчивого программирования. Конечно, вы готовите все загодя, а во время боя пользуетесь заранее

написанными программами. И побеждает лучший программист.

Черч вздохнул.

— Если бы так! В последнее время ситуация изменилась. На каждом турнире в шатры заглядывают подозрительные типы, в смысле, дескати, и за бесценок предлагают купить новейшие библиотеки боевых программ. Благородное искусство программирования уходит в прошлое. Теперь любой моло... - он осекся, подумав, не примет ли виконт его слова на свой счет, но все-таки продолжил, — молокосос может купить кристалл с боевыми программам, на разработку которых раньше уходило несколько месяцев.

Коля понимающе покачал головой. Что поделаешь, большой спорт не отделим от бизнеса.

— Скажу тебе честно, такова ситуация во всей вселенной. Не знаю, утешит ли тебя это знание, но поверь мне, я такое неоднократно видел на разных планетах. Что поделаешь, воруют.

Глава 19

Шторы на окнах были тщательно задернуты, и в комнате царил полумрак – ведь все знают, что тролли не выносят ярких солнечных лучей. А главное место за большим столом занимал именно он. Сидел в огромном каменном кресле, и при недостаточном освещении неискушенный зритель затруднился бы сказать, где кончается кресло и начинается собственно тролль. Но нельзя отрицать, что полный осознания собственной значимости, он выглядел весьма внушительно.

Вокруг председателя расположились четверо: эльф, гном, джинн и человек. Каждый из присутствующих был одет строго согласно традициям своего народа. Правда, кое-что они добавили и от себя.

Так, эльф украсил свой темно-зеленый бархатный плащ большими драгоценными изумрудами. В полумраке комнаты их было почти не видно, но иногда шальной лучик

света проникал в комнату, и тогда изумруды перемигивались друг с другом вспышками пронзительного зеленого света, будто феи играли с фонариками на травяной лужайке.

Плащ, как обычно, скрывал фигуру эльфа. На его лице красовалась маска – непременный атрибут одежды эльфов.

Гном, как и положено, был в шахтерском шлеме и промасленной брезентовой спецовке. Правда брезент по своим свойствам был похож скорее на батист, а шлем покрыт позолотой. Масло, пропитавшее спецовку, было фиалковое. Драгоценно масло, которое выжимают из лепестков фиалок, собранных на рассвете.

Джинн, по ряду понятных причин, не мог состязаться с присутствующими в элегантности, зато не уступал и даже превосходил всех по пышности и стоимости одеяния. Подробное описание его одежды заняло бы слишком много времени. Поэтому пойдем от противного. В одежде джинна не было облегающих деталей, и она не была

украшена жемчугом. Остальные элементы работы кутюрье, а также роскоши и богатства в той или иной мере в облачении джинна присутствовали.

Человек, в противоположность остальным, был одет подчеркнуто скромно. К тому же у него явно была аллергия на фиалковое масло: он непрерывно чихал, отчего нос его покраснел, как будто смущался из-за поведения хозяина. Время от времени человек слезящимися глазами косился на гнома, но ничего не говорил. Вид у него был подавленный, как у преступника, которому уже огласили смертный приговор, и теперь оставалось лишь узнать, каким именно способом его собираются казнить, и надеяться, что этот способ окажется достаточно гуманным.

Эльф обвел взглядом присутствующих, обнаружил, что председатель-тролль мирно подремывает в кресле, и решил начинать собрание:

– Господа, члены Добротворительного

комитета! Мы собрались здесь, чтобы выслушать доклад о результатах добротворительной миссии на территории Королевства. Затем мы обсудим целесообразность продления санкций против Королевства. Прошу вас!

Он кивнул в сторону гнома, тот поднялся с места и подошел к стене, на которой были развешены плакаты с графиками.

Разноцветные линии диаграмм роста и падения сплетались в причудливые узоры. Тыкая указкой в графики за спиной, эльф начал докладывать.

— Как следует из отчетов наших экспертов, за прошедший период рост преступности в Королевстве снизился всего на ноль целых и две десятых процента. Средний уровень насилия продолжает оставаться неизменным, с небольшими улучшениями в области внутрисемейных конфликтов. Тяжелые преступления сведены на нет, но мелкие правонарушения остаются на прежнем уровне. Приведенные данные свидетельствует об

эффективности принимаемых мер, но с другой стороны, они же доказывают необходимость продления санкций против Королевства еще на один десятилетний период.

Человек запротестовал.

– Да вы поймите, нам просто некуда снижать преступность. У нас давным-давно нет преступников в традиционном понимании. Бытовые случаи насилия настолько редки, что о них и говорить не приходится. Ну, обчистят мальчишки соседское дерево. Так ведь это не преступление. К тому же им так за это всыплют, что они в жизни больше не подойдут к чужому добру. Я прошу уважаемый Комитет прекратить санкции, снять заклинание и предоставить нам возможность жить самостоятельно.

– Мы обязательно снимем заклинание, – оборвал человека эльф. – Но не теперь. Пока еще слишком рано. Мы не должны забывать, господа, что люди – самая молодая раса на планете, и наш долг направить ее развитие в

правильное русло. Их воинственная ментальность пока так и не изменилась. В доказательство, я хочу сообщить Комитету, что в прошлом месяце в Королевстве произошла попытка нападения на нашу инспекционную группу.

– Да кто же мог на них напасть? – удивился джинн.

– На инспекторов натравили боевых роботов.

– Но роботы не могут причинить вреда эльфам. Это заложено в их конструкцию! – запротестовал гном.

– Я не говорю, что они причинили вред кому-то из эльфов. Я даже не утверждаю, что в составе комиссии были эльфы. Но сам факт подтверждает мои слова – менталитет людей еще недостаточно изменился, если они позволяют себе подобные возмутительные выходки.

Троль проснулся и кивнул головой.

– Нападение – это нехорошо.

Человек вновь попытался протестовать.

– Послушайте, но ведь это и было-то всего один раз. И комиссию вашу наши стражники по ошибке приняли за разбойников.

– Разбойники? – оживился Эльф. – Что за разбойники? И почему о них не упоминается в докладе?

Человек запоздало сообразил, что его неосторожные слова могут стать причиной дополнительных неприятностей для Королевства, и попытался сгладить впечатление.

– Да это, господа, мы так наемных лесорубов называем, – он старательно изобразил простодушное выражение лица. – Для выполнения ваших заказов на поставку древесины нам пришлось нанять людей со стороны. Но они, даже при наличии современного оборудования, плохо справляются с заданием, больше требуют повышения зарплаты, чем на самом деле работают. Вот их разбойниками и прозвали. А если иногда из-за них и случаются конфликты, так ведь это же не подданные нашего короля!

– Поэтому и в отчет эти данные не попадают, – неожиданно поддержал его гном, которому тоже ни к чему были лишние вопросы по докладу.

Эльф удовлетворенно кивнул.

А человек решил, что сейчас самое время высказать свои претензии.

– Одну минутку, господа! Еще мы заметили, что после таких инспекций, в местах, где их проводили, исчезают девушки. Самые красивые и здоровые девушки, преимущественно из дворянских семей.

– Ну, это ваши внутренние проблемы. Если девушка убежала из дома, то это говорит лишь о недостатке воспитания. Наше заклинание как раз и поможет вам вырастить более послушных дочерей.

– Но ведь там, где инспекций не проводилось, и о случаях побегов ничего не известно, – попытался возразить человек.

– Разумеется, – не стал спорить гном. – Ведь мы обычно инспектируем самые неблагополучные районы. А оттуда, где все

хорошо, и бежать незачем.

Человек не нашел возражений, хотя и понимал, что проблема перевернута с ног на голову. А остальным членам Комитета этот вопрос и подавно не интересовал.

— Если у вас все, — сказал эльф, — то я ставлю вопрос на голосование. Итак, кто за то, чтобы продлить добротворительные санкции к Королевству еще на один срок?

— То есть, еще на десять лет? — уточнил джинн.

Эльф подтвердил.

— Я хочу внести предложение, — продолжал джинн. — Думаю, что чрезмерная агрессивность людей проистекает из их недостаточной занятости. Я бы предложил увеличить обязательные поставки продовольствия из Королевства для джинов. Это одновременно поможет снизить агрессивность людей, и укрепит их экономику.

— Как же, укрепят эти поставки нашу экономику! — возмутился человек. — Вы

забираете у нас продукты по цене ниже себестоимости. Это просто поборы! Ваше превосходительство, заступитесь!

Тролль посмотрел на джинна. Тот невозмутимо достал какой-то свиток, и потряс им в воздухе.

– Вот, здесь все расчеты. Цену на продукты определяют наши эксперты исходя из ситуации на бирже.

Тролль кивнул головой.

– Эксперты – это хорошо. Продолжайте.

Джинн посмотрел на эльфа. Тот едва заметно кивнул головой. Джинн ответил таким же кивком. Они оба повернулись к гному.

– Если людям тяжело увеличить объем производства, – начал гном, – то мы можем предложить им новую партию роботов. Они специально предназначены для обработки полей и сбора урожая.

– А драться они тоже умеют? – ехидно спросил эльф. – Кажется, вы забыли, что цель нашей акции снизить воинственность у людей,

а не повесить ее.

— Господа, — возмущенно ответил гном. — Мы никогда не продавали людям боевых роботов. Мы даем им механических слуг, безотказных железных помощников и только.

— Хорошо, — согласился эльф. — Поставим вопрос иначе. Вы можете гарантировать, что эти роботы не боевые?

— Да, — коротко ответил гном и выжидающе посмотрел на эльфа. Тот немного подумал и еще раз тихонько кивнул. Гном широко улыбнулся и кивнул в ответ.

— Итак, — сказал эльф, — теперь, я думаю, можно и голосовать.

— Минуточку, — джинн поднялся со своего кресла. — Я прошу разрешения переговорить с представителем гномов наедине. Буквально пара минут, господа!

Джинн быстро вышел за дверь. Гном, не дожидаясь разрешения, последовал за ним. Все произошло настолько быстро, что тролль попросту ничего не заметил. Эльф промолчал. А мнение человека никого не интересовало.

За дверью парочка не стала терять времени понапрасну.

– Вы выполнили свое обещание? – спросил джинн.

– Да. Новая модель робота потребляет на пятнадцать процентов больше вигрина, чем предыдущая.

Джинн удовлетворенно кивнул и вытащил из-за пазухи небольшой свиток, подозрительно похожий на тот, который он демонстрировал троллю под видом экспертных расчетов.

– Это чек на ваше имя в банк «Маруддин и Маруббин». Потрудитесь проверить.

Гном, не глядя, сунул чек в карман комбинезона.

– Не первый день знакомы.

Джинн осклабился.

– Конечно, нам с вами еще работать и работать.

Парочка вернулась на свое место.

– Ну что, – объявил джинн, – давайте голосовать, мне давно уже пора что-нибудь

покушать.

– Кто за? – коротко спросил эльф.

Все, кроме человека, подняли руки.

– Против?

Руку поднял человек.

В наступившей тишине было отчетливо слышно, как капелька пота сорвалась с его внезапно покрывшегося испариной лба и звонко шлепнулась об каменный пол.

– Простите, мне со своего места плохо видно, – удивленно произнес эльф, – но вы, кажется, голосовали против?

– Д-да, – с трудом шевеля побелевшими губами, ответил человек.

– Стало быть, вы не согласны с нашими предложениями? – поинтересовался джинн.

– Н-не то чтобы я не согласен, – попытался исправить свою бестактность представитель Королевства. – Просто сомневаюсь, что его величество одобрит дополнительные пункты соглашения.

– А может, вы недовольны самим Договором, – не слушая его отговорок,

спросил гном.

Его массивное тело подалось вперед, отчего диковинный головной убор из чистого золота заметно съехал на лоб. И человеку на мгновение показалось, что это не декоративная шахтерская каска, а боевой гномий шлем. Воображение быстро дорисовало вокруг еще несколько сот таких же грозных, разве что не столь богато украшенных шлемов, грозно надвигающихся на растерянных, беззащитных людей, которым эльфийское заклятие не позволит даже просто постоять за себя.

Нет, самому представителю Королевства такой картины наблюдать, по счастью, не приходилось, но он хорошо помнил рассказы своего деда о подавлении антидоговорного мятежа в Авилоне. Сам дед был тогда совсем еще маленьким мальчиком и успел ускользнуть с площади через подвальное оконце соседнего дома. А остальным горожанам пришлось испытать на себе неумолимую силу гномьего хирда, пусть даже

и не пускающего без особой нужды в дело свое страшное оружие. Дед так и не признался, сколько человек погибло в «стихийно образовавшейся уличной давке», как именovala эти события официальная хроника Королевства.

И с тех пор никто уже не осмеливался открыто выражать недовольство условиями Договора.

– Договор – это хорошо, – авторитетно подтвердил тролль, ненадолго очнувшийся от дремотного забытья.

– Нет-нет, господа, вы меня неправильно поняли, – быстро заговорил человек, стараясь не смотреть в сторону председателя Комитета. – Все жители Королевства считают Договор необходимым, справедливым и единственно верным. Никому и в голову не пришло бы... Я просто... э-э... отвлекся и не расслышал вопроса.

– Отвлекся – это плохо, – пробормотал тролль, опять засыпая.

Остальных членов Комитета неуклюжие

объяснения человека вполне удовлетворили.

– Тогда, может быть, имеет смысл провести повторное голосование? – предложил эльф.

Тролль всхрипнул в знак согласия, и эльф объявил второй тур голосования.

– Итак, резюмируем, – продолжил он несколько секунд спустя. – Решение Комитета о продлении срока действия заклęcia считается принятым единогласно. Господин председатель, вы уже можете опустить руку.

Тролль с интересом посмотрел на свою руку, замершую в воздухе по стойке смирно. Похоже, он проголосовал, не приходя в сознание, а теперь со вздохом вернул руку в исходное положение на подлокотнике и сообщил:

– Единогласно – это хорошо.

Эльф поднялся.

– Благодарю вас, господа. Всего наилучшего. Встретимся через десять лет.

Члены Комитета расходились довольные. Эльфы получили очередные десять лет

контроля над Королевством, гномы – вожденную лицензию на поставку новой партии роботов. Джины, как всегда, выиграли вдвойне: они получили увеличенные поставки продовольствия из Королевства, плюс повышение потребности в вигрине у людей. Правда, собравшихся немного обеспокоило поведение делегата-человека. Заклятие заклятьем, но остальной мир должен быть уверен, что Договор отвечает интересам жителей Королевства. Ведь в перспективе подобные соглашения планировалось подписать и с другими странами. И любые, самые ничтожные сомнения в этом вопросе крайне нежелательны.

Впрочем, эту проблему можно обсудить и приватно, не утомляя почтенного председателя Комитета.

Тролль проводил всех мутным взглядом и грузно откинулся на спинку сооружения, служившего ему креслом. Несмотря на задернутые шторы, он плохо соображал, как и всегда днем. Он понял лишь, что провел очень

важное заседание, и все эти недомерки относились к нему с уважением.

– Уважение – это хорошо! – сказал тролль и с облегчением уснул.

Лишь один член Комитета уходил озабоченным. Он думал о том, что вместо радостного известия о снятии с Королевства санкций, он сможет сообщить королю лишь об увеличении объемов обязательных поставок продовольствия для джиннов.

Но это никого не беспокоило. Ведь, в конце концов, все делалось именно для блага Королевства и всего человечества.

Глава 20

Коле снилась Лаванда. Такая же милая, привлекательная, соблазнительная, как при первой и пока единственной их встрече. И во сне дела у космического дон-жуана продвигались значительно успешнее, чем в

действительности. Столкнувшись, якобы случайно, в дверях залы, он обменялся с горничной многозначительными взглядами, побродив несколько минут между танцующими парами, ускользнул в парк и, не успев даже толком заскучать, дождался появления дамы сердца. Тихая, защищенная от посторонних глаз аллея увела их от дворца к уютной беседке на берегу небольшого круглого пруда. Мягко шелестели над головой кроны деревьев, начинали вечернюю распевку птицы, переливалось красками закатное небо.

Коля не торопил события, понимая, что вся природа играет сейчас на его стороне. Дежурный набор душещипательных историй из жизни одинокого космического скитальца, парочка стихов Есенина, судя по увлажнившимся глазам Лаванды, не сильно искалеченных кулоном-переводчиком, несколько изящно-замысловатых комплиментов, от своей туманности действующих только сильнее. Робкие соприкосновения рук, плавно перетекающие в

страстные объятия. Легкий туман в голове, уже не принимающей активного участия в событиях. За исключением губ, неистово штурмующих бастионы невинности. Те же самые руки, быстро и деловито исследующие все выпуклости и впадины фигуры девушки, которые уже не в силах защитить слишком тонкое и к тому же так легко расстегивающееся платье.

Лаванда на мгновение освободилась от Колиных поцелуев и, чуть ли не задыхаясь, прошептала:

– Милый, возьми это!

«Все-таки она – прелесть, – мелькнула в голове у космонавта сиротливая мысль. – Даже об этом успела подумать».

И тут землянин почувствовал у себя в руке небольшой, но тяжелый металлический предмет. Глаза сами собой устремились к загадочному подарку и вскоре опознали в нем пульт управления, почти такой же, каким пользовались рыцари на турнире.

– Что это? – ошеломлённо спросил Коля. –

Зачем он мне нужен... сейчас?

– Нужен, нужен, – настойчиво повторила девушка, одной рукой привлекая возлюбленного к себе, а другой вынимая из-за корсета ещё один пульт, только чуть меньшего размера. – Без него ничего не получится.

С этими словами она нажала на маленькую красную кнопку в нижнем правом углу прибора, и почти одновременно за спиной у Коли раздались глухие удары железа по дереву. Землянин встревожено оглянулся, выпустив девушку из объятий, и увидел идущего к нему робота. Вернее, идущую, потому что на металлическом корпусе ясно различались все вторичные и даже первичные признаки женского пола. А в глазах у роботицы, (разумеется, на самом деле там были простые видеодатчики, но Коля сейчас особой разницы не чувствовал), горел огонь желания. И от этого было особенно страшно.

– Ну же, милый! – услышал землянин голос Лаванды. – Нажимай скорей свою кнопку!

Терминаторша неумолимо приближалась,

и растерявшийся космонавт послушно надавил пальцем на красный кружок. Шум усилился, но стал менее четким, словно происходил теперь от двух разных источников. Коля не сразу сообразил, что в беседе просто появился второй робот. Но мгновение спустя он уже возник в поле зрения и уверенно двинулся наперерез первому. Роботица повернула голову, заметила новый объект, и видеодатчики вспыхнули еще ярче. Причем, не только у нее самой, но и у собрата тоже. Роботица резко рванулась к нему, железные чудища с грохотом столкнулись и повалились на деревянный пол беседки.

– Жми левую верхнюю кнопку, – страстно прошептала Лаванда откуда-то из угла беседки. – Скорее же, милый!

Коля машинально исполнил приказ. В груди металла на полу произошли какие-то изменения. Роботица ловко перекувырнулась, встала на ноги и внезапно села сверху на поверженного собрата. Расставила нижние конечности в стороны и принялась невысоко,

но ритмично подпрыгивать.

«Да они же... совокупляются!» – наконец-то дошло до Коли.

А еще до него донеслись сладостные стоны Лаванды, словно она сама участвовала в этом фантасмагорическом действе.

– Да, милый, да! Еще!

– Нет! – в ужасе закричал Коля, барабанив пальцами по клавишам пульта, в тщетной надежде прекратить этот кошмар. – Не надо! Не хочу!

Однако, если что и изменилось, то только позы, в которых совокуплялись роботы. Они уже перепробовали больше половины рекомендаций камасутры, и лязг металла от их соударений становился все яростнее. А в углу все громче стонала от наслаждения Лаванда.

– Не-е-ет! – снова крикнул Коля.

И проснулся.

– Уф-ф! Приснится же такое!

Коля уселся на подушки, отер холодный пот со лба и вдруг опять вздрогнул, осознав, что лязг металла с пробуждением не

прекратился. Потребовалась вся выдержка опытного звездолетчика, чтобы не запаниковать и трезво оценить ситуацию. Ну, конечно же! Сон здесь ни при чем. Просто кто-то настойчиво и, по-видимому, уже давно стучится в запертую дверь спальни.

– Да просыпайтесь же, господин Коля! – пробился из-за двери скрипучий голос гнома Эйнли. – Открывайте скорее! Беда!

Коля бросил полусонный взгляд в окно – вроде начало светать. Ладно, хоть не среди ночи разбудили. Он, поеживаясь, выбрался из постели, быстро надел комбинезон, покрутился в поисках ботинок – безрезультатно - и побрел открывать босиком. Нечаянно ступил мимо ковра на каменный пол и вздрогнул от холода. Может быть, зря он отказался от механического камердинера? Нет, правильно сделал. И без того всякая чушь снится, а если робот постоянно рядом вертеться будет, и вовсе свихнуться можно. На ходу брызнул в лицо водой из тазика для умывания и только теперь проснулся

окончательно. Дернул дверной засов и почти одновременно вспомнил, куда вчера посылал в ночное свои ботинки.

Турнир завершился поздно, почти на закате, а потом еще намечался пир в честь посвящения Коли в рыцари. Но виновник торжества как-то очень устал за этот день, вероятно, сказалась сытая жизнь у Махмуддин-аглая, и от продолжения банкета вежливо, по-английски отказался. То есть, не прощаясь, тихо ушел спать. И уже когда забрался в постель, спохватился, что не погасил свечи. Снова вставать не хотелось, и он воспользовался подвернувшейся под руку обувью. Два ботинка – две погашенных свечи. Говоря откровенно, он пару дней назад полвечера потратил на отработку этого приема. Сбить пламя, не опрокидывая подсвечник – задача трудная, но при определенном упорстве приноровиться можно. Опять же, хоть какое-то разнообразие вносит в придворную жизнь.

Недостаток метода проявился только

сейчас. Голыми ногами ступать по каменным плитам — это, знаете ли, бодрит. Зато и поиски завершились быстрым успехом. Через две минуты Коля уже готов был выслушать гнома, который, впрочем, все это время ходил следом за радушным хозяином и пытался объяснить ему суть дела.

— Так, что, вы говорите, у вас произошло? — любезно поинтересовался Коля.

— У нас, батенька, у нас! — поправил Эйнли, уже догадавшись, что пришелец не слышал ни слова из сказанного ранее. — Принцесса у нас пропала. Пошла вчера вместе с горничной посмотреть на турнир, а назад так и не вернулась. Весь дворец переполошился, один вы спите, как будто вас это ничуть не касается.

— А разве должно касаться? — невинно спросил Коля.

— Но ведь вы жених принцессы! — возмутился гном.

— Фиктивный жених, батенька, фиктивный, — передразнил его землянин. — А почему это

она пешком пошла и без охраны?

— А кто ж ей помешает делать всё, что вздумается? — вопросом на вопрос ответил гном.

Тут Коля не нашел возражений.

Настюрция, конечно, славная девушка — веселая, добрая, непосредственная. Только «непосредственная» — это слишком мягко сказано. Непонятно, как в ее стройной, даже худенькой фигурке умещается такое огромное шило, не дающее спокойно жить ни самой принцессе, ни ее прислуге.

«Прислуге? — переспросил сам себя Коля. — Ох ты, мама моя!»

— Погодите! — схватил он гнома за рукав. — С какой горничной она пошла на турнир?

— С Лавандой, разумеется, других она и не признает.

— И пропали они вместе?

— А как же.

— Так чего же мы стоим? — забеспокоился Коля. — Искать их нужно!

— Да ищут уже, — проворчал Эйнли. — И

найдут, если они просто потерялись. А вот если не просто...

– Как это «не просто»?

– А то вы не слышали, как в здешних краях девушки пропадают?! – недоверчиво хмыкнул гном. – Много всяких страхов рассказывают. И про чудище трехголовое, невесту себе подбирающее, и проклятье какое-то древнее вспоминают, а больше всего на эльфов грешат.

– Это еще почему? – спросил землянин, в самом деле ничего про похищения не знавший.

Эйнли вздохнул и опустился в кресло.

– Так ведь издавна повелось: еслистряслась какая-нибудь беда – значит, чужеземцы виноваты. И прошу отметить, мы с вами, батенька, тоже чужеземцы. Если что – нам в первую очередь и достанется.

Доводы гнома не показались Коле убедительными.

– Ну, это вы бросьте, уважаемый, – рассмеялся он. – Мало разве иностранцев в Королевстве? Почему сразу нам?

– В Королевстве, может, и много, – упрямо твердил старик. – Но во дворец не каждого пускают. И вообще, береженного бог бережет. Не знаю, как вам, а мне еще пожить охота. Вы же сами собирались сбежать отсюда при первом удобном случае. Вот этот случай и подвернулся. Пусть не самый удобный, но зато, возможно, последний. Где, вы говорили, ваша летающая лодка спрятана?

– Ну, ладно, предположим, вы правы, – нехотя согласился Коля. – И как вы собираетесь бежать? Дворец-то наверняка охраняется.

Гном неожиданно хихикнул.

– А на этот случай, батенька, у меня давно уже катапульта подготовлена. На крыше башни хранится, почти в собранном виде. Нужно только раму установить и ремни с противовесами подсоединить. Выбрасывает за пять тысяч шагов от города, прямо над лесом, а потом приводится в действие устройство для мягкого приземления. Моя разработка, между прочим. Вот, смотрите!

И гном принялся прямо на каменных плитах что-то чертить сапогом, но Коля, конечно же, разглядеть ничего не смог. К тому же и без объяснений догадался, что разговор идет о парашюте. Он решил прервать монолог увлекшегося ученого.

— А скажите, почтенный, не опасно ли будет в вашем возрасте из себя снаряд изображать?

— Да уж не опасней, чем подставлять голову под топор, — мрачно пошутил Эйнли. — Вы, батенька, просто еще не знаете, какой крепкий народ гномы. Ну, ничего, вот когда мы на вашей лодке к звездам полетим, тут-то вы и поймете...

Гном продолжал хвастаться, но землянин уже не слушал его. Потому что вдруг понял, что не может сейчас убежать. Пусть даже опасения гнома могут оказаться не напрасными, пусть даже Коля в самом деле соскучился своему кораблю, и пусть даже они вдвоем с Эйнли каким-то чудесным образом сумеют починить посадочную шлюпку. Но

бросить в опасности Лаванду – нет, на это он не способен. Одну принцессу – трудно сказать, возможно, и бросил бы. А ее горничную – ни за что, никогда...ну, во всяком случае, не сейчас.

– Простите, уважаемый, – перебил он гнома, уже добравшегося в своих мечтах до центра Галактики, – но нельзя же бежать только потому, что вас могут в чем-то заподозрить. Не говоря уже о том, что своим побегом вы подтвердите эти необоснованные подозрения. Нет, пойдемте лучше к королю и предложим свои помощь в розысках принцессы. Мы же с ним беседовали, и Чисбур произвел впечатление здравомыслящего человека. Если не принимать во внимание его страстную любовь к тотализатору. Я уверен, он все поймет, а вы с вашими познаниями наверняка ускорите поиски. Согласны?

Эйнли разочарованно посмотрел на Колю.

– Эх, не судьба, видать, мне к звездам, – вздохнул гном. – Такой шанс был. Когда

теперь еще кто-нибудь прилетит. Да и парня жалко, - продолжал он так, словно рядом никого не было. – Погибнет по глупости. Оно и видно, что не принц – ничегошеньки в политике не понимает.

Коле на мгновение стало стыдно, что он не оправдал надежды старика. Но космонавт не должен менять решение, которое сам считает правильным, если, конечно, ему не докажут обратное. А Эйнли так и не доказал.

Гном еще больше ссутулился, хотя, казалось бы, уже некуда, и шаркающей походкой направился к двери. Потом обернулся и тихим, обиженным голосом сказал:

– Ну, прощайте, господин Коля! Пойду катапульту устанавливать.

И ушел. А Коля еще долго стоял посреди комнаты не в силах выразить словами бушевавшие его чувства. Наконец, выразил:

– Вот ведь, мол дескать тебе в левое ухо!

Облегчив таким образом душу, он разгладил складки на комбинезоне и

отправился на поиски принцессы и ее горничной. Или точнее, его горничной и ее принцессы.

Глава 21

За последнюю пару часов его величеству изрядно надоело выписывать квадраты и треугольники, шагая по собственному кабинету. Но ни сидеть, ни хотя бы стоять на месте он уже не мог. Умник Бан-Зайцль убедил короля, что благоразумнее не носиться по окрестностям столицы в поисках дочери, а руководить операцией из дворца. Дескать, так он всегда будет в курсе последних событий, да и его самого не придется потом искать, чтобы сообщить радостную весть.

Дескать... Король криво усмехнулся, вспомнив любимое ругательство барона Черча. В тот-то и беда, что ничего радостного или хотя бы обнадеживающего, ему так и не сообщили. Первое время Чисбур ещё прислушивался к шагам в коридоре, пытаясь угадать, с каким донесением спешит к нему гонец, но потом бросил это занятие. Шаги с каждым разом становились все более

виновато-нерешительными, а сообщения, начинавшиеся по-разному – прочесали такой-то лес, расспросили жителей такой-то деревни, установили кордон на такой-то дороге, заканчивались тоскливо однообразно – следов принцессы не обнаружено.

Уже не только простые стражники, но и кое-кто из придворных начал сомневаться в том, что принцесса заблудилась, сбилась с дороги, или стала жертвой несчастного случая. Похоже, что это был вовсе не случай. Никто пока не решался произнести слово «похищение», но слишком уж много слухов бродило по Королевству, чтобы не обращать на них внимания. И если вся городская стража вместе с многочисленными помощниками из гражданского населения до сих пор не отыскала принцессу, значит, исчезновение было тщательно спланировано и подготовлено.

Но кто же мог решиться на подобную гнусность? И как злоумышленнику это удалось? Король достаточно хорошо знал свою

дочь, чтобы понимать – заставить ее сделать что-либо против воли практически невозможно. А самой Настюрции вроде бы незачем было убегать из дома. Значит, ее все-таки похитили. Причем, с применением грубой физической силы. Но тогда непременно сработало бы эльфийское заклятие. Следовательно...

Да, несомненно. Эльфы как-то замешаны в этом деле. Или не эльфы, а другие иноземцы. Но даже они вряд ли смогли бы незаметно вывезти принцессу за пределы Королевства. Скорее всего, Настюрцию где-то прячут. В каком-нибудь труднодоступном месте, которое трудно отыскать. Или...

Или в таком, куда стражники не посмеют войти. А во всем городе есть только один дом, владелец которого не подчиняется королевской власти. Это представительство Комитета. Но напрасно Барин сын Ларина думает, что может безнаказанно хозяйничать в чужой стране. Если под угрозой оказалась жизнь дочери, Чисбур готов послать к чертям

любые договоры.

– Эй, Бан-Зайцль! – рыкнул он, приоткрыв дверь в соседнюю комнату. – Собирай всех стражников, что еще остались во дворце. Мы идем навестить достопочтенного Барина.

Отряд получился не слишком большой, всего восемь стражников. Еще троих – наёмников из других королевств – пришлось оставить во дворце. В таком деле на чужаков полагаться опасно. Впрочем, и на соотечественников Чисбур не очень рассчитывал. Если гномы будут сопротивляться, то и эти ничем не помогут – заклятие не позволит. Вся надежда на пару боевых роботов, грозно шествующих во главе отряда. Одним из них управлял сам король, другим – сенешаль.

Правда, Чисбур и Бан-Зайцль уже давно не появлялись на ристалищах, кое-что подзабыли и не могли воспользоваться многими новыми приемами. Так ведь и драться, не приведи господь, конечно, пришлось бы не с другими роботами, ведомыми опытной рукой бывалого

рыцаря, а с живыми существами, слабыми и уязвимыми. Уж как-нибудь справились бы.

Стражники, поначалу выглядевшие неуверенно – никто и не помнил, когда в последний раз открыто выступали против гномов – при виде такой поддержки тоже заметно оживились.

– Правильно! – переговаривались они между собой. – Давно нужно было этих низкоср... на место поставить. Ишь чего удумали – королевскую дочку украсть!

Гномов в городе недолюбливали, и за глаза частенько обзывали разными обидными прозвищами. В том числе, намекавшими на маленький рост и непропорционально короткие ноги. Вскоре стражники дошли и до обсуждения их мыслительных способностей, но король одернул болтунов. Отряд приближался к дому, где жил представитель Комитета, и не стоило раньше времени выдавать свои намерения.

Однако кто-то уже успел предупредить Барина об опасности. Ворота

представительства, обычно распахнутые настежь до позднего вечера, оказались заперты. От неожиданности Чисбур даже забыл остановить своего робота, и тот с почти колокольным звоном ударился в массивную створку из легендарного гномьего сплава фермопила. Остальные, в том числе и робот Бан-Зайцля, остановились сами, и теперь все вопросительно смотрели на короля. А король смотрел на своего робота. Тот совершал уже третью попытку пройти сквозь стену.

Поразмыслив, Чисбур решил его не останавливать. Так или иначе, а стучаться в ворота всё равно пришлось бы. И вряд ли другой способ принес бы лучшие результаты. Звук получился громкий, требовательный. К воротам представительства уже сбежались десятки любопытствующих, но, уяснив, что здесь затевается, поспешили отодвинуться подальше. С эльфийским заклятием лучше не шутить. Случалось, что оно не искало зачинщика беспорядков, а поражало всех присутствующих. Так что зеваки

предпочитали если уж и наблюдать за сомнительным развлечением, то хотя бы с безопасного расстояния.

Да и смотреть пока было не на что. То ли гномьи уши настолько привыкли к лязгу металла, что уже не реагировали на него, то ли была еще какая-то причина, но за воротами никакого движения не угадывалось. И только когда король остановил робота, звенящую в ушах тишину нарушил скрип открываемого смотрового окна.

— Чего надо? — донеслось из густой бороды, показавшейся в проеме. — Никого пускать не велено.

— Да ты что, негодяй, короля не узнаешь? — возмутился сенешаль. — Открывай скорее, пока все в щепки не разнесли!

Разумеется, он слегка преувеличивал. Справиться с фермопиллом не смогли бы даже осадные орудия. Да и забор вокруг дома выстроили на совесть, по прогрессивной эльфийской технологии. Кирпичи в нем скрепляли не цементом, а покрывали смолой

каменного дерева, которая в застывшем виде становилась крепкой, как гранит. И проникнуть во двор представительства без разрешения хозяев было бы затруднительно.

Тем не менее, на привратника окрик подействовал.

– Стойте здесь, – проворчал он тоном ниже. – Пойду доложу начальству.

И на этот раз ожидание вышло недолгим. Буквально через минуту в монолитной с виду плите ворот образовалось отверстие – калитка служебного входа. А за ней нарисовался сам Барин сын Ларина, в парадном черном камзоле, с тщательно заплетенной в две косы бородой и непривычно любезной улыбкой на квадратном лице под круглой каской.

– Ах, ваше величество! – поклонился он с максимально возможным для гнома изяществом. – Прошу прощения за задержку. У нас тут такой бедлам – вышла из строя система управления воротами, а механика не дозовешься. Дело в том, что вчера нам привезли с родины несколько новейших

приборов для испытания, и... вы же знаете нас, гномов, – Барин развел руками, как бы демонстрируя свою беспомощность, – теперь его от новинки никакими силами не оттащишь.

– Всё это очень интересно, господин Барин, – жестко ответил Чисбур. – Но позвольте нам все-таки войти.

– Конечно, конечно, – засуетился гном. – Только, видите ли... защиту со входа тоже снять не удалось.

И он изящным движением указал на лиловое облачко, окутавшее внутренний двор представительства. Оно как-то подозрительно мерцало, искрилось и даже чуть слышно потрескивало. Любой житель Королевства без труда опознал бы в нем родную сестру эльфийского заклятия. Если оно еще и действует так же, то...

Король и сенешаль нерешительно переглянулись.

– Ваше величество! – воспользовавшись паузой, предложил Барин. – Если дело не

слишком срочное, то, может быть, лучше зайти завтра. А мы здесь пока всеотрегулируем.

«И заодно уничтожите все следы похищения», – разгадал его хитрость Чисбур.

– Нет, до завтра я ждать не могу, – решительно заявил он и скомандовал стражникам. – Вперед!

Те с опаской приблизились к облаку, и снова замерли в нерешительности. Искры в нем засверкали ярче, чаще и громче.

– С оружием не пропустит, – бесстрастно прокомментировал ситуацию гном.

Король задумался.

– А робот пропустит?

– Без оружия – да.

Что ж, на стражников Чисбур особо и не рассчитывал, а робот и с пустыми руками остается грозным противником.

– Значит, так, – распорядился король. – Мечи и алебарды сложить в углу у ворот. Двое остаются его охранять. Остальные со мной. Сначала пойдет мой робот, потом стража,

дальше мы с Бан-Зайцлем, и последним – его робот. Все понятно? Пошли!

Барин сын Ларина с интересом следил за операцией, но ни помогать, ни препятствовать ей, похоже, не собирался.

Робот Чисбура без каких-либо происшествий проник внутрь лилового облака. За ним, почти не выказывая страха, последовали безоружные стражники. Теперь настала очередь короля. Но едва он приблизился, облако осветилось яркой вспышкой молнии.

У Чисбура и еще нескольких самых знатных аристократов Королевства имелись амулеты, защищающие от заклятья. В противном случае король с его энергичным, властным и вспыльчивым нравом недолго бы протянул. Впрочем, может быть, как раз чувство защищенности и сформировало в нем эти черты характера. Так или иначе, но Чисбур ничуть не боялся заклятия. А сейчас... Пусть это облако и напоминало внешне эльфийское колдовство, но нет никаких

гарантий, что амулет и теперь окажется надежной защитой.

– Ну, в чем дело? – обернулся Чисбур к гному, стараясь не выказывать смущения.

– Пульт, – коротко ответил тот.

– Что пульт? – рявкнул король, уже чувствуя подвох.

– Согласно Договору, пульт управления роботом тоже считается оружием, – пояснил Барин все так же безучастно. – А это охранное заклинание строго соблюдает все правила.

Лицо Чисбура побледнело, потом побагровело и, наконец, пошло пятнами от мраморно-белого до густо-вишневого цвета, очень наглядно передавая сложную палитру чувств, которые испытывал сейчас король. Он возмущался коварством гнома, досадовал на себя, так легко попавшегося в ловушку, и тревожился за своих солдат. Вряд ли им угрожает реальная опасность. Но шесть безоружных человек в сопровождении совершенно бесполезной груды металла стоят сейчас посреди двора представительства.

Гномы могут сделать с ними все, что захотят. И само собой, не позволят хозяйничать на своей территории. А он, Чисбур, ничем не может помочь своим людям. Неизвестно даже, услышат ли они его голос. Нет, он не бросит их в опасности. Но и действовать безрассудно больше не будет.

— Бан-Зайцль, — приказал он сенешалю, — выходи за ворота и жди меня там. Если я не вернусь через два часа, действуй так, как считаешь нужным.

— Ну что вы, ваше величество, — театрально всплеснул руками Барин. — Разве может с вами что-то случиться в столице вашего же Королевства. Заклинание действует только на вход, а выйти вы можете, когда вам заблагорассудится.

Король не удостоил гнома ответом, лишь молча бросил пульт Бан-Зайцлю и отважно шагнул в неизвестность.

Лиловый туман неохотно расступился, и Чисбур с облегчением убедился, что с его подданными ничего страшного не произошло.

Но чувствовали они себя, судя по всему, весьма неудобно. Ромбовидный двор представительства и сам по себе выглядел довольно мрачно. С двух сторон – тех, что прилегали к воротам – он был огорожен стеной, а две других стороны составляли флигели особняка, более походящего на крепость, чем на жилой дом. Все окна в нем были снабжены металлическими ставнями, которые сейчас оказались наглухо закрыты, а возле парадного крыльца неторопливо прохаживалось десятка два гномов, облаченных в легкие походные доспехи. У многих из них за спиной висели большие полые цилиндры, поигрывающие в косых лучах восходящего солнца металлическими бликами.

Чисбуру хорошо было известно, что это за штуковины. Штурмовое оперативное оружие, или сокращенно штопор, в умелых руках превращалось в страшную, всесокрушающую силу. Точное следовало бы сказать «на умелой руке», потому что цилиндр одевался на руку,

как перчатка, и крепился к специальному кольцу возле локтевого сустава. В корпусе этого громоздкого, но сравнительно легкого (по гномьим понятиям) устройства скрывались разнообразные полезные в бою насадки – пика, секира, меч, шестопер, рогатина, стальная кошка на длинной цепи, дисковая пила с ручным приводом. И все они быстро и безотказно выдвигались наружу при нажатии соответствующих кнопок и рычагов. Одно время гномы даже снабжали штопор встроенным арбалетом, но потом отказались от этой затеи. Не столько из-за необходимости носить с собой еще и запас арбалетных болтов, сколько из-за того, что точность стрельбы при многократном складывании и раскладывании механизма катастрофически снижалась. Впрочем, у коллекционеров такие штопоры ценились гораздо дороже других, даже более ранних моделей. И нет никакой гарантии, что среди собравшихся во дворе гномов не найдется ни одного любителя старины.

Чисбур почувствовал, как по спине

засеменил неприятный холодок, но не дал ему разбежаться как следует. Солдаты не должны догадаться, что королю тоже знаком страх. И он решительно повернулся к только что вынырнувшему из тумана Барину.

— Так что вас привело ко мне в этот ранний час, ваше величество? — как ни в чем не бывало осведомился гном.

«Издевается», - подумал Чисбур, но постарался ответить четко и спокойно.

— Вчера вечером пропала принцесса Настюрция. Поиски до сих пор не дали результата.

— Да, мне уже доложили, — гном не стал изображать удивленную невинность, но и особого сочувствия также не продемонстрировал. — И чем же я могу вам помочь?

— Вы можете мне не мешать, — отрубил король. — Я намерен обыскать здание представительства и был бы вам очень признателен, если бы приказали своим слугам открыть для осмотра все помещения в доме.

Барин с ответом не торопился, он пристально и якобы непонимающе взглянул на Чисбура, но тот отводить глаза не собирался. Гном не выдержал первым, оглянулся на соплеменников, которые медленно и как бы невзначай начали приближаться к воротам, и покачал головой.

— Увы, ваше величество, я не смогу выполнить вашу просьбу. Это противоречило бы Договору. Представительство Комитета считается нейтральной территорией, на которой законы Королевства не действуют. И я при всем желании не в праве нарушать Договор. И вам не советую.

Последнюю фразу он произнёс очень тихо, но твердо. Король же, напротив, повысил голос:

— Да плевать я хотел на ваш договор! У меня дочь пропала, понимаете — дочь! И лучше бы вам сейчас не становиться на моем пути.

— Ах вот как?! — сросшиеся брови гнома удивленно поднялись где-то до уровня королевского плеча. — В таком случае я просто

вынужден вмешаться. Я немедленно сообщу Комитету о попытке нарушить Договор. И не сомневаюсь, что вас будут большие неприятности.

Чисбур понимал, что представитель прав, и закон не на его стороне. Но решил разыграть последний свой козырь.

– Пока они сюда доберутся, я или Бан-Зайцль, успеем захватить здание представительства. И если принцесса окажется где-то здесь, уже Комитету придется оправдываться за действия своего представителя.

– Если окажется, – с усмешкой повторил Барин. – И если захватите. Не хотелось бы вас расстраивать, но...

Громкий хлопок, донесшийся из большой палатки, расположенной возле левого флигеля, помешал ему закончить мысль. Прорвав крепкую ткань, оттуда вылетел какой-то неопознанный объект. Далеко он, впрочем, не улетел, наткнувшись на стену флигеля. Объект оказался на самом деле

субъектом, военным гномом в полной выкладке, включая уже упомянутый штопор. Правда, столкновение с преградой ненадолго вывело его из строя, и он медленно и беззвучно сполз по стене прямо на руки двум гномам в замасленных комбинезонах. Те быстро сунули под нос пострадавшему какую-то склянку с остро пахнущей жидкостью, и через пару мгновений тот уже почти ничем не отличался от сородичей, собравшихся во дворе представительства. За исключением, разве что, слегка помятого шлема.

Однако Барину увиденная картина все равно не понравилось.

— Да что ж вы делаете, олухи! — возмутился он. — Уже в третий раз! — Гном обернулся и торопливо извинился перед Чисбуром. — Прошу прощения, ваше величество, но я должен немедленно прекратить это безобразие.

Король понимающе кивнул. Как бы он ни относился к самому Барину, но его заботу о подчиненных не мог не приветствовать.

Тем временем гном подбежал к палатке, сдернул материю с ее каркаса и заорал так, что даже Чисбур, сам обладающий мощным королевским рыком, не разобрал ни слова. Зато разглядел странную конструкцию, скрытую внутри палатки. Поперек двора тянулась огромная труба, один конец которой резко загибался и уходил в землю, а другой был развернут в сторону стены флигеля. Возле трубы приютился небольшой, высотой со среднего человека, металлический ящик с многочисленными кнопками, экранами и лампочками. Если бы не размеры, его можно было бы принять за пульт управления роботом. А рядом с ящиком суеилось несколько гномов в гражданской одежде. Один из них тут же начал оправдываться перед начальством:

– Ваше представительство, да мы здесь ни при чем. Гномопровод еще не отлажен, и к тому же рассчитан на стандартные параметры. Как правило, транспортировка проходит гладко, но если попадется гном крупнее

обычного, то все настройки сразу сбиваются.

Подтверждая его слова, из широкого отверстия трубы, словно пробка из бутылки игристого, вылетел ещё один гном. Вслед за ним пронеслась мощная струя воздуха, надувшая парусом ткань палатки. Но материя выдержала и даже остановила полет необычного снаряда, который благополучно приземлился и с невозмутимым видом отдал честь Барину.

– Вот видите, ваше представительство! – обрадовался провинившийся механик. – Система работает исправно.

– Ну, смотри, – уже тише сказал Барин. – Если из-за вас флигель завалится, сам его подпирать будешь!

И гном вернулся к поджидавшему его королю.

– А это не опасно – головой об стену? – спросил ошеломленный Чисбур.

– Да что вы, ваше величество! – усмехнулся Барин. – Они же в шлемах. А вот стена старая, может и не выдержать.

Затем гном посерьезнел и продолжил разговор:

– Ну, раз уж вы все видели, то и объяснять долго не придется. Помните, я вам говорил, что мы получили из метрополии новое оборудование? Так это оно и есть.

Гномомпровод позволяет почти мгновенно перемещать на большие расстояния как живые, так и не живые предметы. И сейчас мы как раз заняты его испытаниями. В которых нам согласился помочь Десятый гвардейский хирд. И если понадобится, через час-полтора он в полном составе окажется в Авилоне. Надеюсь, я понятно объяснил?

Король молчал, хмурился и опять последовательно менял окраску лица. Куда уж понятнее! Если Барина больше заботит стена, чем здоровье солдат, значит, их и в самом деле очень много. Проклятых гномов не только не удастся поставить на место, но еще и придется постараться, чтобы замять конфликт. Вот только зачем им все это понадобилось? И причем здесь принцесса?

Представитель Комитета, казалось, прочитал августейшие мысли.

– А теперь вернемся к произошедшему здесь недоразумению. Должен признаться, что меня не слишком удивила ваша неадекватная реакция. С того момента, как мне доложили, что ваша дочь пропала, я ожидал чего-то подобного. Однако дело в том, что ни я, ни Комитет не имеем никакого отношения к ее исчезновению. И обеспокоены случившимся не меньше вашего. По несколько иным причинам, разумеется. Кое-кто там, в метрополии считал, что люди уже стали достаточно цивилизованными и можно рекомендовать эльфам снять заклятие. И это мнение, несмотря на мои протесты, начинало преобладать. Но теперь, увидев, насколько ненадежны ваши гарантии соблюдения Договора, они вынуждены будут признать ошибку. И, скорее всего, действие заклятия продлят еще на пятьдесят лет. Но и мы в свою очередь обязаны неукоснительно соблюдать Договор. Поэтому я, как представитель

Комитета, сам займусь расследованием происшествия. А гвардейцы Десятого хирда мне в этом помогут. Смею вас заверить, что виновные будут найдены и понесут заслуженное наказание.

— А принцесса? — глухим, сдавленным голосом спросил Чисбур. — Вы вернете мне дочь?

— Вернем, разумеется. Как только найдем. И чем быстрее мы приступим к расследованию, тем больше шансов найти ее живой и невредимой. Так что я очень рассчитываю на ваше содействие. — Гном снова поклонился, как будто внезапно словно вспомнил, что разговаривает с королем союзной державы. — А потому, ваше величество, давайте не будем тратить время на пустяки, а лучше проследуем во дворец и приступим к опросу свидетелей. Кстати, и сенешаль вас заждался, — гном прислушался к неразборчивым звукам, с трудом проникающим во двор сквозь защитное заклинание. — Вон как шумит. Как бы не

натворил глупостей.

Король, все еще не пришедший в себя после неприятного разговора, только теперь обратил внимание на доносящиеся со стороны ворот обрывки то ли спора, то ли просто громкого разговора. Один из голосов явно принадлежал Бан-Зайцлю, но основной шум производил не он.

— Да, в самом деле, — согласился Чисбур. — Посмотрим, что там происходит.

Но не успел он сделать и шага, как внутри лилового облака вспыхнула молния, раздался треск, резкий вскрик и еще какие-то звуки. И что-то черное, пахнущее дымом, выпало из тумана прямо на короля и повалило его с ног.

Глава 22

Дворцовая стража зауважала Колю с самого первого его появления в городе. Кто-то на личном горьком опыте, кто-то по рассказам

очевидцев. Даже иноземцы-наемники, один из которых и охранял сейчас вход в королевские апартаменты. При виде страшного в гневе звездного принца стражник тут же вытянулся в струнку, хотя, честное слово, при его комплекции сделать это было не просто, и четко по-военному отрапортовал, куда, когда и зачем отправился его величество. К чести Коли следует признать, что он за всеми своими заботами не забыл поблагодарить информатора.

— Спасибо, братан! — крикнул он, включая маршевую скорость. — Выручил.

— Типа, нивапрос, камрад! — ответил стражник, уже знакомый с основами языка космических пришельцев.

К счастью, Коля ответа не расслышал, а то бы пришлось ему опять порассуждать о трудностях миссии культуртрегера. Но уж как-нибудь в другой раз. А сейчас ему необходимо найти короля, который должен находиться где-то неподалеку от резиденции Комитета. И что-то подсказывало землянину, что он не

будет выглядеть совсем уж нелепо, если прихватит с собой бластер. Все-таки король не в гости отправился. Жаль только, что узнать у стражника, где расположена эта самая резиденция, Коля не догадался. Понадеялся на свою способность ориентироваться в малознакомой местности. Но, сделав парутройку поворотов, быстро убедился, что в условиях средневекового города его навык не действует.

А казалось бы, все логично. Здание представительства наверняка стоит на какой-нибудь из центральных улиц. Нужно просто выбирать наиболее прямые и широкие, и рано или поздно попадешь куда надо. Но логика Коли не совпадала с логикой строителей города, если, конечно, их вообще волновали такие частности.

Неприятности начались с того, что ведущая от дворца улица неожиданно раздвоилась. Коля наугад свернул направо и вскоре оказался в узком проходе между высокими, но не слишком богатыми домами.

К счастью, это ущелье пересекала чуть более широкая улочка, и Коля естественно свернул на нее. Затем решился на еще один поворот, и вышел на почти нормальную, в меру широкую, хотя и довольно безлюдную улицу. Кто ж мог подумать, что через несколько кварталов она без всякого предупреждения закончится, уткнувшись в заднюю стену какого-то особняка?

Коля попытался вернуться к дворцу, но судя по всему, пропустил нужный поворот. Впрочем, расстраиваться не стал, понадеявшись на следующий перекресток. Но улица предательски изогнулась вправо и никаких ответвлений в другую, нужную Коле сторону себе уже не позволяла.

И тут землянин забеспокоился, засуетился. Его перемещения постепенно приобрели хаотичный и бессистемный характер, оставляя все меньше надежд на благополучный выход из лабиринта. Бывалый космонавт и сам почувствовал, что поддался панике, но справиться с ней никак не получалось. Все,

что мог сделать в этой ситуации Коля, это выругаться не по-детски. И пробегая в третий раз мимо лавки аптекаря, он, наконец, позволил себе разрядку. Правда, в более мягкой форме, чем хотелось, - процитировал фразу из старинной комедии, удивительно точно подходящую к случаю:

– Шьёрт побъери!

Воспоминание подсказало и выход из ситуации.

– Эй, гражданочка! – обратился он к миловидной молодой особе, неосторожно вышедшей из дома. – Где тут у вас комитет?

Трудно сказать, что именно напугало женщину, но она, побледнев и неопределенно махнув рукой, поспешила скрыться в ближайшей лавке. Преследовать мирное население космонавт посчитал делом недостойным и отправился искать других прохожих. Но и они реагировали как-то неадекватно.

Вопрос «Не видели ли вы короля?» просто ставил горожан в тупик. Конечно, видели -

недавно же был праздник, и его величество обратился к народу с речью. Жаль, что господин пропустил это важное событие.

А при слове «комитет» все как один повторяли действия первой опрошенной. Отчаянно махали руками, шептали молитвы и спешно ретировались. Однако Коля все-таки заметил, что махали они в одном и том же направлении, и решил направиться в указанную сторону.

Вскоре он выбрался в более оживленные кварталы, на радостях прибавил шагу и, вероятно, проскочил бы мимо резиденции, если бы не столкнулся с Бан-Зайцлем. Сенешаль взволнованно ходил взад-вперед перед воротами представительства и, занятый своими мрачными мыслями, не глядел по сторонам. Коля же, напротив, глядел, но в основном на дома, а не на прохожих. Поэтому столкновение сопровождалось шумом и разрушениями. И хорошо, что Коля соблюдал требования инструкции - в населенных пунктах обязательно блокировать спусковую

кнопку бластера. Иначе разрушения оказались бы куда масштабнее.

На этот раз Коля не стал сдерживаться, а выплеснул на сбитого с ног прохожего все, что накопилось в его душе за время безумной гонки по городским улицам. И кулон-переводчик беспомощно умолк где-то в первой трети выступления. Каковое обстоятельство позволило сенешалю, уже поднявшемуся с мостовой, вставить пару слов от себя.

– Здравствуйте, господин Коля!

– А-а, Бан-Зайцль! – немного разочарованно протянул Коля, узнав пострадавшего. – Что вы здесь делаете? А мне сказали, что вы вместе с королем ушли.

– Так оно и есть, господин Коля, – подтвердил сенешаль. – Но его величество приказал мне ждать за воротами.

– Значит, он там? – обрадовался Коля. – Мне срочно нужно с ним поговорить.

И бравый космонавт, переложив бластер в левую руку, правой схватился за массивную

скобу на воротах.

— Подождите, господин Коля, —
забеспокоился Бан-Зайцль, — туда нельзя...

Он хотел добавить «с оружием», но землянин находился в слишком взвинченном состоянии, чтобы долго слушать собеседника или обращать внимание на необычный пейзаж за воротами.

— Да что ж такое у вас творится — это нельзя, то не положено! — возмутился он и шагнул в красиво переливающееся в лучах солнца малиновое облачко...

Форменный комбинезон выдержал прямой разряд молнии, да и сам Коля отделался кратковременной потерей зрения и легким обмороком. А вот бластер за инвентарным номером 138-2-12 восстановлению не подлежал. Проще говоря, расплавился прямо в руках у космонавта. Вернее, в термо-, гидро-, вибро- и электрозащитных перчатках, без которых инструкция запрещает браться за бластер. Но теперь уже и в них браться было не за что.

Впрочем, судьба казенного имущества никого в том момент не интересовала. Коля пока просто не был способен к абстрактному мышлению. Король радовался уже тому, что гость остался в живых. А Барин сын Ларина, безглаголиво отодвинувшись в сторону от пахнущего жжёным пластиком землянина, равнодушно произнес:

— А вот и первый кандидат на допрос.

Подчиненные Барина, сына Ларина приступили к следствию с обычным для гномов энтузиазмом. Носилки с Колей принесли прямо в комнату для допросов, но тут произошла легкая заминка. Подозреваемый все еще не пришел в себя, да и сам представитель Комитета задержался во дворце. Вот гномы и решили немного прибраться в комнате. Хозяин любил порядок и чистоту. А поскольку наводить лоск можно бесконечно, у Коли появилась возможность не только вернуться в сознание, но и незаметно для окружающих осмотреть кабинет.

Обставлен он был так, как и положено уважающему себя кабинету. Почти половину помещения размером приблизительно пятнадцать на десять метров занимал внушительный деревянный стол, на поверхности которого без труда удалось бы сыграть не только в пинг-понг, но и в большой теннис. Дальше у окна располагалось тоже весьма впечатляющее резное кресло, отличающееся от трона разве что названием. С десяток совершенно обычных, даже слишком приземистых стульев скромно ютились вдоль стен комнаты. Место традиционной кадки с фикусом занимала подставка с крупным кристаллом какого-то минерала, переливающимся на солнце сине-зелеными блестками.

А на стене над хозяйским креслом висел портрет. Монументальное полотно, изображающее четырех существ, и символизирующее, по-видимому, дружбу народов планеты. Во всяком случае, гном и джинн, расположившиеся в центре

композиции, улыбались вполне искренне и излучали довольство собой и своими соседями. Как это нередко случается с парадными портретами, художнику удалось передать нюансы, которые сами герои предпочли бы скрыть от посторонних глаз. Стоящий справа человек, чертами лица напоминающий короля Чисбура, наоборот, казался чем-то расстроенным, и улыбка у него получилась какая-то вымученная.

А вот левого персонажа Коля не сумел сразу идентифицировать. Мало того, что высокий, неестественно прямой, весь какой-то напряженный незнакомец подчеркнуто отстранился от остальных, что его длинный серый плащ резко контрастировал с яркими, праздничными одеждами иноплеменников, так еще и лицо этого парня выделялось неестественной бледностью и безжизненностью. При этом большие карие глаза оставались очень выразительными, но выражали в основном презрение к окружающим. Впрочем, они и выглядели на

лице неким чужеродным предметом, и вскоре Коля догадался о причине такого впечатления.

Да это же маска, черные дыры вас всех поглотит! Этот чудака зачем-то нацепил маску, позируя художнику. Но зачем? Может быть, слишком известен, чтобы открывать свое лицо? Так ведь и остальные персонажи, судя по роскоши одеяний, были не рядовыми представителями своих рас. Или всему виной какой-то древний обычай? И кто он, в конце концов, такой, этот таинственный незнакомец? Еще одна загадка, разрешение которой, похоже, откладывается на неопределенное время.

Потому что сейчас точно не досуг. Из коридора уже раздался торжественно-истерический крик: «Его представительство идет!», и гномы с удвоенной энергией заработали щетками и метлами. Хотя на самих метлах пыли, видимо, скопилось больше, чем в кабинете, и именно она вихрем взвилась вокруг Коли, залезла ему в глаза, рот и уши и защекотала в носу так, что у космонавта не

осталось другого выхода, кроме как громко и чистосердечно чихнуть. Притворяться бессознательным и дальше становилось совсем глупо, и Коля с некоторым сожалением принял вертикальное положение. Чем весьма порадовал вошедшего Барина.

– Очнулся? – повернувшись в пол-оборота, полуспросил гном. – Вот и славно. Можно начинать.

Сам он, однако, в допросе почти не участвовал, лишь время от времени поводя из стороны в сторону своим квадратным подбородком, как дирижер палочкой. Задавал вопросы в основном маленький гном, пристроившийся с левого торца стола. А тот верзила, что сидел справа, возился с протоколом, отрываясь от бумаг только затем, чтобы взглядом уточнить, нужно ли записывать этот ответ подозреваемого, или лучше подождать уточнений.

Коля ожидал, что дополнительных вопросов будет намного больше, и они застрянут уже на первом пункте протокола. Но

гномы оказались либо на редкость понятливыми, либо просто абсолютно не любознательными существами.

– Назовите ваше имя, титул, род занятий?

– Ночкин, Николай, принц

Альдебаранский, штурман Российского космолота.

Верзила поглядел на малыша, не нашел на его лице никаких возражений и невозмутимо записал ответ. Коля решил было, что допрос окажется простой формальностью, и в скором времени он сможет отправиться на поиски принцессы, но уже следующий вопрос заставил землянина позабыть о далеко идущих планах:

– Итак, вы признаете себя виновным в похищении принцессы Настюрации?

Такого удивления космонавт не испытывал со времен рейса на Прыгающую звезду Вишневого. Ничего себе следствие! Ни тебе сбора доказательств, ни состава преступления, ни проверки алиби. Сразу приговор.

– С какой это стати? – только и сумел

ответить Коля.

Верзила поднял голову и тонким, абсолютно не вяжущимся с его комплекцией гнусавым голосом произнес:

– Подследственный не имеет права перебивать следователя, задавать встречные вопросы, не отвечать на вопросы следователя, уклоняться от дачи показаний, а также мешать ходу следствия иными способами. Вам выносится первое предупреждение. После третьего предупреждения следователю разрешается удалить подследственного из кабинета и продолжать следствие без его присутствия.

– Не понял, – удивился Коля. – А как же вы тогда будете меня допрашивать?

– Второе предупреждение, – монотонно прогундосил верзила.

Космонавт начал смутно догадываться, что любое слово не только может, но и наверняка будет использоваться против него, и решил больше не раскрывать рта. Но и этот ход оказался ошибочным. Коротышка опять

спросил, признает ли Коля свою вину. Не дождавшись ответа, маленький гном взглянул на дородного коллегу, и тот с готовностью продолжил завывания:

– Молчание подследственного может быть расценено следователем как знак согласия с его выводами.

– Нет, не признаю, – тут же заговорил Коля.

Ответ зафиксировали в протоколе.

– На каких основаниях вы не признаете себя виновным? – ничуть не смутившись, поинтересовался коротышка.

– Да на тех основаниях, что я ее не похищал! – вскипел Коля, но, вспомнив об угрозе удаления, закончил уже спокойней. – Понимаете, для совершения преступления необходим мотив. Цель. Причина.

Маленький гном на удивление серьезно отнесся к этому заявлению. Коля мог бы даже поспорить с кем угодно и на какую угодно сумму на то, что о мотиве преступления следователь слышит впервые в жизни.

– Так вы говорите, нужна причина? – переспросил коротышка. – Любопытно, весьма любопытно. И что же, у вас ее не было?

– Не было, – честно признался землянин. – Нафига она мне нужна, ваша принцесса?

Тут внезапно подал признаки жизни сам Барин.

– Позвольте, господин Коля, но ведь вы же просили руки принцессы. И теперь утверждаете, что она вам не нужна. Как же так?

Ответил Коля не сразу. Нельзя сказать, что этот вопрос поставил его в тупик, но задуматься пришлось. Вообще-то, какое ваше гномье дело, что да как у нас было с Настюрцией? Тем более что ничего не было. Но не посвящать же в личные тайны каждого желающего.

Но с другой стороны, порядки здесь строгие – скажешь что-то не вовремя или, наоборот, вовремя не скажешь, и эти придурки тебя за дверь выставят. А что они потом про тебя в протоколе напишут – поди догадайся.

Так ведь недолго и под арест угодить. А это сейчас как-то особенно некстати. Надо ж Лаванду из беды выручать. Да и принцессу тоже. Значит, придется все-таки рассказать в подробностях.

И Коля рассказал. А гномы его внимательно слушали. Судя по всему, почтенный представитель о чем-то таком уже догадывался, зато у коротышки и верзилы от удивления синхронно отвисли нижние челюсти. Не каждый день все-таки узнаешь тайны королевского двора. Но писарь моментально вручную поставил челюсть на место и продолжил вести протокол, а маленький гном еще какое-то время просидел с раскрытым ртом.

– Стало быть, вы признаете, что прибыли в Королевство не с целью женитьбы на принцессе? – спросил он, наконец-то справившись с собой.

– Разумеется.

– А в чём же тогда заключалась цель?

На этот вопрос Коля ответил уже без

длительных раздумий. Тут уж ему скрывать было нечего. Правда, и на гномов его рассказ произвел куда меньшее впечатление.

– Значит, на самом деле никакого кораблекрушения не происходило? – уточнил на всякий случай коротышка.

– Выходит, так, – согласился космонавт.

– И спасти никого не нужно было?

– Не нужно.

– Получается, что вас вызвал сюда гном Эйнли, сын изгнанника Штейнли?

– Получается.

Следственная бригада переглянулась между собой.

– Что там у нас с этим Эйнли? – поинтересовался Барин.

Помощники, разумеется, не были в курсе, поскольку все свободное время посвятили уборке кабинета. Но из коридора тут же выскочил еще один гном, судя по доспехам, из недавно прибывших, и доложил.

– Только что арестован при попытке побега из города.

– Хорошо, – коротко сказал Барин.

«Плохо, - подумал Коля. – Что ж ты, батенька, так долго возился? Теперь и тебя по допросам затааскают».

А еще он подумал о том, что подозрения пожилого ученого оказались не такими уж и беспочвенными. Вполне возможно, что его и попытаются обвинить во всех грехах.

И коротышка тут же подтвердил догадку землянина.

– Так кому из вас двоих принадлежит идея похищения принцессы?

Ну вот, снова здорово! Коля едва удержался от соблазна высказать все, что он думает о местных методах дознания. Но угроза третьего и последнего предупреждения подействовала, и ответ прозвучал предельно корректно, взвешенно и спокойно.

– Мы не собирались похищать принцессу. У нас не было для этого ни причин, ни возможности.

Однако принципы логики, похоже, в этом мире действовали не лучше, чем

универсальные законы природы. То есть, действовали, но как-то по-своему.

– О причинах вы нам расскажете позже, – усмехнулся Барин, сын Ларина. – А сейчас поговорим о возможностях. Продолжайте допрос, Кайнли.

Коротышка с готовностью задал новый вопрос:

– Где вы находились в момент похищения?

Э, нет, ребята! Такие фокусы с космонавтами российского флота не проходят! Коля за свою жизнь прочитал достаточно детективных романов, чтобы почувствовать ловушку.

– Если это не запрещено законом, – скромно, но с изрядной долей иронии попросил он, – я бы хотел уточнить, когда именно произошло похищение.

Кайнли досадливо поморщился. Мало того, что иноземец раскусил его хитрость, так еще и выставил в невыгодном свете перед хозяином.

– Вечером первого дня рыцарского турнира, – буркнул гном, стараясь не смотреть

на Барина. – То есть, вчера. – И тут же опять ринулся в атаку – Так чем вы занимались в это время?

– Смотрел турнир.

– Кто-нибудь сможет это подтвердить?

– Разумеется. Я сидел на главной трибуне, и там было множество других зрителей.

– И вы никуда не отлучались?

«Опаньки! А ведь коротышка-то прав! – осознал вдруг Коля. – Я ведь действительно уходил с трибуны, и попробуй теперь внятно объясни, зачем мне это было нужно».

В глубине души он всегда считал осмотр местных достопримечательностей глупой и бесполезной традицией. Но никогда еще доказательства его правоты не выглядели так убедительно. За каким чертом его куда-то понесло? Теперь все те люди, которые видели инопланетного принца на трибуне, с готовностью подтвердят и то, что он оттуда уходил. На достаточно длительное время. Запираться бессмысленно, а признаваться небезопасно.

- Вы отказываетесь отвечать? – сочувственно спросил Кайнли.
- Нет, почему же? Отвечаю: я отлучался.
- Куда?
- Побродить вокруг ристалища.
- Зачем?
- Скучно стало смотреть, как железки друг с другом бьются.
- Вы не любите рыцарские бои?
- Коле показалось, что голос гнома потеплел.
- Да, не люблю.
- Тогда зачем же тогда вы пришли на турнир?
- Все побежали, и я побежал, – попытался отшутиться Коля.
- Верзила вопросительно посмотрел на Барина: записывать или нет.
- Пиши: подследственный не может объяснить своё поведение, – подсказал тот.
- Землянин даже спорить не стал. В принципе, так оно и есть на самом деле.
- Скажите, господин Коля, вы ушли с

турнира в одиночестве? – продолжал тем временем коротышка.

– Нет, с бароном Черчем.

– А он зачем уходил?

– Откуда я знаю? Сами у него спросите! – огрызнулся Коля и тут же пожалел о сказанном.

– Не беспокойтесь, спросим, – оживился Барин. – Надеюсь, барон уже арестован? – поинтересовался он у помощника.

– Так точно, ваше представительство.

Только теперь землянин понял, насколько серьезно гномы взялись за дело. Похоже, к следствию привлекут всех, кто не сможет четко и бесспорно подтвердить свое алиби. И как раз с этим у самого Коли большие проблемы.

– Вы были раньше знакомы с бароном? – не унимался коротышка.

– Нет, на турнире познакомились.

– И кто вас ему представил?

Коля замешкался. Не хватало еще, чтобы из-за него и сенешаля арестовали.

– Я сам к нему подошел.

– Предположим, – не очень-то поверил ему Кайнли. – И куда же вы пошли?

– На тренировочное поле.

– Там вас кто-нибудь видел?

– Вряд ли.

Да, что-то пока неважно складывается.

Надо же хоть как-то оправдаться. Должен же был хоть кто-нибудь видеть их с Черчем. Ах, да – те парни на базаре! И Коля подробно описал незнакомцев и пересказал свой странный разговор с ними. Его не перебивали, даже когда речь зашла о подаренной падишаху компьютерной игре. Не исключено, что гномам об этом уже было известно. Да и парней Барин тоже наверняка знал. Потому как тут же вызвал уже появлявшегося в кабинете стражника и распорядился найти свидетелей.

А в допросе образовалась непредвиденная пауза. Барин сын Ларина решил пообедать, коротышка ушел вместе с ним, а верзила остался охранять подследственного. Сам же

Коля использовал свободное время для того, чтобы выяснить, что за странное существо изображено на портрете.

– Какое существо? – встрепнулся писарь, но быстро сообразил, о чем речь. – Так это же эльф. Вы что, никогда эльфов не видели?

Забавно, что сейчас верзила говорил совершенно нормальным голосом, абсолютно не похожим на тот, каким оглашались правила ведения следствия.

Коля хотел сказать, что и с гномами-то познакомился совсем недавно. И лучше бы вовсе не знакомился. Но решил не обострять отношения. В конце концов, все они подневольные, все исполняют приказы Барина.

– Нет, как-то не приходилось. А вы с ними часто общались?

– Раз пять, наверное. Эльфы из своих лесов редко показываются. И нас к себе не очень-то пускают.

– А как же этого удалось нарисовать?

– Так ведь это же исторический момент –

подписание Договора в Дарденском лесу. Не узнаете?

Коля молча помотал головой.

– Ах, да! Вы же... – гном почему-то постеснялся продолжить мысль и вместо этого принялся перечислять изображенных на портрете. – Справа – прапрапрадед нынешнего короля, Мисмарк Мрачный. Дальше – премьер-министр Глумли, величайший политик в истории Конфедерации. Рядом с ним – падишах Дастар-Хан, основатель джиннской империи. А слева – добродетельный князь Элехандрилл.

– Что же он тогда под маской лицо прячет, раз уж такой добродетельный? – съязвил землянин.

По всей видимости, ответить на этот вопрос гному было затруднительно. И поэтому он резко сменил тему разговора.

– На вашем месте, господин Коля, я бы интересовался другими проблемами. Вспоминайте лучше, кто еще мог видеть вас бароном во время турнира. Ведь если

свидетелей не найдут, или они не подтвердят ваши показания, положение ваше станет совсем незавидным.

И ведь прав оказался верзила, во всем прав. Минут через десять в кабинет вернулись Барин и Кайнли, а вслед за ними появился и посыльный. Тех парней с базара он разыскал и даже доставил в резиденцию, но они в один голос уверяют, что никаких чужеземцев не встречали, ни к кому ни с какими предложениями не подходили и вообще весь тот день провели на складе, разгружая новую партию товара.

— Да врут они все! — возмутился Коля. — Приведите их сюда, пусть мне в лицо скажут, что никогда меня не видели.

— Вы требуете очной ставки? — как-то очень радостно спросил коротышка. Настолько радостно, что землянин, уже готовый дать утвердительный ответ, решил повременить и осторожно поинтересовался:

— А могу я узнать, что такое очная ставка?

— Конечно, можете.

Коротышка кивнул верзиле, и тот снова забубнил себе в нос:

– Очная ставка проводится в том случае, когда показания свидетелей расходятся. Один из них называет сумму, которую готов уплатить, если будет доказано, что он говорит неправду. Второй свидетель может выставить такую же сумму, либо перебить ставку первого. Далее оба имеют право повышать ставку до тех пор, пока оппонент не признается, что лгал. Сумма, выставленная проигравшей стороной, переходит в собственность государства, за вычетом определенного процента на покрытие морального ущерба выигравшей стороны.

Ах, вот оно что! Этот метод весьма популярен в исследованной части Галактики. В любом из притонов любого космопорта можно наглядно с ним ознакомиться. Почему бы на какой-то отдельно взятой планете не использовать принцип лохотрона в следственном процессе? Только Коля последний раз попадался на эту удочку, еще

будучи курсантом, но зато запомнил свой конфуз на всю жизнь. Нетушки, играйте сами в ваши игры! Да и денег для ставки у космонавта все равно не было.

– Я отказываюсь от очной ставки, – твердо заявил он.

– Что ж, ваше право, – разочарованно сказал коротышка. – Может быть, вы желаете назвать каких-то других свидетелей, которые могут подтвердить ваши слова?

– Нет, не желаю.

– В таком случае, – гном сделал многозначительную паузу, словно ожидая подсказок или возражений, – объявляю результаты расследования: подследственный принц Коля, он же – Ночкин Николай, признает, что добивался руки принцессы Настюрации, но получил отказ. Разумно предположить, что он затаил обиду и решил похитить принцессу, чтобы вынудить ее выйти замуж. Возможно, имела место и другая цель – получить за нее большой выкуп. Подследственный признает также, что в

момент совершения преступления не присутствовал на трибуне ристалища. И не может предоставить свидетеля, способного подтвердить его версию собственного отсутствия. Таким образом, у него была возможность вместе с бароном Черчем выкрасть принцессу и спрятать ее в надежном укрытии. По всей вероятности, в заговоре участвовал и гном Эйнли, служивший при дворе и хорошо знавший здешние порядки. Не стоит забывать, что именно он и способствовал появлению принца Коли в городе. На основании вышеизложенного, подсудимому предлагается добровольно признать свою вину и сообщить о нынешнем местонахождении принцессы. В противном случае дело будет передано в суд с рекомендацией применить к преступнику максимально возмо...

Договорить он не успел. Раскрасневшийся от справедливого возмущения землянин рванулся к столу, одним взмахом руки опрокинул стул с коротышкой на пол, и

намеревался так же поступить с креслом Барина. Заодно он решил и словесно выразить свое недовольство ходом следствия, но едва открыл рот, как стены кабинета потряс другой, куда более мощный голос:

– Да что ж это делается-то, а? Одни гномы среди бела дня девиц похищают, а другие их выгораживают. Да еще и пытаются свалить вину на благородного рыцаря. Ну, я вам сейчас покажу, негодяи!

Вслед за голосом раздались и другие звуки, в самом деле сопровождающиеся ощутимой вибрацией. И не нужно обладать чересчур богатым воображением, чтобы догадаться, что кого-то несколько раз от всей души приложили спиной об стену. Или, что более вероятно, нескольких человек по одному разу, поскольку повторы в данном случае были излишни.

А самое главное – обладатель громоподобного голоса явно не собирался останавливаться на достигнутом. Вслед за первыми, слышались новые удары, и

происходили они теперь гораздо ближе к кабинету.

Лицо Барина побелело не хуже маски эльфа с портрета. Сейчас его представительство горько сожалел, что установил вокруг резиденции защитное заклинание, не пропускающее внутрь агрессивно настроенных местных жителей, но не реагирующее на проявлении агрессии внутри здания. Про Колю, как менее опасную угрозу, он в настоящий момент не думал. Да и сам космонавт опешил оттого, что его так внезапно перебили. Землянин стоял рядом с Бариним и также с интересом прислушивался к звукам из коридора.

Тем временем отдельные удары слились в постоянный, но хаотичный шум, который, спустя несколько минут, благополучно затих.

– Что там у вас произошло? – уже спокойным, холодным и властным тоном спросил Барин у вбежавшего в кабинет стражника.

Стражник был то же самый, только доспех

у него теперь был изрядно помят, а под глазом расцветал невиданной красоты синяк.

– Там, ваше представительство, – тяжело дыша, отрапортовал пострадавший, – какой-то рыцарь пришел с жалобой. Вел себя тихо, заклятие его пропустило. А уже в приемной он вдруг начал бузить. Дескать, видел, как в лесу какие-то гномы похищали девушек. Секретарь ему объяснял, что такого просто быть не может, померещилось, наверное, а тот все свое гнет. Видел, говорит, гномы это были. Мол, памятью отца клянусь. Ну, охрана и решила его утихомирить, а он вырвался и прямо сюда по коридору побежал. Насилу остановили.

– Связали? – на всякий случай уточнил Барин.

– Так точно.

– Пострадавшие есть?

– Так точно.

– Ну, так отведите его в подвал, – уже расслабленно приказал представитель Комитета. – И этого заодно, – он кивнул на Колю. – Что-то больно шумно у нас стало.

Пожалуй, хватит на сегодня.

И он, стараясь держаться как можно дальше от землянина, обогнул стол и вышел из кабинета. А Коля решил воспользоваться моментом и сбежать через окно. Разумеется, это было не лучшее решение. Но с другой стороны, откуда космонавт мог знать, что все окна, как и вход в здание, тоже защищены заклятием.

В тот момент, когда вытянутые вперед Колины руки коснулись окна, оно озарилось фиолетовым сиянием, и сверкнула молния. Коля потерял сознание прежде, чем сумел сообразить, что произошло.

Глава 23

Огарок свечи освещал большое сырое подземелье, служившее камерой предварительного заключения. Пятеро заключенных, уже высказавшие, разумеется,

совершенно безрезультатно все претензии по поводу своего ареста, сидели притихшие и задумчивые.

– Друзья мои, давайте держать себя в руках – обратился к присутствующим Черч с таким видом, как будто сам только что не разбрасывал направо и налево свои любимые «молы» и «дескати». – Я понимаю ваше подавленное состояние. Но поверьте мне, человеку, прошедшему огонь и воду, и побывавшему, как минимум, в дюжине подобных темниц. Мы не должны сдаваться. Самое главное в нашем положении – это устроиться с максимальным комфортом.

Он вздохнул.

– Особенно в моем возрасте. Несколько ночей на голом каменном полу – и радикулит гарантирован. Это если спину застудить. А если пониже, то и вовсе беда. Простатит, скажу я вам, это то еще удовольствие, дескать его за мол.

В камере повисло напряженное молчание. Угроза застудить неведомую простату,

подкрепленная крепкой, хоть и не совсем понятной руганью барона, заставила задуматься даже самых оптимистичных из молодежи. Пожилой Эйнли молчал уже давно.

– Теперь питание, – продолжал Черч. – Во всех балладах герои умудряются просидеть в темнице год, а то и десять, а потом выходят свеженькие и отдохнувшие, будто вернулись с курорта. Ни один из скальдов не поет о язве желудка. Ни в одной балладе не рассказывают о жестоком поносе, который прошибает заключенного уже на второй день заключения.

– Ох ты, батюшки, – запричитал из своего угла Брик. Своей крестьянской сметкой он первым распознал грозившую им опасность. – А что же делать-то, ваша милость?

– А делать надо следующее, – наставительно изрек барон. – Мы должны приложить все усилия, чтобы создать себе благоприятные условия. Эх, помнится, сидел я при осаде Тридревца! Постель нам принесли теплую, с одеялами и даже с подушками. А кормили как: первое, второе и компот.

Кто-то шумно сглотнул:

– Барон, не отвлекайтесь, пожалуйста!

Однако Черча уже несло.

– А как я сидел в Чернохолмце! У них там старинные винные погреба. Так я каждый вечер получал новую бутылку. И если попадался сорт, который я уже пил, то этот вечер я считал пропавшим. Да что там говорить! Можно целую книгу написать, как я сидел! Помнится, в Бругенвильде давали колбасу. Прямо из коптильни, горячую, с чесночком...

Из угла, где сидели Коля с Эйнли, послышалась подозрительная возня, раздался глухой звук удара.

– Пусти меня, – шипел Коля. – Нам с утра даже куска хлеба не дали, а он со своими рассказами. Я сейчас покажу ему и колбасу, и вино, и с компот чесноком! Я ему самому таких молотов навешаю!

– Батенька, нельзя же так, – урезонивал его Эйнли. – Я чувствую, что барон исполнен наилучших намерений.

Коля начал было объяснять, что барону следует сделать с его намерениями, но в это время вмешался граф Энимор.

— Господа, господа, не ссорьтесь! Я согласен, барон Черч, несколько увлекся, в описаниях; но не следует так остро реагировать на его рассказы. Я предчувствую, что нам предстоит просидеть здесь не один день, и рассказы барона о его прошлых подвигах, скрасят наше пребывание в этой темнице.

— Благодарю вас, граф, — донесся голос барона. — А теперь, если не возражаете, я хотел бы услышать ваше мнение. Высказывайтесь по очереди, господа, есть ли у кого-нибудь идеи, как нам исправить создавшуюся ситуацию. Иными словами, выдвигайте предложения по улучшению нашего материального положения!

Повисла напряженная тишина. Предложений не поступало. Затем Брик рискнул.

— Ваша милость, господин барон! Ведь

ежели по справедливости, то вам и карты в руки. Мы-то все по первому разу сидим, а вы, по всему видать, человек с большим опытом. Вот вы и подскажите нам, как надо-то.

Черч закашлялся. Основательно прочистив горло, он медленно ответил.

– Да, конечно, у меня опыта поболее вашего. Только вот в чем беда, раньше-то я большей частью на гауптвахте сидел. Типа за дисциплинарные нарушения.

Коля мысленно схватился за голову. Первые результату контакта двух цивилизаций были налицо – барон с энтузиазмом ухватился за услышанное им однажды от Коли словечко.

– Мало ли чего отчебучишь со скуки, да под соответствующие возлияния. Помнится...

– Нет, нет, барон, – осадил его Энимор, прекрасно понимавший, чем может обернуться очередной шквал баронских воспоминаний. – О ваших похождениях мы с удовольствием послушаем чуть позже. А пока, сообщите нам, наконец, как вам удавалось устроиться в тюрьмах с таким комфортом? Вы

же видите, что для нас это жизненно важный вопрос!

– Так я вот и говорю, раньше-то все проще было. Сидел я на гауптвахте, а охраняли меня свои же солдаты. Что же, они сослуживцу не принесут вкусный кусочек из кухни? Или не стащат у каптенармуса лишнее одеяло? Ну, а когда в караул заступали солдаты моей роты, так я и совсем по-королевски жил.

В камере повисла пауза. Все начали догадываться, куда клонит барон.

– Да вот. А у гномов я сижу впервые. И не могу сразу вам сказать, что и как делать. Я должен сначала осмотреться, а там видно будет. Поэтому я и спрашиваю, у кого-нибудь из присутствующих есть идеи?

Все опять промолчали.

– Что ж, думайте, господа, думайте. А я пока осмотрюсь.

С этими словами Черч поднялся, взял коптящую лампу и пошел вдоль стены. Все следили за его действиями, затаив дыхание. Обойдя камеру по периметру, Черч подошел к

двери и с видом знатока пару раз пнул ее. Задумчиво покивал головой. Затем все так же невозмутимо вернулся на свое место.

Постепенно все перестали глазеть на Черча и занялись своими делами. Граф репетировал речь в суде. Текст выступления был великолепен: острый и злободневный, насыщенный цитатами из классиков и примерами из реальной жизни. Речь должна была не просто снять с Энимора все несправедливые обвинения. Подобно всем арестантам, впервые ожидающим суда, граф был уверен, что присяжные со слезами на глазах оправдают его, и извинятся перед ним за незаконный арест. А потом, он, граф Энимор, уже в роли обвинителя изобличит истинных виновников происходящего. Дальше этого триумфа граф как-то не загадывал, а возвращался к своей речи и продолжал шлифовать ее.

Брик никаких планов на будущее не строил. Он, наверное, уже в сотый раз копался в пустой сумке, надеясь извлечь из нее хоть

что-нибудь съедобное или теплое.

Периодически, он наталкивался на железный бок дезактивированного робота. Тогда Брик со злобой пинал его и приговаривал: «все из-за тебя, железяка безмозглая!»

Эйнли в своем углу сохранял молчание. После небольшой потасовки с Колей, когда ему пришлось удерживать оголодавшего космонавта от драки с Черчем, ученый пытался восстановить утраченное, по его мнению, достоинство. Он расчистил на полу перед собой небольшое пространство, вытащил из своего матраца еще не до конца сгнившую соломинку, начертил с ее помощью пару треугольников, и погрузился в решение замысловатой геометрической задачи.

Коля еще раз обдумал ситуацию. При аресте у него отобрали все снаряжение. Он был так же беспомощен, как и остальные. Хотя нет! Коля нащупал флягу. Вигрин ему почему-то оставили. Забрехала мысль.

— Эйнли, — осторожно начал он. — А вы умеете творить при помощи вигрина?

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаете, когда я был в гостях у джинна, он при помощи вигрина сотворил для меня брусок железа. А вы так можете?

– Школьный курс – раздраженно ответил Эйнли, продолжая вычерчивать соломинкой замысловатую фигуру.

– Очень хорошо. А что-нибудь посложнее, например, бутерброд с ветчиной или бутылку вина?

При слове «ветчина» в камере повисла мертвая напряженная тишина. Эйнли отложил чертеж и повернулся к Коле.

– Ну, видишь ли, это сложные органические соединения. В принципе, я вполне мог бы воспроизвести подобный опыт. Но не вижу в нем никакого смысла. С научной точки зрения все и так давно известно, а с практической – ветчину проще и быстрее купить в лавке.

– Но, в принципе, вы можете? – настаивал Коля. – Вот если бы у нас здесь был вигрин? Вы смогли бы сотворить что-нибудь съестное?

Напряжение в камере достигло предела. Кто-то громко сглотнул.

– Э-э, в принципе, конечно, но мне нужно будет специальное оборудование, мои книги. Да и сам опыт может занять несколько дней.

По камере пронесся разочарованный вздох.

– К тому же, зачем говорить об этом, если у нас нет вигрина? – Эйтли вернулся к своему чертежу.

– В том то и дело, что вигрин у нас есть! – Коля отстегнул от пояса и показал всем драгоценную флягу.

Все ахнули.

– И ее не отобрали при обыске? – подозрительно спросил Брик. С Колей он не церемонился, считая равным себе. – Что-то мне это больно подозрительно. Похоже, что у нас завелся стукачок.

Брик обернулся к графу.

– Что скажете, ваша милость, с чего бы это? Нас обобрали до нитки, а ему оставили полную флягу вигрина?

Неожиданно за Колю вступился Эйтли.

– Вот что, любезнейший! Больно ты тороплив в своих суждениях. Господина Колю обыскивали вместе со мной. У нас тоже отобрали все мало-мальски ценное. А вигрин солдаты трогать боятся. Среди необразованных гномов бытует суеверие, что от краденного вигрина обязательно случаются большие неприятности.

– Это вы, профессор, попали в самую точку, – подтвердил Черч. – Когда я служил в армии, мы сами распускали среди солдат подобные слухи, чтобы те не умыкнули фляжку-другую, мол им под лопатку. Небось, офицера при обыске не было?

– Только капрал, – подтвердил Коля.

– Считай, что повезло. Офицер бы, конечно, не побрезговал.

Узники оживились. Неожиданная находка придала всем уверенности. От Эйнли потребовали, чтобы тот немедленно сотворил какую-нибудь еду, хотя бы горшок простой горячей каши.

Гном начал отнекиваться, объяснять, что

он не может работать вне лаборатории, без книг и оборудования. На него стали нажимать. Эйнли стал отнекиваться громче. Назревал серьезный скандал.

– Прекратите, дескать вас оптом и в розницу, – раздался голос Черча. – Теперь я точно вижу, что все вы, типа, салаги, и сидите по первому разу. И если бы не я, то этот раз у вас оказался бы последним.

Свара немедленно прекратилась. Все утихло, и с надеждой посмотрели на Черча. Барон повернулся к Коле.

– Давай сюда флягу.

Коля, не раздумывая, отдал вигрин. Главенство барона было принято единогласно.

– А теперь отодвиньтесь в дальний угол и замолчите.

С флягой в руке барон подошел к двери и легонько постучал. Тут же отворилось окошко, и в нем показалась бородатое лицо стражника. Черч придвинулся к окошечку поближе, и они зашептались

Через два часа камеру было не узнать. У

дальней стены выстроились в ряд пять походных солдатских кроватей с полным комплектом чистого теплого белья. В середине камеры стоял накрытый стол, щедро освещенный десятком свечей. На столе красовалось блюдо с жареной индейкой, толстые ломти ветчины, бутылки с вином, и все прочее, что необходимо пятерым здоровым мужчинам, для того чтобы приятно провести вечер.

Арестанты с аппетитом поужинали, не забыв произнести первый тост за барона Черча. По мере уменьшения уровня вина в бутылках, настроение в камере повышалось. Барон рассказывал истории о своих походах. Граф и Эйнли периодически уличали его во лжи, на что барон невозмутимо возражал, что хороший рассказ требует соответствующей литературной обработки. Брик молча жевал, а Коля с любопытством рассматривал своих новых друзей. Постепенно разговоры в камере стихли. Насытившись и наговорившись, мужчины улеглись на койки и уснули.

Среди ночи со стороны коридора раздался негромкий шум. Скрипнул, поворачиваясь, дверной замок. Пожилой гном в позолоченной кирасе и шлеме, украшенном драгоценными камнями, осторожно открыл дверь. Стараясь не шуметь, он тихо вошел в камеру. Поднял над головой фонарь, и осветил ее дальний конец. Узники спали. Четыре глотки благородных арестантов громко и слаженно храпели. Лишь Брик, как существо менее аристократичное и, следовательно, более подверженное пустым переживаниям, тихонько постанывал во сне.

Гном усмехнулся. Можно было и не осторожничать. После плотного ужина, господ арестантов не так просто разбудить. Стражник вернулся к двери и сделал знак. В комнату неслышно вошли четверо стражников. Не говоря ни слова, они подошли к одной из коек, аккуратно подняли ее и вынесли из камеры. Их начальник убедился, что никто из заключенных не проснулся, еще раз

усмехнулся и вышел из камеры. Ключ в замке повернулся. В камере вновь воцарилась тишина, вернее ровный гул, производимый носоглотками храпящих во сне мужчин.

Тем временем гномы с кроватью на руках прошли по коридору, поднялись на несколько пролетов по неширокой лестнице, прошли еще один коридор и оказались в небольшой комнате. Там их ждал богато одетый джинн. Он сидел на деревянном табурете, прислонившись спиной к стене, и с трудом пристроив на коленях непомерно большой живот. Другой мебели в комнате не было.

Гномы поставили кровать с арестантом на пол и удалились. Джинн подошел к кровати и взглянул на спящего. Достал из-под халата небольшой портрет, сверился с ним и удовлетворенно кивнул. Все так же молча он спрятал портрет за пазуху, вынул оттуда толстый кошелек и протянул гному. Тот спрятал кошелек в карман бархатных штанов.

— У вас есть ровно час, — сообщил он, и вышел из комнаты.

Джинн уселся обратно на табурет и громко хлопнул в ладони. Спящий арестант, наконец, проснулся. Коля, а это был именно он, открыл глаза, и что-то пробормотал спросонья. Потом резко сел на кровати и огляделся по сторонам. Заметив джинна, он спросил:

– Что случилось, где я?

– Все в порядке, уважаемый Коля. Не беспокойтесь, вы по-прежнему в тюрьме, – приветствовал его джинн.

– Успокоил, ничего не скажешь, – пробормотал Коля. Он посмотрел на джинна с ненавистью человека, которого разбудили среди ночи только для того, чтобы сообщить, что он по-прежнему находится под арестом. Не стесняясь в выражениях, Коля высказал все, что думал по этому поводу. Бледно-желтый огонек свечи мигнул и заметно покраснел. Кулон переводчик жалобно пискнул, и счел за лучшее вообще ничего не переводить. Тем более что в его лексиконе таких слов не было.

– Ну-ну, уважаемый! – возразил джинн. –

Вы не ругаться должны, а благодарить меня.

— Что вдруг? И вообще, кто вы такой, черт побери?

— Ну, вот и хорошо, — сладким голосом продолжал джинн. — Наконец вы задали правильный вопрос.

Джинн поднялся с табурета и прошел по комнате.

— Зовут меня Кердым-бей, хотя думаю, мое имя вам ничего не скажет. А пришел я сюда для того, чтобы обговорить с вами одно дельце. Надеюсь, против этого вы не возражаете?

— Посмотрим, — усмехнулся Коля. — Только, согласитесь, все это как-то странно выглядит.

— Ничего странного. Я попросил начальника охраны дать мне возможность побеседовать с вами в спокойной обстановке и без лишних глаз.

— Это понятно. — Коля вспомнил, как быстро барон Черч договорился с охранниками об ужине. — И какое у вас ко мне дело?

Джинн расплылся в улыбке.

– Я хочу вам помочь. Когда я узнал, что лучший друг Махмуддин-аглая попал в беду, то сразу бросился к вам на выручку. У меня есть план, который поможет вам спастись. Доверьтесь мне, уважаемый, и я в два счета вытащу вас отсюда.

– Значит, вот оно как, – задумчиво протянул Коля. Космонавт провел в городе джиннов достаточно времени, чтобы не поверить ни единому слову посетителя. – А почему же сам Махмуддин не пришел? Если я – его лучший друг?

– Уважаемый Махмуддин-аглай сейчас заняты во дворце с самим падишахом. Они уже прошли второй уровень «Планеты Зла», но на третьем у них возникли сложности из-за недостатка боеприпасов. Они третий день не покидают покои падишаха, лишь посылают за едой и напитками.

– А как же вы узнали?

– Э, плохие новости распространяются быстро. Мы, при дворце, в курсе всех событий.

Я видел вас однажды на приеме вместе с Махмуддином, и сразу понял, что вы большие друзья. Э-э, – сказал я себе, – наш дорогой Махмуддин-аглай несомненно огорчится, если с его другом случится беда. И вот я бросил все дела и полетел сюда, чтобы спасти вас, уважаемый Коля-аглай!

– Как это мило с вашей стороны! – рассмеялся Коля. – Вот так, бросили все и полетели спасать неизвестного человека? Ну-ну! Вы сказки не пробовали писать, любезный?

– Вы обижаете меня своим недоверием, – картинно расстроился джинн. – У меня все готово для побега. Не хватает только вашего согласия.

– Только моего согласия, или кое-чего еще?

Джинн хитро прищурился.

– Видите ли, я вполне обеспеченный джинн, занимаю солидную должность при дворе. Я волен распоряжаться собой и могу позволить себе совершать благородные

поступки, не требуя вознаграждения. Доброе дело уже само есть величайшая награда тому, кто его совершит. Вы согласны со мной?

Коля только кивнул головой, ожидая продолжения. Джин, н разумеется, продолжил.

— Но, думаю, вы согласитесь также и с тем, что недавний финансовый кризис, а также резкое подорожание продуктов питания несколько ухудшили общую экономическую ситуацию. Не то, чтобы я впал в бедность, но две-три фляги вигрина смогут существенно улучшить мое состояние. Вы понимаете, я ничего не прошу за оказанную услугу. Но если уважаемый Коля сочтет возможным подарить мне, скажем, три или четыре фляги вигрина, я приму их как знак его дружеского расположения ко мне.

Коля не зря провел среди джиннов целую неделю.

— Ну, во-первых, услугу вы мне еще не оказали. Я даже не знаю, в чем она состоит, и как вы собираетесь вытаскивать меня из тюрьмы.

Джинн приложил обе руки к груди, показывая, как он огорчен Колиным недоверием.

– Во-вторых, четыре или даже одна фляга вигрина – это непозволительно высокая цена, за ту пустяковую услугу, о который вы упомянули, – невозмутимо продолжил Коля.

Джинн с уважением посмотрел на собеседника, и принялся отчаянно торговаться.

Через десять минут, Коля понял, что против профессионала ему не выстоять. Цена уже поднялась до двух фляг, и в перспективе маячила еще, как минимум, одна. Причем плату требовалось внести вперед. Никакие Колины заверения, что его друг Махмуддин заплатит за него, не помогали. Благодетель требовал всю плату вперед.

Коля решил сменить тему.

– Хорошо, – сказал он, останавливая торг. – Предположим, я заплачу. А где гарантия, что вы просто не исчезните с моим вигрином?

Джинн широко улыбнулся, показав

желтые, нечищенные клыки.

— Я дам вам слово. Вы ведь знаете, что благородные джинны никогда не нарушают данное слово?

Коля кивнул. Об этом он тоже узнал, живя в городе. Благородные джинны крайне неохотно дают обещания. Но если все же дают, то держат. Несмотря на их почти патологическое страсть к обману, просто ради самого процесса, общее правило таково: если благородный джин заключил сделку даже просто на словах, то на него можно положиться.

Но это, если джинн действительно благородный. «Что мне говорил Махмуддин-аглай? — вспомнил Коля. — Плебей может накопить денег, богато одеться и даже отрастить живот. Но он все равно останется всего лишь толстым богатым плебеем». Посмотрим, насколько ты благородный, решил Коля. Вслух же он спросил:

— Как вы собираетесь освободить меня? Дадите взятку начальнику караула?

– Что, вы! – гордо ответил джинн. – Есть более надежные способы. Вы просто окажетесь за пределами тюрьмы. Возможно, вы не знаете, но мы, джинны, обладаем способностями к левитации.

– В курсе, – подтвердил Коля. – А еще я знаю, что этим умением обладают лишь истинные, благородные джинны. Плебеям это искусство недоступно.

По лицу Кердым-бея промелькнула легкая тень. Он быстро оправился и самодовольно усмехнулся.

– Разумеется. У вас есть сомнения?

– Ну, что вы! – ухмыльнулся Коля. – Я вам безоговорочно верю. Однако, нас здесь пятеро. Справитесь?

– Пятеро? – недоуменно переспросил джинн. – Где?

– В камере остались четверо моих друзей. Я согласен бежать только вместе с ними.

– Но, мне ничего не говорили об остальных. – Кердым-бей замялся.

Коля пристально посмотрел на

собеседника.

— Кто? — резко бросил он.

— Простите, не понял.

— Кто говорил обо мне, и забыл упомянуть остальных? На кого вы работаете?

— Я уже сказал, о вашем аресте стало известно при дворце падишаха. Мои друзья рассказали мне об этом, однако упомянули только вас. — Джинн уже оправился после неудачной оговорки, и в свою очередь перешел в наступление. — Ну что ж, пятеро, так пятеро. Если желаете, заключим договор на пятерых. Это будет стоить вам по фляге за каждого.

— Четыре фляги за все про все, окончательно!

Джинн расплылся в улыбке.

— Вы разоряете меня. Но так и быть...

Коля достал из-под подушки наполовину опустевшую флягу. Поднялся сам и встал так, что между ним и джином оказалась преграда в виде кровати.

— Вот все, что у меня есть при себе.

Остальное получите во дворце у самого Махмуддина.

– Но мы так не договаривались!

– Мы ни о чем еще не договаривались.

Сначала докажите, что вообще умеете левитировать. Ну-ка возьмите эту флягу.

С этими словами космонавт положил флягу на кровать перед собой. Джинн протянул волосатую руку. Коля с размаху шлепнул по ней.

– Нет, нет, без рук! Покажи-ка мне, как ты умеешь левитировать, раз ты такой благородный!

Кердым-бей зарычал и бросился на Колю. Этим он допустил стратегическую ошибку. Если в искусстве интриг и торговли джинн мог дать Коле не одну сотню очков вперед, то в рукопашной драке у него не было никаких шансов. Портовые кабаки, как бы не менялись их названия и внешний вид в течение столетий, сохранили неизменной свою сущность. Школа кабацкой драки без правил дает способность к выживанию в любой

ситуации. А Коля всегда был примерным учеником.

Пока джинн с сопением пытался перелезть через разделявшую их кровать, Коля мгновенно оценил ситуацию. Невообразимо толстый Кердым-бей мог просто-напросто задавить его своим весом. Этот же слой жира защищал туловище джинна не хуже бронежилета.

Но голова его оставалась незащищенной. Прямым ударом левой Коля на секунду остановил джинна, потом прицелился и отвесил ему полноценный хук справа. Раздался хруст сломанного клыка. Джинн был слишком тяжел, чтобы потерять сознание, но психологический эффект оказался неожиданно сильным.

Кердым-бей громко, по-женски, завизжал, и, прижимая волосатую лапу к рассеченной губе, шмыгнул к двери. Та пропустила его и тут же снова захлопнулась. Коля остался в одиночестве, потирая ушибленный кулак.

Некоторое время Коля стоял,

прислушиваясь, как стихают за дверью жалобные причитания джинна. Затем сел на кровать и задумался.

Джинн явно пытался его надуть. Но с другой стороны, Коля сам видел, как тот уплатил начальнику стражи очень солидную сумму. Вряд ли джинн станет так рисковать своими деньгами, без уверенности в удачном исходе. Или нет? А если это были не его деньги? Если он лишь выполнял чье-то поручение и, попутно, решил подзаработать?

Тепло, тепло. Похоже, кто-то заинтересован в том, чтобы вытащить меня из тюрьмы. Причем, именно меня, а не всех — Кердым-бей проговорился, что ему сообщили только обо мне. Значит, следует ждать еще визитеров. Интересно, кто же этот неведомый благодетель? И что он потребует за мое освобождение?

Коля пожал плечами: проживем — увидим. И, философски решив не тратить времени даром, улегся обратно на кровать и попытался уснуть.

Долго, однако, спать ему не пришлось. Меньше чем через час космонавта разбудил громовой удар. Коля вскочил с кровати, как делал это по сигналу корабельной тревоги. С закрытыми глазами он попытался нащупать аварийный скафандр. Обнаружив под руками пустоту, он открыл глаза и, наконец, сообразил, где находится.

Посреди камеры клубился столб черного вонючего дыма, заставивший Колю вспомнить изрядно доставший его в свое время кальян Махмуддина. Землянин надсадно закашлялся. На его счастье дым стал быстро рассеиваться, и в клубах показалась знакомая фигура.

– Махмуддин, это вы? – скорее обрадовано, чем удивленно произнес Коля.

Однако, это был не Махмуддин. Когда дым полностью рассеялся, в комнате стоял незнакомый джинн. Он был похож на Колиного друга лишь богатством одежды и, конечно, необъятным животом. В отличие от Махмуддина с его постоянной улыбкой, джинн не производил впечатления

дружелюбного существа. К тому же его сильно портила большая бородавка на левой щеке, из которой вызывающе торчал толстый одинокий волос.

– Але, – воскликнул Коля. – А это кто такой? Тысяча вторая серия сказок Шахеризады?

Джинн неодобрительно посмотрел на Колю. А не выпавшегося космонавта уже несло.

– Ах, нет, тысяча третья. Тысяча вторая тут недавно уже была. А ты чего, тоже получить захотел? Это мы сейчас быстренько устроим.

Коля принял угрожающую позу. Джинн отступил на шаг и поднял руку в предостерегающем жесте.

– Подождите, уважаемый. Разве гостей так встречают?

– Ну, знаете, с такими шумовыми эффектами в гости не ходят. А у меня рефлексy – Коля потер глаза, прогоняя сон.

– Понимаю, понимаю. Вас ведь уже один раз будили этой ночью?

– А, так это была ваша работа?!

– В каком-то смысле. Так что давайте объяснимся.

– А в морду?

– Ну, как хотите. – Джинн обиделся. – Я, между прочим, для вас стараюсь.

– Ага, так я и поверил. Самый короткий анекдот: джинн-филантроп, спешите видеть!

Собеседники замолчали. Они стояли друг против друга, набычившись и тяжело дыша. Коля, как читателю хорошо известно, был не из робкого десятка. Однако и джинн, в отличие от своего предшественника, оказался не из тех, кого простая пощечина может вогнать в истерику

Наконец, Коля не выдержал.

– Черт возьми. Мало того, что на корабле всю ночь дергают, так оказывается даже в тюрьме нельзя нормально выспаться. Ладно, раз уж пришли, давайте поговорим. Присаживайтесь, – он показал рукой на табурет.

Джинн брезгливо огляделся. Подумал,

достал из-за пазухи флягу с вигрином, и капнул на табурет несколько капель. Табурет тут же окутался облаком непрозрачного тумана. Под пристальным взглядом джинна туман стал приобретать четкие очертания. Через минуту вместо грубо сколоченного табурета в комнате стояло большое, роскошно отделанное мягкое кресло.

Джинн удовлетворенно кивнул, и устало рухнул на подушки. Жалобно скрипнули пружины, но кресло выдержало – все же джинн творил его для самого себя.

– Ну вот, – сообщил он, аккуратно уложив на коленях необъятный живот. – Теперь можно и поговорить.

Он некоторое время помолчал, разглядывая Колю. Затем начал.

– Удивляюсь я вам, Коля-аглай! С таким богатством – и в тюрьме! Вместо того чтобы нежиться под пуховым покрывалом на шелковых простынях, вы лежите на солдатской койке. Вместо того чтобы жить в собственном мраморном дворце за сотню

милль отсюда, вы мучаетесь в тюремной камере.

– Ага, – издевательски поддакнул Коля. – Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Кто бы спорил.

– А как хорошо было бы утром вместо тюремной похлебки, заказать на завтрак своему повару, ну, скажем, паштет из павлиньих язычков, а затем искупаться в бассейне с чистейшей родниковой водой, – продолжал джинн. – Или вы предпочитаете морскую? Есть любители, но я лично не советую.

– А лично я советую вам либо перейти к делу, либо заткнуться! – Коля начал медленно подниматься с койки. – Ты сюда издеваться надо мной пришел?

– Помилуйте, Коля-аглай. Во всем сказанном нет ни слова лжи. Более того, я не перечислил и сотой доли всех богатств, которыми вы владеете. – Джинн сделал многозначительную паузу и добавил, – вернее можете завладеть. Причем при минимальном

усилии с вашей стороны. Можно сказать – даром.

Коля поднялся и выпрямился во весь рост.

– Ну, и где же эти мои богатства? – Он демонстративно оглянулся по сторонам. – Ау, богатство!

Он наклонился и заглянул под кровать.

– Может, ты здесь прячешься? Нет, и здесь нет. – Космонавт с угрожающим видом склонился над джинном. – Что вы мне голову морочите? Даю вам две минуты на объяснение, а потом выброшу отсюда вместе с креслом, вигрином и всеми вашими колдовскими штучками. Я не шучу. У меня терпение не резиновое!

Джинн посерьезнел. Сладкая улыбка сползла с лица.

– Сядь на место, плебей! – прошипел он. – И не смей так со мной разговаривать.

Джинн сделал неуловимое движение, и Коля почувствовал, что уперся в невидимую, но чрезвычайно плотную стену. Более того, эта стена давила на него все сильнее и

сильней, пока он не был вынужден откинуться назад. Постепенно, несмотря на все усилия, Коля вернулся к кровати и сел. Как только он это сделал, стена исчезла.

– Вот так будет лучше, – сообщил джинн. – И впредь, молодой человек, советую вам быть более вежливым. После общения с моим слугой, вы возомнили о себе невесть что.

Он неодобрительно покосился на Колин кулак, где краснел отпечаток левого клыка Кердым-бея.

– Имейте в виду, что с благородным джинном следует вести себя вежливо. Вы меня поняли?

Невидимая стена вновь навалилась на Колю, на миг сжала его и исчезла. Космонавт сглотнул и кивнул. Тренированный организм сразу оценил перегрузку: десять-двенадцать «ж», не меньше.

– Прошу прощения, погорячился, – хрипло выдавил он. – Нет у меня привычки к подобным беседам.

Джинн неодобрительно покачал головой.

– Странно. С Махмуддином вы вели себя гораздо вежливее. Кстати о Махмуддине. Почему вы до сих пор не приказали ему вытащить вас отсюда?

– Простите, я кажется не расслышал. Приказал Махмуддину? Я?

– Конечно вы. Именно приказали. Ведь он ваш раб.

Повисла напряженная пауза. Коля попытался осмыслить услышанное.

– Махмуддин – мой раб? Вы ошибаетесь.

– Ни в коем случае. Старый хитрец, конечно, не подал и виду. Он ничего не объяснил вам. Но это не меняет сути дела. Вы спасли ему жизнь, и теперь, согласно Кодексу джиннов, он стал вашим рабом.

– Кодекс джиннов? Это еще что за зверь?

Джинн вытянул вперед руку. Над ней закурился дымок, потемнел, загустел и, наконец, на открытую ладонь джинна лег огромный фолиант в роскошном золотом переплете.

– Вот он, Кодекс Джиннов. Наша

священная книга, свод правил и инструкций, регламентирующих поведение джиннов во всех случаях жизни. Неподчинение им просто невозможно, так уж мы устроены.

– Ну хорошо, Кодекс это конечно, – кивнул Коля уважительно поглядывая на внушительный фолиант, и еще более уважительно на самого джинна, который без малейшего напряжения держал на вытянутой руке такую тяжесть. – Но все равно, вы что-то путаете. Это Махмуддин спас меня. Мой корабль разбился в пустыне, а Махмуддин вытащил меня оттуда и приютил у себя во дворце.

– А, ерунда, – отмахнулся джинн. – Это ваши с ним личные счета. А вот то, что вы вернули ему должность при дворе – это поступок, который делает его вашим рабом. Кодекс джиннов детально рассматривает подобные ситуации. Для такого случая разработаны подробные правила и инструкции. Вкратце вы должны знать лишь то, что любое существо, спасшее джинна из

заточения, становится его повелителем.

Джинну наконец надоело держать Кодекс. Он дунул на ладонь, и фолиант исчез. Коля задумался.

— Знаете, я читал в сказках об освобождении джинов из бутылки или кувшина. И тогда джинн из благодарности обещал выполнить желание его освободителя. Но Махмуддин был не в бутылке. Он спокойно жил в собственном роскошном дворце, лопал в свое удовольствие, отращивал живот и курил кальян. Он не производил впечатления страдающего узника. Разве что иногда скучал по прежней жизни при дворе.

— Как вы наивны, молодой человек! Спокойно лопал! Да это был его единственный шанс уцелеть. И все равно он понимал, что это мало ему поможет. Живот и кальян — этого недостаточно для вечной жизни. Настоящее бессмертие благородные джинны получают, лишь живя в непосредственной близости от падишаха — великого, всемогущего и бессмертного. Только

придворные во дворце могут рассчитывать на бессмертие. Все остальные рано или поздно умирают.

Коля слушал, разинув рот.

– Так вы бессмертны?

– От рождения бессмертен лишь сам падишах и его близкие родственники. Остальные благородные джинны тоже имеют такой шанс, но для этого они должны большую часть времени проводить вблизи падишаха. Мы предпочитаем не рисковать, и стараемся постоянно находиться при дворе. Таким образом, вернув Махмуддина во дворец, вы одновременно вернули ему и право на бессмертие. – Джинн сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность своих слов. – А такая услуга стоит некоторой благодарности с его стороны. Вы так не считаете?

Однако Коля держался другого мнения.

– Ну что же, я очень рад, что сумел достойно отблагодарить Махмуддина. Он спас жизнь мне, а я спас ему. Мы квиты.

– Ох, молодость, молодость! Вы, люди,

считаете, что всегда будете оставаться молодыми и здоровыми. А ведь вполне возможно, что эта ночь станет в вашей жизни последней. Оглянитесь вокруг, Коля! Вы в тюрьме, завтра будет суд. А нравы в здешних местах простые: единственное наказание — эшафот.

Джинн пристально посмотрел на Колю. Космонавт почувствовал, как его обдало ледяным холодом — то ли от описанной перспективы, то ли от взгляда собеседника.

А джинн продолжал.

— Мой вам совет — не тяните. Вызовите Махмуддина, и пусть вытаскивает вас отсюда.

— Ну, я даже не знаю. Все равно это как-то неправильно.

— Этические проблемы оставляю на ваше усмотрение. Все, у меня тоже не слишком много времени, а я еще не проинструктировал вас. У вас есть с собой какой-нибудь предмет, раньше принадлежавший Махмуддину?

— Да, — кивнул Коля. — Перед расставанием он подарил мне флягу вигрина.

Лицо джинна расплылось в ехидной улыбке.

– Неслыханная щедрость! Старый хитрец вручил дорогой подарок, чтобы создать иллюзию, что полностью рассчитался за свое спасение. Ну-ка, дайте ее сюда!

Коля насторожился.

– Не дам. Откуда я знаю, может быть, вы придумали все лишь для того, чтобы заполучить эту флягу? Кердым-бей тоже к ней тянулся.

Джинн горделиво выпрямился в своем кресле.

– Не оскорбляй меня подобными намеками. Кердым-бей всего лишь слуга. Я послал его с поручением объяснить вам сложившуюся ситуацию. К сожалению, он решил попутно поправить свои дела за ваш счет, и выманить для себя фляжку-другую вигрина. Я на подобные мелочи не размениваюсь. У меня своя скважина.

– Скважина у него, тоже мне, шейх арабский, – проворчал Коля. Он достал из-под

подушки пресловутую флягу и показал джинну. – Вот она, смотрите. Только в руки все равно не дам.

Джинн понимающе усмехнулся.

– Хорошо. Мне и отсюда видно. Да, этой фляги будет достаточно. Когда захотите увидеться с Махмуддином, потрите ее возле горлышка.

– И все?

– Нет, теперь самое главное. Когда Махмуддин материализуется перед вами, вы должны громко произнести вслух «Раб, займи свое место, согласно пятнадцатому пункту Кодекса!». После этого, Махмуддин полностью перейдет в ваше подчинение.

– Именно пятнадцатого? А может четырнадцатого или шестнадцатого? А вдруг я перепутаю номер или забуду? – ехидно спросил Коля.

– Я искренне не советую вам шутить и называть другой номер. Не успеете оглянуться, как сами попадете в рабство.

Джинн произнес это настолько серьезно,

что у Коли пропало всякое желание шутить или экспериментировать. Он задумчиво повертел флягу в руках, и вернул ее на место под подушку. Потом пристально посмотрел на джинна.

– Вот что. Давайте начистоту. Я готов поверить вам. Но при одном условии.

Джинн принял угрожающую позу.

– Ты еще и условия собираешься мне ставить?

– Ага, – без затей сообщил Коля. – Видите ли, я не такой наивный простак. Скажите, а каков ваш интерес во всем этом деле? Вы среди ночи отправляете ко мне слугу, потом являетесь сами, и долго уговариваете меня принять от вас помощь. Что же, я благодарен вам за внимание, но ведь так не бывает. Говорите прямо, чего вы потребуете от меня взамен?

Джинн понимающе усмехнулся.

– Хорошо, я объясню. Видите ли, вы заинтересовали меня. Я строю большие планы на торговлю с вашей планетой и вы,

естественно, нужны мне, как единственный имеющийся здесь ее представитель.

Впоследствии, конечно, мы отстраним вас от бизнеса, вы не тот посредник, который способен вести подобные дела. Но в настоящее время, вы мне необходимы, и я хочу обезопасить вас. Как видите, я абсолютно искренен.

Коля задумался.

– Постойте. Но если вы так заинтересованы в моей свободе, то просто вытащите меня отсюда и покончим с этим. А потом обсудим все деловые проекты.

Джинн впервые за все время разговора потерял уверенность.

– Видите ли, это не так просто. Кроме чисто технических трудностей, есть еще и юридическая сторона вопроса. Организация побега государственного преступника – это не шутка.

– И поэтому вы решили подставить Махмуддина. Пусть его преследует полиция, а вы будете спокойно делать свой бизнес.

– В конце концов, в отличие от Махмуддина, я вам ничем не обязан. А для ведения столь солидного дела я не должен быть замешан в уголовщине.

Коля задумался.

– Все равно у вас ничего не выйдет. Перед отлетом из дворца, я оставил Махмуддину грамоту, в которой передал ему эксклюзивные права на торговлю с Землей.

Джинн помрачнел. Коля увидел, как зашевелилась подушка на кровати. Сообразив в чем дело, он протянул руку, но куда там! Злополучная фляга поднялась в воздух, и через мгновение оказалась в руке джинна.

– Пожалуй, я поспешил с откровениями, – задумчиво протянул тот. – Что же мне с тобой делать?

Коля не ответил. Только теперь он понял, что потерял реальный шанс оказаться на свободе.

Джинн помолчал с минуту, потом расслабился.

– Ладно, держи свое сокровище.

Фляга вновь поднялась в воздух и вернулась на свое законное место под подушкой.

– С этой грамотой я разберусь потом. В любом случае, ты мне нужен живым.

С этими словами джинн окутался облаком вонючего дыма и исчез.

Коля сунул руку под подушку – фляга была на месте. Он не смог сдержать вздох облегчения. В конце концов, решил Коля, вопрос о рабстве Махмуддина можно будет обсудить и позже. Главное, что появилась реальная возможность спастись. А потом – что ж, будем решать проблемы по мере их поступления. Суда еще не было, может, обойдется и без эшафота.

Он опять улегся на кровать и быстро уснул. Через десять минут в камеру вошли четыре гнома-стражника. Процедура повторилась в обратном порядке, и вскоре спящий Коля снова лежал на кровати в общей камере. Никто из узников так и не заметил его временного исчезновения.

Глава 24

Утром Коля проснулся от шума в камере. Двое гномов-стражников под присмотром сержанта с быстротой опытных официантов накрывали завтрак для заключенных. Оперевшись на локоть, Коля с любопытством наблюдал за ними. Закончив сервировку, гномы повернулись и вышли. Начальник конвоя, сержант с красным носом профессионального военного, задержался.

– В полдень состоится суд, – сообщил он заключенным и тоже вышел.

Обитатели камеры оживились. Они привели себя в порядок возле кадки с водой, стоявшей в дальнем углу камеры. Коля недовольно потрогал щетину под подбородком и обменялся сочувственным взглядом с графом, единственным, кроме Коли, заключенным не носившем бороды. Бритву стражники не согласились передать им ни за какие объемы вигрина.

Позавтракали быстро, погруженные в собственные мысли. До полудня почти не разговаривали – каждый по-своему готовился к предстоящему суду.

Наступил полдень, но за арестантами никто не пришел. Прождав еще полчаса, арестанты не выдержали и стали колотить в дверь, призывая охрану. На шум в камеру зашел раздраженный красноносый сержант.

– Ну, что вы так расшумелись? А еще благородные господа.

Переговоры взял на себя Энимор. Он вышел вперед и спросил:

– Почему до сих пор не пришла охрана, чтобы отвести нас?

– Куда вас вести? Вам не нравится эта камера?

– Но ведь сейчас должен быть суд!

– Правильно, суд уже идет, – подтвердил сержант.

– Как, без нас? – возмутился граф.

– Разумеется. Председательствует Барин сын Ларина. Вот если бы его не было на суде,

это, согласитесь, было бы странно.

– Но ведь судят-то нас!

– Конечно, судят вас. Поэтому в вашем присутствии нет никакой необходимости. Вот если бы судили вы, тогда, конечно, вас пригласили бы в суд. А так, зачем вы там нужны?

– Как это зачем? Мы же должны все объяснить!

– Следствие окончено, виновные найдены. В вашем присутствии более нет никакой необходимости. Приговор вам огласят сразу после окончания заседания.

Прекращая дальнейшие расспросы, сержант повернулся на каблуках и вышел. Дверь закрылась, снаружи громко лязгнули запираемые запоры. Заключенные вновь остались одни. Известие о том, что суд будет проходить без них, ошеломило всех.

Обычно сдержанный граф метался по камере. Его рука то и дело пыталась нащупать на бедре отсутствующий пульт. Он что-то бормотал про себя и время от времени делал

угрожающие жесты.

Брик, как привязанный бегал за ним, приговаривая:

– Да как же это, ваша светлость, да что же теперь с нами будет то!

Эмоциональный Черч, наоборот, спокойно сидел, прислонившись к стене, жевал соломинку из матраса и тихонько напевал старинную солдатскую песенку, припев которой начинался словами: «Из худших выбирались передряг».

Один гном Эйнли оставался невозмутимым. Увидев, что ученый принял сообщение как должное, Коля обернулся к нему.

– Скажите, это в обычаях гномов – судить людей в их отсутствии?

– Разумеется. А как же иначе?

– У нас на Земле принято иначе.

Подсудимый обязательно присутствует на суде. Более того, он не считается виновным, пока суд это не признает.

– Пережитки. Даже представить боюсь, во

что выльется суд, если подсудимому дать право присутствовать на суде. Он ведь тогда еще и говорить захочет!

– Ну, разумеется. Его должны тщательно расспросить, а потом ему предоставляется право последнего слова.

– Глупости, батенька! Ну, какой же преступник согласится с тем, что он виновен? Вы уж поверьте старику, знающему жизнь. Чем более обвиняемый нагл и мерзопакостен, тем легче ему будет врать на суде и притворяться невиновным. Настоящий преступник – актер по природе, и ему ничего не стоит убедить судей в своей невиновности. Там прольет слезу, сделает наивное лицо. Здесь напустит на себя вид оскорбленной добродетели. Когда надо, он скромно потупит глаза или улыбнется смущенной улыбкой. И суд неизбежно придет к выводу, что такой милый человек, конечно, не мог совершить того ужасного преступления, в котором его обвиняют. И наоборот. Честный человек, впервые попавший в суд, растеряется, будет

путаться в собственных показаниях. Он станет откровенно нервничать, возможно, даже возмущаться и кричать. В конце концов, он настроит суд против себя и будет признан виновным.

Коля попробовал разобраться в столь странной логике и подобрать аргументы против. Но в это время дверь снова распахнулась. В сопровождении пяти стражников в блестящих кирасах в камеру вошел гном, служащий Комитета. Он был облачен в красную ливрею с золотыми галунами, которая была ему явно длинна, и выглядел бы комично, если бы не его миссия. Он ударил жезлом в пол и объявил:

– Оглашается приговор суда над похитителями принцессы Настюрации.

Арестанты невольно привстали со своих мест и сбились в одну группу, инстинктивно ища защиты друг у друга. Напыжившись от важности собственной роли, герольд достал и раскрыл большую кожаную папку. Откашлявшись, он громко и отчетливо

произнес.

– Дело о похищении принцессы Настюрии. Суд Комитета под председательством Барина сына Ларина, рассмотрев все аспекты вышепоименованного дела, объявляет приговор нижеупомянутым злодеям. Вышеупомянутый суд рассмотрел преступления нижеследующих лиц: граф Энимор и его слуга Брик, барон Черч, придворный волшебник Эйнли и его высочество Коля, принц Альдебаранский. Все пятеро признаны виновными в организации и проведении похищении принцессы, или в содействии оному, или в недоносительстве о подготовке и исполнении оного. Все вышеперечисленные также обвиняются в злом нарушении общественного порядка и преступном неуважении к Комитету. В качестве наказания суд выбрал смертную казнь. Однако по личному ходатайству его величества короля Чисбура смертная казнь заменена на пожизненное одиночное заключение.

Наступившую тишину нарушил шум падающего тела. Со слабым всхлипом Брик грохнулся в обморок прямо под ноги герольду. Служащий оглядел неподвижное, слабо подрагивающее тело, удовлетворенно кивнул и вышел.

Вместо него в камеру вошли охранники и, грубо схватив арестантов, развели их по маленьким мрачным камерам. Пленники были настолько ошарашены и подавлены случившимся, что не сопротивлялись.

Прошло около получаса, прежде чем Коля понял, что произошло. Всего лишь два дня назад он был принцем Альдебаранским, пусть и самозванным, но все же принцем, почетным гостем Королевства и женихом принцессы. Теперь же он всего лишь арестант, которому предстоит провести остаток жизни в этой камере.

Заступиться за него некому. Король уже использовал свое право помилования, но сумел лишь заменить смертную казнь на пожизненное заключение. Не такую уж он

имеет власть в собственном королевстве, – подумал Коля. Затем одернул себя – сейчас не время для размышлений об отношениях Комитета и королевской власти. Надо спастись самому.

Возможно, могла бы вмешаться принцесса Настюрция. Но как раз из-за нее, вернее, из-за ее исчезновения, все и произошло. При мысли о принцессе Коля вспомнил Лаванду. Он слышал, что девушки пропали вместе. Где они, как с ними обращаются, подумал он.

Коля мужественно поборол в себе желание немедленно завывать в голос, или хотя бы немножко побиться головой об стену. Вместо этого он сел и достал флягу с остатками вигрина. Он вспомнил события прошедшей ночи. Кто бы ни были эти джинны, какие козни они не замыслили, но другого выхода, похоже не было.

Коля взял в руки флягу. Как это там делал Аладдин? – попробовал припомнить он. Затем глубоко вздохнул, зачем-то перекрестился и энергично потер флягу чуть пониже горлышка.

Фляга отреагировала немедленно. Внутри что-то энергично забурлило. Из-под неплотно пригнутой крышечки стал просачиваться легкий дымок. Реакция внутри шла настолько бурно, что фляга дрожала и вырывалась из рук. Через пару секунд она стала ощутимо нагреваться, а дым из щелей резьбы крышечки повалил, как пар из кипящего чайника. Коля сообразил, что надо отвинтить крышечку. Но когда он взялся за металлический колпачок, то с криком отдернул руку – крышечка раскалилась до красноты.

А неизвестный процесс внутри фляги шел полным ходом. Она раскалилась настолько, что ее невозможно стало держать в руках. Давление газа стремительно нарастало, как в паровом котле с неисправным предохранительным клапаном. Стенки фляги стали выгибаться на глазах.

Коля принял единственно правильное в данной ситуации решение. Он бросил флягу в дальний угол камеры, а сам распластался на полу лицом вниз, ногами к эпицентру

предполагаемого взрыва и прикрыл голову ладонями.

Бомба рванула не сразу. Примерно полминуты она бурлила, дым с сипением вырывался из горлышка. Фляга вращалась на месте, как ядро, выпущенное из бомбарды. Стало слышно, как внутри кто-то глухо ругается на непонятном языке. Наконец фляга взорвалась. Фонтан осколков брызнул по камере, чудом не ранив мужественного штурмана Дальнего флота. Камера наполнилась удушливым дымом, удивительно похожим на дым из кальяна, который курил Махмуддин.

Коля, как всегда при соприкосновении с этой субстанцией, закашлялся. Когда приступ кашля прошел, землянин увидел, что дым собрался в компактный комок, размером с котенка. Он метался по камере, как маленькая комета, оставляя за собой короткий клубящийся хвост.

Дым явно был разумен – его хаотичные движения по камере на глазах становились все

более осмысленными. Все чаще и чаще дымный сгусток останавливался у небольшого зарешеченного окошка камеры, как бы прикидывая возможность слинять из камеры.

Коля понял, что пора действовать. Он вспомнил последние указания джинна и громко произнес:

– Раб, займи свое место!

Сгусток дыма замер на месте. Он свернулся в небольшой смерч и покачивался в ожидании. Смерч больше не пытался ускользнуть в окно, но и подчиниться Коле тоже не спешил. Чего-то не хватало. Коля вздохнул, и здесь бюрократия.

– Я приказываю согласно пятнадцатому пункту Кодекса Джиннов!

Теперь все было в порядке. Раздалась уже знакомая ругань, и с дымом стали происходить метаморфозы. Он начал расти на глазах, одновременно густея, становясь вещественным и принимая знакомые очертания. Вот наверху показалась голова в чалме, потом плечи, затем сформировался

знакомый необъятный живот и, наконец, коротенькие кривые ноги в расшитых золотом тапочках с загнутыми носами. Дым исчез и перед Колей стоял его старый знакомый – джинн Махмуддин.

Как только он принял человеческий вид, кулон переводчик на шее у Коли заработал в полную силу. Впрочем, ничего нового Коля не услышал.

– Какой сын шелудивого ишака и хромой верблю... Коля, это ты?

– Здравствуйте, Махмуддин-аглай! – вежливый Коля решил, что это будет наилучшим началом для беседы.

– Издеваешься, да? – ворчливо сказал джинн. Потом что-то вспомнил и нехотя добавил, – Слушаю и повинуюсь.

– Оставьте этот тон, Махмуддин. Честное слово, я бы ни за что не вызвал вас, если бы не обстоятельства.

– Обстоятельства-шмостоятельства, – проворчал джинн. – Можно подумать, мне больше делать нечего. Еще и рабом назвал.

– Но, Махмуддин, дорогой мой, войдите в мое положение!

– Войду, войду – довольно двусмысленно пообещал джинн. – Только ты пока быстренько скажи мне, кто тебя надоумил на этот поступок, и я весь в твоём распоряжении.

Коля с облегчением объяснил, что идея отнюдь не его, и рассказал о ночном визите двух джиннов.

– Говоришь у него бородавка на левой щеке? – после недолгого молчания уточнил джинн.

– Ага, противная такая и из нее волос торчит.

Махмуддин задумчиво кивнул.

– А слугу звали Кердым-бей?

– Да.

Махмуддин некоторое время сидел молча, переваривая информацию. Затем внезапно вскочил и принялся бегать по камере. Его необъятный живот при этом мотался из стороны в сторону, немилосердно колотя его по коленям и грозя сбить с ног. Но джинн был

настолько поглощен своим занятием, что не обращал внимания на мелкие неудобства — Махмуддин стenal.

— О, мерзкий сын шелудивого шакала и хромой верблюдицы! Продать меня в рабство именно в тот момент, когда милостивый взор падишаха вновь снизошел на меня! И отец его был сыном шакала, и мать его деда...

Ублюдочные дети шакала и верблюдицы сыпались изо рта Махмуддина обильным, но до одурения однообразным потоком. Отправить его к Черчу на обучение, что ли, — мелькнула у Коли мысль.

Набегавшись по камере и разобравшись с родословной своего недруга, Махмуддин успокоился, присел на корточки перед Колей и со вздохом сообщил:

— Его зовут Фаргоддин.

— Кого? — переспросил Коля.

— Этого сына шелу...

— Стоп! — Коля не выдержал. — Махмуддин, пожалуйста, постарайтесь впредь обходиться без зоологической терминологии. Слышать ее

больше не могу!

Джинн тут же послушался.

– Как скажешь. Я только хотел сообщить, что узнал того джинна. Это тот самый придворный, который после меня служил советником при падишахе. Теперь ты понял все неизмеримое коварство этой интриги?

В Колиных глазах промелькнул огонек понимания.

– Кажется, я начинаю понимать.

– Да тут и понимать нечего! – снова взорвался джинн. – Этот недостойный благородного имени джиннов подлец лишил меня места, чтобы самому занять его. Он придумал этот коварный план, чтобы удалить меня из дворца, и в мое отсутствие снова захватить мою должность. Он наверняка уже сидит у падишаха, и они вдвоем обсуждают мое исчезновение. Готов поклясться, что Фаргоддин убеждает падишаха, что с моей стороны это было оскорблением величия падишаха, и что он, Фаргоддин, всегда говорил, что этому Махмуддину доверять

никак нельзя, и та история с гномами тоже не была случайностью. А вот он всегда был и останется верным слугой падишаха.

В голосе джинна появилась нотка отчаяния.

– Падишах едва простил мне предыдущие грехи, и только-только снизошел снова облагодетельствовать меня. У меня уже намыливался такой замечательный контракт с поставщиками. А тут я опять пропадаю, прямо у на глазах у падишаха. Мы сидели и играли с твоей приставкой, и вдруг я исчез. Боюсь даже представить, в какой гнев впал наш падишах. Все, на этот раз никакие объяснения и никакие подарки уже не помогут. Я буду навечно отлучен от двора! – Махмуддин вздохнул и уже совершенно спокойным голосом добавил, – Какой ужас!

Выговорившись, джинн впал в оцепенение. Коля из солидарности помолчал пару минут, затем перешел к делу.

– Махмуддин, вы же знаете, как я вас люблю и уважаю. Я бы ни за что не решился

на такое, но вы только посмотрите, что они со мной сделали.

– С тобой? – в сознание джинна постепенно проникала мысль, что кто-то еще, кроме него любимого, может оказаться в беде.
– А с тобой-то что случилось?

– Махмуддин, оглядитесь вокруг, пожалуйста.

– Что такое? Ты в тюрьме? Кто посмел!

– Приговор председателя Добротворительного Комитета. Мне дали пожизненное заключение.

– Гномы! Барин! Так я и знал. Мерзкое подлое существо! Ни чести, ни совести. Богатство и власть, больше его ничего в жизни не интересует. Ублюдочный сын шака...

– Мамхмуддин!

– Молчу, молчу, – спохватился джинн. – Так что же нам теперь делать, Коля?

– Вообще-то я вас для этого и вызвал, чтобы вы помогли мне отсюда выбраться.

– Ну, это не проблема, – махнул рукой джинн. – Я тебя спрашиваю о дальнейшем.

Джинн поудобнее уселся на полу, готовясь к обстоятельной беседе. Но Коля не дал ему долго прохладиться.

– Мы потом все обсудим, Махмуддин! А сейчас нужно поскорей выбраться отсюда, а заодно вытащить моих друзей.

– Друзей? – удивился джинн, а потом расплылся в восхищенной улыбке. – Коля, неужели ты нашел тех самых терпящих бедствие, за которыми и прилетал к нам?

– Нет, – вздохнул космонавт. – Их здесь, оказывается, никогда и не было. Но зато у меня появились новые друзья, и им необходима моя, то есть, наша помощь.

Джинн внимательно посмотрел на землянина и недоверчиво спросил:

– Скажи мне, о Коля, а эти друзья чем-нибудь помогли тебе? Выручили из какой-нибудь беды?

Космонавт задумался.

– Ну, по большому счету – еще нет.

– Тогда какие же они друзья? – удивился Махмуддин. – И с какой стати ты, а самое

главное — я, должен им помогать?

Колю начал выводить из себя махровый эгоизм джинна. Но землянин все же попытался еще один, последний раз достучаться до его чувства взаимовыручки.

— Ну, как вы не понимаете?! Сегодня я им помогу, завтра — они мне. Разве это плохо?

— Хорошо, — согласился Махмуддин. — Но лучше, если сначала они помогут тебе, а уж потом — как получится.

— Они бы обязательно помогли, — вступился за друзей космонавт. — Но сейчас сами нуждаются в помощи.

— Коля, — джинн вздохнул, как всегда, когда ему приходилось объяснять иноземцу прописные истины, — поверь мне, своему самому старому другу в этом мире. Дружба — слишком крупная монета, чтобы расплачиваться ею в каждой харчевне.

Коля еще сильнее завелся. Нет, он вовсе не изображал из себя ходячую добродетель, и уж тем более таковой на деле не являлся. И рискованно было бы сказать, что он никогда

не простит себе, если сбежит и бросит своих товарищей по несчастью. Но все-таки...

Если бы землянин в самом деле ничем не мог им помочь, со своей совестью он как-нибудь договорился бы. А тут ему и делать-то ничего не нужно, все за него выполнит джинн. Которому, в свою очередь, это тоже не будет стоить запредельных усилий. Если верить сказкам, конечно. А как им не верить после всего увиденного на этой планете. Одним словом, раз уж лично тебе твой добрый поступок ничем не грозит, то почему бы его и не совершить?

— Махмуддин, — строго сказал землянин, — это приказ. А приказы не обсуждаются.

— Ах, вот как! — обиделся джинн. — Такова, значит, твоя благодарность за все то добро, что я для тебя сделал? Теперь ты считаешь допустимым приказывать мне?

— Но ведь ты обязан исполнять все мои желания, разве не так?

Коле не хотелось доводить дело до подобных напоминаний, но иного выбора не

было. И он сам не заметил, как перешел с джинном на ты. Зато Махмуддин заметил, и речь его мгновенно утратила былую изысканность и величавость, приобретя взамен ворчливую, но безукоризненную логику.

– Нет, не так, – хмуро ответил он. – Ты уже знаешь о существовании Кодекса, сам на него ссылался. Так вот, второй пункт пятого параграфа «Должностной инструкции джинна, по гроб жизни обязанного своему Благодетелю» гласит: «Джинн обязан оберегать Благодетеля от ошибочных желаний, способных нанести вред последнему». И я в точности выполняю инструкцию.

– И какой же вред может мне нанести спасение друзей? – удивленно спросил Коля.

– А такой, – проворчал джинн, – если ты сбежишь один, это могут заметить очень нескоро, а исчезновение сразу нескольких заключенных обязательно переполошит всю тюрьму. Не говоря уже о том, что одному спрятаться всегда легче.

– Наверное, ты прав, Махмуддин, – задумчиво проговорил Коля. – Но я не могу поступить иначе. Считай, что ты меня предупредил, но я не послушался твоего совета.

– И бумагу подпишешь? – оживился джинн.

– Какую бумагу?

– Объяснительную записку. Мол, я, такой-то, оповещен о последствиях своего приказа, но менять его отказываюсь и всю ответственность беру на себя.

Махмуддин щелкнул толстыми пальцами, и в правой его руке появился свиток пергамента, а в левой – гусиное перо и чернильница. Коле ничего не оставалось, как вывести на листе свое имя.

Джинн сразу же повеселел и заговорил обычным своим начальственным тоном:

– Значит, так. Жди меня здесь. – Как будто у Коли была возможность подождать его в другом месте. – Вечером я вернусь и все устрою в лучшем виде. Настолько лучшем,

насколько позволяют твои легкомысленные приказы, — не удержался он от упрека. — И помни, согласно пятой поправке к той же инструкции, «лицо, три раза пренебрегшее рекомендациями джинна, теряет право пользоваться его услугами». Понятно?

— Понятно, — вздохнул Коля и подумал, что, раз уж бюрократия пробралась и в этот мир, следует впредь строже контролировать свои желания. В борьбе с инструкциями и уставами победителей, как правило, не бывает.

Джинн тем временем взял в руки флягу, собираясь, по-видимому, уйти тем же путем, которым и появился в камере.

— Постой, Махмуддин, — остановил его Коля. — Я хочу предупредить своих друзей о том, что вечером мы убежим из тюрьмы. Ты можешь устроить так, чтобы они услышали мои слова. — И не дожидаясь возражений, прибавил. — Считай, что ты мне уже объяснил, почему не нужно этого делать. А я буду считать, что это часть первого предупреждения, под которым я уже

расписался. Договорились?

– Ну, как знаешь, – на удивление быстро согласился джинн.

Ловким, отработанным движением он окунул во флягу с вигрином указательный палец и махнул им в сторону стены. Несколько капель с легким шипением испарились с поверхности камня, не вызвав в нем никаких видимых изменений. Землянин с сомнением посмотрел на Махмуддина.

– Говори-говори, – успокаивающе проворчал тот. – Только быстро, пока вигрин действует.

И только когда джинн исчез, без малейших трудностей пройдя сквозь стену, Коля сообразил, что хитрец беззастенчиво воспользовался его запасом розовой жидкости.

– Век живи – век учись, – философски заметил выпускник космической академии. – Даже творя чудеса, не следует забывать об экономии.

Глава 25

Всесторонне рассмотреть эту проблему Коле не удалось. Из коридора донесся какой-то шум, крики и звук торопливых шагов охранников. Через пару минут тюрьма стала похожа на потревоженный муравейник. Ежесекундно хлопали двери, раздавались громкие резкие команды, перемежаемые замысловатыми ругательствами. Во внутреннем дворе, насколько узник мог разглядеть сквозь узкое окошечко камеры, тоже поднялся переполох. Гномы-охранники группами и по одиночке перебегали от ворот тюрьмы к караульному помещению и обратно, другие расположились вдоль стен и с беспокойством оглядывались по сторонам.

Даже землянину, не знакомому с гномьей системой охраны тюрем, сразу же стало ясно, что здесь готовятся отразить вооруженное нападение. Неужели жители Авилонна решили восстановить справедливость и вызволить

Колю и других жертв судейского произвола из заточения? А он-то уже начал думать, что никому в городе и дела нет до чинимого гномами беззакония! Но ведь нашлись же смелые, равнодушные люди! Вот только как же они будут штурмовать тюрьму? Им же заклятие помешает! Не могли же они забыть про эльфийское колдовство?

Нет, конечно. Это Коля про него забыл и принял желаемое за действительное. Никакого штурма не будет, и быть не может. Так чего же тогда опасаются гномы? Уж не его ли, Колиного, побега? Но как они узнали? Не мог же Махмуддин...

Хотя, почему не мог? Коля ведь сам ему приказал сделать так, чтобы друзья узнали о планируемом побеге. Но не уточнил, что узнать должны только они. А потом еще и отказался выслушать сомнения почтенного джинна. Вот и получил то, что хотел. Теперь всей тюрьме известно, что вечером инопланетный принц и похититель принцесс собирается убежать. И никакие чудеса уже не

помогут. Да и вряд ли Махмуддин отважится вернуться. Он-то, в отличие от Коли, должен понимать, что его здесь ждет засада. Господи, ну как же таких идиотов в Космофлот принимают?!

Огорченный Коля не придумал ничего лучшего, как отправиться спать задолго до отбоя. Даже открытая настежь, для более удобного наблюдения за арестантом, дверь камеры и поминутно заглядывающие внутрь охранники его не смутили. И пока вся тюрьма напряженно прислушивалась к доносящимся из-за ограды звукам вечернего города, бравый космонавт преспокойно спал.

И снилось ему, как лет где-нибудь через тридцать грязного, заросшего бородой по самые брови, дряхлого узника, ввиду объявленной новым королем амнистии, выпускают из тюрьмы. По просьбе супруги монарха и матери недавно достигшего совершеннолетия наследника, почтенной королевы Настюрции, заключенному даже выделяют повозку, чтобы доставить в

пустыню, к месту крушения шаттла. И старый, больной Коля с тоской смотрит на груды проржавевшего металлопластика, в которую обратился посадочный катер. Хотя, по идее, ржаветь он не должен. Но это на других планетах, где действуют нормальные законы природы. А здесь...

Здесь даже лишайник, покрывший останки шаттла растет каким-то затейливым узором, напоминающим непонятные древние письмена. А может быть, это действительно какая-то надпись. Пожилому землянину даже почудилось, будто лишайник шепотом переводит ему, что тут написано:

– Извини, Коля, я ничего не мог поделать.

Надо же – и голос удивительно похож на ворчание джинна. Наверное, Махмуддин постарался – какое-нибудь хитрое заклинание придумал. Лучше бы он придумал, как своего благодетеля из камеры вызволить. Вот это было бы настоящее волшебство. А так каждый может – извини, мол, друг, ничего не вышло.

– Нет, я действительно не имел ни

малейшей возможности подобраться к тюрьме, — заспорил с человеком лишайник. — На каждом углу караулило сразу по несколько гномов. Я перепробовал все уловки и хитрости. И в конце концов, пришлось накрыть сонными чарами весь тюремный двор. Кажется, внутрь тоже попало. Вон и в коридоре охранника сморило, видишь?

Коля, как венец природы, человек разумный, посчитал ниже своего достоинства отвечать примитивной форме растительности и отвернулся.

— Да куда ты же смотришь, кровоточащая рана моего сердца? — не отставала надоедливая местная флора. — Уж не спишь ли ты, неблагодарный? Я на его спасение без сожаления трачу драгоценный вигрин, а он, уподобившись презренному шакалу...

— Махмуддин! Я же просил тебя — никаких шакалов! — рассердился Коля, вскочил с койки и только тут понял, кто с ним на самом деле разговаривает. — Махмуддин? Ты все-таки вернулся?

– Ну, наконец-то! – удовлетворенно проворчал джинн. – Без шакала-то никак просыпаться не хотел. Идем скорее, пока стража не всполошилась.

Землянин старательно тер глаза, потом энергично потряс головой, но никак не мог заставить ее четко соображать.

– Куда идти-то? – растерянно спросил он.

– Сквозь стену, дорогой Коля-аглай, сквозь стену, – ухмыльнулся джинн. – Или ты предпочитаешь спуститься по парадной лестнице с мраморными перилами?

Увы, Коля находился не в том состоянии, чтобы оценить иронию. К тому же, в камере было настолько темно, что он толком не видел усмешки Махмуддина. Впрочем, и стены тоже. Но это даже к лучшему – не так страшно будет.

– Ты бы хоть руку дал, что ли!

Космонавт надеялся, что его голос прозвучал не слишком жалобно.

– Это можно, – великодушно согласился джинн. Уже наполовину войдя в стену, он

ухватился за протянутую ладонь космонавта и резко дернул. — Так-то оно скорее получится.

Коля машинально зажмурил глаза, хотя и без того не видел дальше собственного носа. В животе что-то мучительно заныло в ожидании неминуемой встречи с преградой, но, не дождавшись, тут же отпустило. Ощущение больше всего напоминало прыжок в воду с трехметровой вышки. Холодная, влажная субстанция окружила Колю со всех сторон, но почти не замедлила его движения. Космонавт потерял равновесие и упал на пол, к счастью, застеленный чем-то мягким. Пол подозрительно знакомо прогнулся и, не спеша, выправился. По едва заметному колебанию поверхности, а также по небольшому отверстию, в которую тут же провалилась рука, землянин узнал старого друга — тот самый ковер-самолет, на котором он не так давно добирался до Авилон. А теперь, стало быть, тем же способом и покинет. Ну что ж, могло случиться и хуже.

— Кальян не опрокинул? — первым делом

поинтересовался джинн. – Ну, благодарение небесам, можно отправляться в путь.

– Как это «отправляться»? А мои друзья? Неужели ты про них забыл?

– Джинны ничего не забывают, Коля, – ответил Махмуддин, в лучах восходящего солнца выглядевший особенно монументально. – Я просто надеялся, что поднявшийся переполох заставит тебя изменить свое опрометчивое решение.

– Надеялся? – Коля чуть не задохнулся от возмущения. – Значит, ты нарочно устроил так, чтобы гномы узнали о побеге?

Джинн промолчал, с равнодушным видом попыхивая кальяном.

– Ну, Махмуддин, ты... я даже не знаю, кто ты после этого!

– Я – джинн, Коля, – гордо, но в то же время немного обиженно ответил тот. – И до, и после – я всегда буду джинном и никем иным. Весьма прискорбно, что ты до сих пор этого не понял.

– Хорошо-хорошо, – не стал раздувать

конфликт землянин. – Но ведь ты же можешь их вытащить? Ну, пожалуйста, я тебя очень прошу!

– Давно бы так! – проворчал мгновенно оттаявший джинн. – А то – «приказы не обсуждаются», понимаешь ли! Может, и не обсуждаются, зато редко исполняются. Только скажи мне, Коля, как я узнаю твоих друзей? Я же их никогда не видел.

Космонавт тут же описал внешность своих сокамерников: элегантный рыцарь средних лет – барон Черч, молодой красавец, граф Энимор со своим невзрачным слугой Бриком и почтенный гном Эйнли.

– Гном? – удивленно переспросил Махмуддин. – Давно ли среди твоих друзей появились гномы, Коля? Уж не с той ли поры, как его соплеменники заточили тебя в темницу?

– Это совсем другой гном, – вступился за ученого космонавт. – И не забывай, Махмуддин, что эти соплеменники упекли за решетку и самого Эйнли. Так же

несправедливо, как и меня.

— Как скажешь, Коля, однако я считаю, что гном, сидящий в тюрьме — это как раз и есть высшая форма справедливости.

Землянин готов был признать, что мудрый джинн в данном случае не так уж и не прав, но обстановка не располагала к обстоятельной беседе. Тюремщики могли проснуться в любую минуту.

— Махмуддин, миленький, поторопись! — взмолился Коля. — Вытащи их, а потом уже поговорим.

— Как вытащить? — не пожелал успокоиться джинн.

— Да как тебе удобней, хоть за шиворот. И можешь даже крышу тюрьмы приподнять, чтобы видно было, кого тащишь.

Махмуддин на мгновение задумался, а затем просиял.

— Благодарю тебя за подсказку, Коля! Это действительно самый удобный способ.

Джинн сосредоточенно запыхтел дымом из кальяна, а черепичная кровля угловой башни,

где по обычаю содержали наиболее опасных преступников, медленно, со скрипом отделилась от стены и поползла вверх. Следом за ней поднялся и ковер-самолет. Махмуддин, прищурясь, оглядел внутренности тюрьмы и еще раз затянулся.

Над стеной показались невозмутимый граф и его перепуганный, на время даже приумолкший слуга. Оба человека неподвижно зависли на фоне рассвета, а джинн на всякий случай уточнил:

— Они?

— Они, голубчики! — обрадовался Коля. — Неси их скорее сюда.

Вслед за ними тот же путь проделал и ругающийся вполголоса, ради соблюдения конспирации, барон. А вот с гномом вышла осечка. Вместо почтенного ученого джинн принес мирно дремавшего сержанта тюремной охраны.

— Не тот, Махмуддин! — отчаянно замахал руками землянин. — Наш гном не такой толстый, да и выглядит постарше.

– Вот так бы сразу и объяснил! – пробурчал сконфуженный ловец гномов. – Сейчас достану другого. Только скажи, что мне с этим делать. Может, придушить? Видишь, он уже просыпается. Сейчас такой шум поднимет!

– Не нужно душить! Просто выброси, – сказал Коля первое, что пришло в голову.

Хотя, почему бы и нет. Судя по тому, что рассказывал Эйнли про гномов, падение с высоты в пятнадцать метров стражнику особо не повредит.

– Выбросить? Вниз? – переспросил джинн. – Так ведь он и там шуметь начнет.

– Ну, так зашвырни его подальше! – мигом нашелся землянин. – Только аккуратно, и главное – быстро.

– С удовольствием, – откровенно признался Махмуддин и безукоризненно выполнил приказ. Где-то за лесом раздался негромкий шлепок и отчаянная, но приглушенная расстоянием, ругань гнома.

Наконец, и Эйнли спустился с небес в

объятия товарищей по заключению, крыша башни аккуратно встала на свое законное место, а ковер-самолет бесшумно полетел прочь от этого навевающего неприятные воспоминания места.

— А куда, собственно, мы летим? — спросил Черч, когда утихли первые восторги по поводу внезапного и благополучного освобождения.

Коля пожал плечами. За всей этой суетой он даже и думать забыл о том, что будет дальше. Но оказалось, что Махмуддин уже обо всем позаботился.

— Я приготовил для тебя, Коля, великолепный дворец возле самой границы Королевства, — торжественно объявил он. — Но уже на территории, подвластной нашему падишаху, так что гномы туда сунуться не осмелятся. В то же время ни один здравомыслящий джинн по своей воле тоже не заберется в такую глушь. Насколько я понимаю, это как раз то, что тебе нужно.

— Пожалуй, что так, — согласился землянин. — Только что мы там будем делать?

– Все, что угодно тебе и твоим достойным друзьям, о компас моей души!

продолжил свою цветастую речь

Махмуддин. – Ручаюсь, тебе там понравится. Об одном прошу тебя – не приглашай к себе коварного джинна Фаргоддина и, если попадешь в столицу, избегай встреч с ним. Да и вообще лучше никому не рассказывай об этом дворце.

– Постой-постой! Уж не хочешь ли ты сказать, что просто стащил его у прежнего владельца, словно фирменную кружку из пивного бара? Я не стану жить в краденном дворце.

– Согласен с тобой, друг, – поддержал Колю барон Черч. – Как-то это не по-рыцарски.

Но джинна не так-то просто было смутить.

– Ты слишком односторонне смотришь на проблему, Коля, – поморщился он. – Да, я мог бы построить тебе новый дворец, но на это ушло бы никак не меньше полутора месяцев. Кроме того, падишах недавно издал эдикт,

согласно которому любое возведенное его подданными здание подлежит государственной приемке. Каковая займет еще месяц. Не говоря уже о том, сколько вигрина уйдет на взятки членам приемной комиссии. Если твои друзья желают пожить полгода в палатке рядом со стройплощадкой, то пожалуйста. Я верну дворец на прежнее место и тут же займусь подготовительным циклом работ. А отомстить подлому Фаргоддину можно и каким-нибудь другим способом.

Разумеется, последний довод в корне изменил общее отношение к проблеме.

— Что же вы сразу все не объяснили, уважаемый! — так же страстно переметнулся на сторону джинна Черч. — Месть — это святое, и я посчитаю большой честью для себя участие в таком благородном деле.

Махмуддин с довольным видом задымил кальяном. А Коля спросил у барона:

— Значит, ты согласен остановиться у меня, Черчи?

— А какие у меня еще есть варианты, Коля?

– ответил тот вопросом на вопрос. – Вернуться домой означает снова оказаться в тюрьме. И теперь уже без особой надежды на освобождение. Имущество мое, скорее всего уже арестовали, и ни один банк не откроет мне кредита без залога или гарантий другого банка. Не говоря уже о том, что большая часть таких контор принадлежит все тем же гномам. А без денег на чужбине – сам, небось, знаешь – делать нечего. Остается только одно – пойти в наемники. Ну, так это я всегда успею. Так что с удовольствием приму твое приглашение, Коля, – заключил барон. – А сам-то ты что собираешься делать?

Как раз на этот вопрос космонавт мог ответить без раздумий.

– Отдышусь немного и отправлюсь чинить свой корабль. Надеюсь, Эйтли с Махмуддином мне в этом помогут.

Гном молча кивнул, а джинн важно надул щеки, сочиняя достойный ответ, но его опередил Брик. Слуга только что пришел в себя от многочисленных потрясений

последних дней, и теперь ему срочно требовалось выговориться.

— Господа хорошие, да что ж вы такое говорите-то, а? Какие могут быть дела, когда принцесса пропала? Не одному же господину графу ее искать?

Черч вежливо подождал, не захочет ли сам Энимор одернуть своего слугу, но молодой рыцарь молчал. И барон посчитал возможным вмешаться.

— Любезный, ты сам-то соображаешь, что несешь? Как мы сможем искать принцессу, если нас самих искать будут. И найдут, если мы хорошенько не спрячемся. А потом так спрячут, что даже почтенный джинн с его фокусами нам ничем не поможет. Ты этого хочешь, да?

— Да понимаю я все, господин барон! — ничуть не смущаясь грозного окрика, ответил слуга. — Только как же его милость все это выдержит? Он ведь любит ее, принцессу эту. И если ничем помочь ей не сможет, того и гляди, помрет от переживаний.

Все с удивлением посмотрели на Энимиора, но молодой граф и теперь не раскрыл рта. Черч безусловно рассудил правильно. Начинать сейчас поиски принцессы – чистой воды безумие. Но и ведь и несносный Брик тоже в чем-то прав. Раньше Энимор не задумывался о своих чувствах к принцессе, но после того происшествия в Ухарских лесах ему многое стало понятно. Что тогда сказала эта старая гномиха – волшебную музыку могут слышать только юные непорочные девы и влюбленные идиоты. Непорочной девой граф уж точно не был. А посему – раз уж не первое, значит, второе. А идиоту легко наплевать и на опасность, и на очевидную бесполезность поисков. Вот только вовлекать в это безнадежное дело своих новых друзей Энимор никак не хотел.

– Так что вы решили, граф? – нарушил тишину нетерпеливый Черч. – Чем собираетесь заняться?

– Не знаю, господа, честное слово – не знаю, – вынужденно соврал рыцарь.

Глава 26

Ковер летел низко над лесом. Махмуддин объяснил, что так меньше шансов быть замеченными с земли.

Граф Энимор по-прежнему был погружен в раздумье. Слуга Брик, недавно дерзнувший давать советы своему хозяину и другим знатым господам, теперь не решался подходить ближе. Но и оставить молодого рыцаря без присмотра тоже не мог, а потому наблюдал за ним, прячась за спиной у барона. Сам же Черч сидел в передней части ковра, беззаботно свесив ноги вниз. Он вполуха слушал, как на другом конце ковра Коля громко спорил с Эйнли. Барон хотел было их одернуть, но передумал и лишь бормотал про себя:

– Демаскируют, типы!

Вдруг он напрягся. Внизу между деревьями, показалась человеческая фигурка. Приглядевшись, Черч увидел, что это была

молодая девушка, в оборванном платье. Усталая она брела по тропинке, опустив голову. Девушка слышала звук голосов и подняла голову. Увидев над собой ковер-самолет, она замахала руками, запрыгала на месте и закричала:

– Эй, возьмите меня к себе, я заблудилась.

Черч, хлопнул по плечу Махмуддина, который словно застыл в трансе над своим кальяном.

– Возьмем попутчицу, шеф?

Не повернув головы и не выпуская изо рта мундштук, джинн ответил:

– Не положено.

– Что значит «не положено»?! – мгновенно ощерился забияка барон. – Там девушка внизу, просит подвести.

– Я не общественный транспорт, – невозмутимо парировал джинн. – Я личный слуга господина Коли Ночкина.

Тем временем ковер летел дальше. Отчаянно машущая руками фигурка девушки удалялась, ее голос уже не был слышен.

– Коля! – обернувшись, взревел Черч. – Ну, хоть ты скажи ему!

– А, что, кому сказать? – Землянин с видимым сожалением оторвался от спора с Эйнли. – Что случилось?

– Там внизу девушка заблудилась в лесу, а этот толстый не хочет ее взять к нам.

Рефлекс космонавта взял свое. Еще не до конца дослушав Черча, Коля скомандовал джинну остановить ковер и разыскать терпящих бедствие.

Махмуддин медленно выдохнул дым изо рта, отложил мундштук и так же неторопливо повернулся к землянину.

– Коля, ну тебе-то не нужно объяснять, как опасно для нас останавливаться посреди леса? – строго спросил он. – За деревьями может прятаться засада. И вообще, чем быстрее мы выберемся из Королевства, тем лучше.

– Знаю, Махмуддин, – коротко ответил Коля.

Джинн и человек обменялись взглядами и поняли друг друга без слов.

– Второе предупреждение, – напомнил первый.

– Подписываю, – ответил второй.

– Ох, и странный же ты человек, Коля, – вздохнул джинн.

– Я – просто человек, – Коля почти в точности повторил его же слова. – И не могу быть никем иным.

– Ну, хорошо, будь по-твоему, – не стал упрямиться Махмуддин. – Эй, пассажиры, держитесь крепче! Идем на посадку.

Ковер заложил крутой вираж, отчего Брик ударился носом в плечо графа Черча, и полетел назад. Махмуддин снизился над лесной тропинкой до расстояния в муравьиный шаг, но садиться все ж таки не стал, видимо, из соображений гигиены. Или просто, как житель пустынь, не доверял лесу. Девушка заметила спасителей и побежала по тропе. Навстречу ей спрыгнули все мужчины, включая гнома и исключая водителя.

Самое интересное, что царственно восседающий на ковре джинн ее нисколько не

напугал и даже не удивил, а вот при виде остальных она вдруг закрыла лицо руками и разрыдалась. Впрочем, мужчины все же успели узнать ее и изумились ничуть не меньше.

– Лаванда! Что вы здесь делаете?

– Как вы сюда попали?

– А почему вы одна?

– А где же принцесса?

Вопросы сыпались со всех сторон, и неудивительно, что горничная принцессы не смогла ответить ни на один из них. Она просто обвела присутствующих влажными от слез глазами, выбрала того, кто уж точно не станет ее ни в чем упрекать, то есть, Эйтли, и уткнулась лицом ему в плечо.

Слава богу, у мужчин хватило такта повременить с вопросами и дождаться, когда девушка сама все расскажет. Ее усадили в самом центре ковра, рядом с тем же гномом, и позволили вдоволь наплакаться. После чего Лаванда заговорила сама, правда, по-прежнему не отрываясь от широкой груди

ученого гнома.

Лаванда была милой, очаровательной девушкой. Вдобавок к внешней красоте – еще и умной. Такое редкое сочетание могло сделать ее совершенно неотразимой, если бы не один недостаток.

Девушка была лишена музыкального слуха. Совсем. Абсолютно. По рассказам подруг Лаванда знала, что, к примеру, когда паж играет на лютне, то раздаются разные красивые звуки. Но шум, который она при этом слышала, не пробуждал в ее душе никакого отклика, кроме желания встать и уйти в более тихое место.

Стоит ли говорить, как страдала бедная девушка во время королевских балов. Как фрейлина принцессы, она знала все танцы и недурно могла их исполнять, ориентируясь по ударам барабана. Но то, что для других девушек было праздником, для Лаванды оборачивалось тяжелой обязанностью.

Эта особенность девушки и послужила

причиной ее размолвки с принцессой вечером первого дня турнира. После окончания боев намечалась обширная культурная программа – официальное представление участников принцессе, посвящение в рыцари инопланетного принца и, разумеется, закончиться все должно было праздничным пиром. В общем, вечер обещал быть долгим и нудным. Но терпимым, если бы не одно обстоятельство: рыцари приходили во дворец прямо с ристалища, и мысль о том, что придется терпеть рядом с собой этих пыльных и потных мужланов, бросала принцессу в дрожь. В тот вечер Настюрция находилась в лирическом настроении. Сейчас ей нужны были не грубые шутки и запахи, а что-нибудь возвышенное, например, эльфийские песни.

Принцесса взяла с собой Лаванду и отправилась на прогулку в самый дальний конец дворцового сада, туда, где сад незаметно переходил в обычный лес.

– Ах, какие эти мужчины противные, среди них нет ни одного стоящего, – со вздохом

сообщила принцесса. – А мне так хочется чего-то прекрасного и возвышенного.

– А по-моему, этот Альдебаранский принц довольно хорош, – отвечая скорее своим мыслям произнесла Лаванда.

– Ах, ты вечно думаешь о чем-то приземистом. Если он тебе так нравится, то возьми его себе. Я не ревную.

– Ой, что вы, ваше высочество, – вспыхнула девушка. – Я ни о чем таком и не думала.

– Думала, думала! Ты все время об этом думаешь. Когда я занимаюсь музыкой, ты все время вертишь головой и пялишься на пажей! Думаешь, я не замечаю?

– Ваше высочество, вы же знаете, что я же не понимаю музыки, – попыталась оправдаться девушка.

– Пустые отговорки. Просто ты все время думаешь о замужестве, а на более возвышенные вещи тебя не хватает! И не возражай!

Лаванда закусила губу от обиды, но, зная крутой нрав принцессы, промолчала.

Некоторое время они шли молча, все более удаляясь от королевского дворца. Парк кончился, вместо ухоженной аллеи девушки шли по неширокой лесной тропе.

Смеркалось. Лаванда встревожено оглядывалась по сторонам, но принцесса, казалось, не замечала куда идет. Предзакатное солнце окрашивало окружающий пейзаж в сказочные, золотистые тона, природа вокруг манила и звала. Принцесса шла вперед, постепенно ускоряя шаги.

На Лаванду окружающая красота не оказала магического действия, и девушка беспокойно оглядывалась по сторонам. Привыкшая к капризам принцессы и с детства приученная к придворной субординации девушка молча следовала за принцессой.

Наконец, Лаванда не выдержала:

– Ваше высочество, скоро начнется церемония. Вам надо быть во дворце.

Принцесса лишь раздраженно отмахнулась и продолжала идти вперед.

– Смотрите, ваше величество, мы уже

совсем в лесу. Давайте хотя бы вернемся в парк! – не унималась Лаванда. Что-то в происходящем серьезно насторожило девушку.

Принцесса раздраженно остановилась.

– Если ты не понимаешь окружающей нас красоты, то ты просто крестьянка. Неужели ты не слышишь эту дивную песню? Я обязательно должна найти певца. Он один на свете достоин стать моим мужем!

Лаванда обогнала принцессу и встала поперек тропинки.

– Ваше высочество, туда нельзя.

Пожалуйста, остановитесь. Ну что с вами стряслось, право слово!

Принцесса продолжала идти, словно лунатик. Она уже не любовалась окружающей природой. Ее глаза неотрывно смотрели куда-то вдаль, мимо Лаванды. Принцесса шла прямо на Лаванду словно не замечая ее.

Увидев этот остановившейся взгляд, Лаванда пришла в ужас. Забыв о придворном этикете, обо всем, чему ее учили с детства, девушка схватила принцессу за плечи

– Ваша светлость, Настюрция, миленькая, ну очнитесь же. Не хватало, чтобы принцесса бегала по лесу за каким-то бродягой-менестрелем! Да еще и прочила его себе в мужья. Давайте вернемся во дворец, ваша светлость!

Принцесса остановилась и удивленно посмотрела на Лаванду, как будто видела ее впервые в жизни. Ее лицо стало совсем чужим.

– Мерзавка! – вскрикнула Настюрция. – Ты учить меня вздумала?!

Принцесса размахнулась и с такой силой дала пощечину Лаванде, что бедная девушка упала в траву. А принцесса, не останавливаясь, отправилась дальше. Она шла, все ускоряя шаги, и, наконец, побежала и скрылась за поворотом.

Лаванда была девушкой разумной, с крепкими нервами, но все же и она некоторое время пролежала в траве и проплакала, прежде чем к ней вернулась способность действовать разумно.

Девушка вскочила на ноги и огляделась. Принцессы нигде видно не было. Лаванда бросилась бежать по тропинке. За поворотом тропинка выходила на небольшую поляну. Лаванда появилась как раз вовремя, чтобы увидеть, как несколько гномов под предводительством монументальной бригадирши в оранжевом жилете заталкивали в фургончик принцессу. Голова у Настюрации была запрокинута назад, лицо с закрытыми глазами – белее мела.

Из груди Лаванды вырвался непроизвольный вскрик. Девушка прикрыла рот рукой, но было поздно. Бригадирша обернулась и увидела девушку.

– Эй, Бронди, эта дрянь за нами следила. Иди схвати ее и приведи сюда.

Один из гномов повернулся и неуклюже потрусил к девушке. Лаванда не стала его дожидаться, а повернулась и шмыгнула в лес. Она долго бежала, не разбирая дороги, лишь слыша позади пыхтение и топание преследователя. Но гном, выросший под

землей и приспособленный скорее лазить по узким извилистым штольням, чем бегать по лесу, конечно, не мог догнать девушку.

Постепенно звуки погони стали утихать, а через четверть часа стихли совсем.

Испуганная Лаванда продолжала бежать изо всех сил и остановилась только тогда, когда стемнело настолько, что она перестала различать деревья в двух шагах от себя. Только тут девушка поняла, что, избежав одной опасности, она угодила в другую. Лаванда заблудилась.

— Вот так все и было, истинная правда! — горничная принцессы, наверное, раз десять на протяжении рассказа повторила эту фразу и ей же решила и закончить. Однако никто и не собирався усомниться в ее правдивости. Наоборот, мужчины наперебой спешили выразить свое сочувствие и возмущение наглостью похитителей. Даже Махмуддин периодически укоризненно цокал языком, галантно выпуская дым в сторону от девушки.

Только Эйтли долгое время помалкивал, то ли не считая возможным осуждать действия сородичей, то ли опасаясь, что и ему, как представителю расы гномов, достанется на орехи. Но, в конце концов, и он не выдержал:

– Это полукровки, клянусь своей бородой!
– убежденно воскликнул он. – Настоящий гном не способен на такую низость.

Остальные решили не развенчивать заблуждения почтенного ученого, благо, им и так было о чем поговорить.

– М-да, веселенькие дела у вас тут творятся, – заявил Коля. – Даже в Сингапурской космоторговой компании о таком беспределе не слышали.

– Поразительно! – удивился граф. – Все до мельчайших деталей повторяет случай, произошедший со мной в Ухарских лесах. Значит, много их таких по нашей земле разгуливает!

– Господа, но ведь это же форменный произвол! – загрохотал барон. – Куда ж наш якобы король смотрит? Или ему, дескать,

ничего не докладывают?

– Так надо же скорее вернуться в город и рассказать королю, кто на самом деле украл принцессу, – предложил Энимор.

– Полно, граф, – тут же умерил его прыть Эйнли. – Неужели вы думаете, что его величество ни о чем не догадывается? Просто он сделать ничего не может.

– Но мы-то можем! – поддержал молодого рыцаря барон.

– Эйнли прав, – вступил в спор Коля. – Видел я, вернее, слышал, как вы, граф, пытались добиться справедливости. Те, кого вы об стену головой приложили, возможно, и прониклись вашими идеями, но непросветленных осталось намного больше. И они вам все же устроили «темную».

– Но ведь я тогда был один! – не сдавался доблестный Энимор. – А если собрать всех честных рыцарей Королевства...

– Подозреваю, что их соберут и без нас, – перебил его уже начавший остывать Черч. – В городской тюрьме.

О Лаванде все на время забыли. Или почти все. Брик догадался протянуть усталой и голодной девушке кусочек лепешки из почти уничтоженных запасов джинна. А сам Махмуддин совсем уже решился раскупорить заветную скляночку с ароматным чаем, приносящим к тому же сладостные видения. Но Лаванде уже не требовались никакие особые средства, чтобы увидеть сказочные сны. Она и так задремала, положив голову на колени к застывшему на ответственном посту гному.

Спорщики, чтобы не мешать девушке, перешли на корму самолета и продолжили дискуссию уже не в таком громком и эмоциональном стиле. Вскоре она сама собой затихла настолько, что Коля начал оглядываться по сторонам.

Он обратил внимание на то, что лес под ногами постепенно переходит в ровную степь с отдельными вкраплениями небольших рощиц. Стало быть, уже и до пустыни недалеко. Теперь гномы, даже если и ринутся

в погоню, до границы догнать их никак не успеют. И там, за границей, никакое заклятье уже не помешает, допустим, Энимору, набить морду подлым похитителям, если те вдруг встретятся у него на пути. А в том, что графу это упражнение должно неплохо удаваться, Коля нисколько не сомневался.

А ведь негодяи действительно могут оказаться где-то по соседству. Нужно же им где-то отдохнуть от своих бесчинств и промотать нечестно заработанные деньги. Наверное, лучше это делать за пределами Королевства. Скорее всего, за границу же вывозят и похищенных девушек. А это значит...

По тому, как внезапно приободрился Энимор, Коля понял, что не ему одному пришли в голову интересные мысли.

– Господа! – воскликнул граф несколько громче, чем следовало бы, чтобы не разбудить Лаванду. – А ведь мы теперь знаем, где искать принцессу. У гномов, разумеется. А сами похитители, наоборот, не догадываются, что

нам о них все известно. И заклятие для нас уже не станет помехой. По-моему, у нас есть шанс. Нужно только действовать всем вместе. Что скажете, барон?

Черч аристократично сплюнул за край ковра, задумчиво поскреб небритый подбородок и кивнул.

— Я согласен, можно попытаться. Когда еще при наших-то порядках доведется поучаствовать в настоящей драке? Надеюсь, уважаемый Эйнли из расположения к принцессе не откажется стать нашим проводником и консультантом?

Ученый гном попытался уклониться от перекрестных взглядов двух рыцарей, но этот маневр ему не удался. Тогда он в поисках поддержки посмотрел на Колю. А Коля...

Космонавт устроился в углу ковра-самолета и принялся размышлять. Пора подводить итоги. Можно считать, что свою миссию на планете он выполнил. Услышав сигнал СОС он приземлился на планете и отправился искать потерпевших бедствие и

можно сказать спас их. Другое дело, что сигнал на самом деле посылал вовсе не поврежденный звездолет, а придворный гном Эйнли, с целью найти инопланетного жениха своей капризной принцессе. А спасать, в конечном итоге пришлось целую команду местных жителей от других местных жителей, которые усадили первых в тюрьму на пожизненное заключение.

Тем не менее, космонавт выполнил свой долг и мог отправляться дальше. Оставалось вернуться в пустыню, восстановить поврежденный катер и лететь дальше. Это представлялось вполне реальным. В его распоряжении имелись великолепный механик Эйнли и потрясающий снабженец и строитель Махмуддин. Оба сказочных существа обязаны Коле если не жизнью, то уж, как минимум, избавлением от крупных неприятностей,. Кроме того они и сами будут крайне заинтересованы в быстром и качественном проведении ремонтных работ. Эйнли мечтает улететь вместе с Колей, а для

Махмуддина отлет космонавта будет означать освобождение из рабства. Можно не сомневаться, что эта парочка поработает на совесть.

Коля бросил взгляд на спящую Лаванду и подумал, а стоит ли торопиться с отлетом? Девушка всерьез притягивала его и волшебный костер любви уже начал разгораться в его душе. Тяжело вздохнув, мы должны признать, что Коля, имевшей на Земле жену и сына, частенько заводил интрижки на отдаленных планетах. С другой стороны следует признать и то, что в данном случае Колины чувства были выше обычного для простой интрижки.

Ночкин еще раз огляделся. Перед ним расстилалась странная планета, на которой сказки Шахерезады и Джона Р Толкина воплотились в жизнь. Конечно, она отличалась от романтизированных приключений героев тех книг, как и всегда реальная жизнь отличается от описанной в романах. Однако, это был мир, в котором жили гномы и джинны, эльфы и тролли, мир в

котором действовала магия, пусть и не традиционная сказочная, но от этого еще более реальная.

Он успел прикоснуться лишь к крохотной части окружающих его загадок и чудес. И ни за что на свете он не согласится отказаться от возможности ближе познакомиться с окружающими его чудесами и очертя голову ринуться в новые приключения.

«Бросить такую возможность ради возвращения к скучной и надоевшей работе космического извозчика? Ну уж нет», - решил Коля: «Такой шанс выпадает раз в жизни и отказываться от него просто глупо».

Кем он был и кем он стал? Из пилота второго класса он превратился в виконта и даже в принца. У него собственный дворец, у него собственный джинн, у него в друзьях два благородных рыцаря и мудрый волшебник гном. Он влюблен в красивую девушку и она, похоже, отвечает ему взаимностью.

Всем вместе им предстоит спасти похищенную принцессу, и выяснить почему

пропадают девушки. Необходимо разобраться с эльфийским заклинанием, которое не дает нормально жить людям Авилонна, с самими эльфами, скрывающими свои лица под масками, и с мерзавцами оккупантами гномами...

Нет, он, конечно, мог бы отговориться неотложными делами, необходимостью срочно чинить корабль. И наплевать, что бы о нем подумали два знатных программиста из чужого мира. Даже судьба принцессы его не сильно волновала. Если бы, ко всему прочему, на него не смотрела с надеждой и мольбой Лаванда, землянин бы точно отказался участвовать в этой аванюре. Но под прицелом крупнокалиберных карих глаз его оборона рухнула, как песчаный замок. И вовсе не потому, что Коля рассчитывал на проявление благодарности и кое-каких более сильных эмоций со стороны хорошенькой горничной. Во всяком случае, не только поэтому. Просто, когда на тебя так смотрят...

В общем, нужно оправдывать доверие

местного населения. Вот, если бы еще Махмуддин помог!

Коле незаметно скосил на него глаза и сразу понял – нет, не поможет. И даже с «незаметно» ничего не получилось. Хитрый джинн перехватил его взгляд и знаками попросил отойти в сторонку. Можно подумать, что так их беседу никто не услышит. И землянин посредством кислого выражения лица дал понять: чего уж там, говори при всех!

– Махмуддин... – только и успел произнести землянин, прежде чем получить в ответ целый залп доводов, соображений и аргументов.

– Даже и не заикайся, Коля! Во-первых, у вас ничего не получится. Хоть с моей помощью, хоть без. Как бы ни был искушен в науках почтенный Эйнли, своих соплеменников он знает очень плохо. Горстка проходимцев-полукровок никак не могла похитить принцессу. Помимо дерзости, в таком предприятии необходимы тщательно продуманный план, достоверная информация

и четкая слаженность действий. И за спиной у похитителей наверняка стоит какой-то влиятельный гном, или даже целая корпорация. Бороться с которой, при всем уважении к вам, храбрые рыцари, просто бессмысленно.

А у меня, и это – во-вторых, множество деловых партнеров среди гномов. И с моей стороны было бы глупостью разрушать с таким трудом налаженные связи. Вдруг кто-нибудь из моих поставщиков каким-то образом связан с похитителями принцессы. Представляете, в какое неловкое положение я попаду? Доверие в бизнесе налаживается годами, а разрушить его можно в одно мгновение.

И, в-третьих, я не просто не хочу помогать вам, Коля – я не могу это сделать. Вспомни про инструкцию. «Кодекс джиннов» - документ древний, во многом уже устаревший, но по-прежнему обязательный к исполнению. Предположим, ты прикажешь мне воевать с гномами. Но я же обязан предупредить тебя

обо всех опасностях, с которыми ты столкнешься в этой войне. А если ты будешь настаивать, (а ты ведь упрям, как тысяча гномов, и обязательно будешь), мне придется напомнить тебе про пятую поправку. Дважды ты уже игнорировал мои предупреждения, этот раз станет последним.

Нет, я не против того, чтобы освободиться от всяческих обязательств перед своим благодетелем, но — слово джинна — мне больно видеть, как беспечно ты относишься к выпавшей на твою долю удаче. И я опять же обязан объяснить, к чему приведет твое упрямство.

Давай сделаем так: ты мне ничего не приказывал, я ваших разговоров не слышал. Сейчас мы долетим до дворца, ты со своими друзьями останешься в нем, а я отправлюсь обратно в столицу к падишаху. Если тебе что-то понадобится, во дворце есть телефон, по которому можно со мной поговорить. И все, что в моих силах, я для тебя сделаю. А в свободное от обязанностей придворного время

я обещаю навещать тебя, и мы снова сможем поговорить об таинствах мироздания, как в старые добрые времена. Разве я плохо придумал, а, Коля?

– Нет, Махмуддин, ты не очень хорошо придумал, – ответил космонавт. Да и разве мог он ответить по-другому, когда карие лазеры Лаванды просвечивали его насквозь – либо ты согласен стать бесстрашным героем, либо тебя сжигают на месте. А Коле, как ни крути, хотелось еще пожить. – Давай лучше сделаем так: ты мне все это рассказал, я как бы с тобой согласился, а что я стану делать дальше – тебя никак не касается.

Договорились?

Джинн безнадежно махнул рукой и опять занялся кальяном. Но, несколько мгновений спустя, любопытство взяло верх, и, обернувшись, он спросил:

– А что ты станешь делать дальше?

Коля с трудом сдержал улыбку и с серьезным видом ответил:

– Это военная тайна, Махмуддин! Могу

только сообщить, что будешь делать лично ты. Как только мы прилетим во дворец, Энимор и Черч определяют, что необходимо для его обороны. А ты достанешь все, о чем попросят господа рыцари. Понятно?

— Достать-то я достану, — как-то не очень уверенно кивнул Махмуддин. — А платить кто будет?

Настоящий джинн, даже выполняя приказы господина, никогда не забывает о собственной выгоде.

— А кто победит, тот и заплатит! — решил землянин после некоторого раздумья. — Или заставит заплатить проигравшего.

Давая такое обещание, космонавт руководствовался все той же восточной мудростью про ишака и эмира. Каких-либо сбережений ни у него самого, ни у компаньонов не было. А к концу войны они либо с почестями вернутся в Королевство, и Чисбур на радостях расплатится по всем вексям, либо весь отряд попадет в плен, и выбивать долги будет не из кого.

Оптимальный вариант для долгосрочной сделки.

Джинн тоже подумал, решил, что лучших условий он сейчас вряд ли сможет добиться, и в знак согласия задымил кальяном.

— А теперь, друзья мои, — обратился Коля к своему отряду, — давайте отойдем в сторону и поговорим о наших действиях.

Все переместились в кормовую часть ковра и уселись в круг. А Коля продолжил выступление:

— Я полагаю, что не стоит сразу же лезть в драку, — предложил он. — Было бы здорово, если бы принцесса быстро нашлась, но готовиться следует к затяжной войне. И нам стоит разделить обязанности. Граф и барон, как я уже говорил, для начала займутся охраной дворца и подготовят список необходимого нам оборудования и вооружения. Лаванда возьмет на себя хозяйственные вопросы. Мы с Бриком отправимся на разведку к гномам. А Эйтли предстоит консультировать как военных, так и

разведчиков. И вот когда мы со всем этим справимся, можно будет обсудить планы компании. Вопросы, замечания, предложения есть?

Вопросы, конечно же, нашлись. В том числе, и у Махмуддина, вроде бы и не участвовавшего в обсуждении. И совещание закончилось лишь тогда, когда джинн сообщил, что они уже подлетают ко дворцу. Да и то не закончилось, а скорее уж, прервалось на время. Весь отряд дружно, так что ковер едва не перевернулся в воздухе, устремился обратно в носовую часть – полюбоваться видом своего нового жилища. Но дворец пока ещё не был виден за гребнями барханов.

И Коля, задумчиво глядя в даль, как бы для себя, но так, чтобы и другие при желании могли услышать, произнес:

– Корпорация, говоришь? Деловые партнеры? Ну, я вам устрою бизнес по-русски! Вы у меня научитесь Родину любить!

Гном Эйнли, каким-то образом всегда

ухитрявшийся быть в курсе всех придворных новостей, при этих словах понимающе усмехнулся.

2008 г.

Тель-Авив – Санкт-Петербург